

В. МАЛКОВ

ГОЛОСА СУРОВОГО ВРЕМЕНИ

Дорогами героев: документы,
письма с фронта и на фронт,
дневники, воспоминания

КД 964796

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК

1982

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека

**ВСЕ МЕНЬШЕ СРЕДИ НАС
УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
ИХ ДЕЛА, ИХ ПОДВИГИ
ПЕРЕХОДЯТ В ЛЕГЕНДЫ,
СТАНОВЯТСЯ ЧАСТЬЮ
ПАМЯТИ НАРОДНОЙ И
ДУШИ НАРОДА.**

Л. И. Брежнев

ОТ АВТОРА

Разыскивая материалы об участии вологжан в Великой Отечественной войне, я перебрал в архиве сотни объемистых папок, в которых то и дело встречались заявления добровольцев, письма с фронта и на фронт, наградные листы, отрывки из дневников, официальные справки общественных организаций.

Появилась мысль написать книгу об участии вологжан в боях за Родину. Но сразу же возникло и много вопросов, ответы на которые не удавалось найти в архивных папках. Как, например, в Вологду попало письмо секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ В. Н. Иванова с благодарностью за помощь оказавшемуся в блокаде городу-герою? Кто сопровождал автоколонну с продовольствием по «Дороге жизни»? Были ли в составе 368-й стрелковой дивизии, оборонявшей Ошту, вологжане?

Большинство писем с фронта поступило на хранение в годы войны. Как сложилась судьба их авторов? Где они закончили свой боевой путь?

Началось путешествие по дорогам документов и литературных источников. На помощь пришли партархив Вологодского обкома КПСС, областной краеведческий музей и Северное отделение Археографической комиссии АН СССР при Вологодском пединституте. В райвоенкоматы, райкомы партии и райкомы ВЛКСМ было направлено свыше пятисот запросов. По их от-

ветам выяснялись подробности того или иного эпизода войны, адреса бывших фронтовиков или их родственников. По выявленным адресам снова летели запросы. По областному радио не раз звучали краткие сообщения: «Хочется надеяться, что еще есть свидетели и участники того героического рейса в Ленинград...», «Может, кто-нибудь знает...», «Откликнитесь, боевые друзья!» Иногда поиск приходил в тупик. Связь между фронтовиками оборвалась, и следы многих из них затерялись. Но в целом все же был собран богатейший материал о тех, кто «ступал в тот след горячий», кто «там был», кто «жил тогда».

В ходе работы над книгой я беседовал со многими участниками Великой Отечественной войны. Они не только поделились своими воспоминаниями, но и пополнили архивный фонд новыми документальными свидетельствами. Герой Советского Союза Б. Н. Фарунцев, например, вручил пачку писем, которые он посылал с фронта домой. Старожилы Вологды Л. П. Трофимова, Л. В. Соломонова, А. И. Якубова, Б. М. Онищук, Н. И. Люлина, Е. Ф. Шарапова, М. С. Котова сообщили ценные сведения о помощи вологжан эвакуированным ленинградцам. Ветеран войны А. А. Бovyкин прислал фотографию, на которой он снят у гвардейского красного знамени под Сталинградом. В книге воспроизведен и ряд писем, ранее опубликованных в сборнике «Письма с фронта». После выхода сборника в свет читатели откликнулись, и это помогло полнее воссоздать облик воинов-фронтовиков — павших и живых, прославленных и безымянных.

ПОШЛИТЕ МЕНЯ НА ФРОНТ!

Воскресное утро 22 июня 1941 года в Вологде выдалось ослепительно солнечным. Горожане, стосковавшись после долгого ненастья по теплу, направлялись за город, на берег реки, в окрестные перелески. Красочные афиши оповещали, что в Октябрьском поселке и на стадионе «Динамо» состоится большой физкультурный праздник.

В полдень в парке паровозовагоноремонтного завода началось массовое гулянье. Около открытой эстрады — музыка, смех, многоголосый говор...

Вдруг стихли оркестры. Радио сообщило тревожную весть о том, что гитлеровская Германия совершила вероломное нападение на нашу страну.

Война!

В первые же часы после объявления о войне городской военкомат заполнили толпы запасников — командиров и солдат: «Пошлите на фронт!» В партийные комитеты поступали сотни заявлений от добровольцев. Почти каждое начиналось словами: «Прошу направить в действующую армию...»

Только от коммунистов и комсомольцев Вологды в первую неделю войны поступило свыше трех тысяч заявлений с просьбой зачислить в ряды Красной Армии. Такая же картина наблюдалась и в других городах области.

Помню, в самом начале войны по корреспондентским делам мне довелось быть на Вологодском паровозовагоноремонтном заводе. Сразу после митинга более ста рабочих подали заявления о направлении в действующую армию. Начальник завода Н. Е. Журавлев советовался с секретарем горкома партии А. В. Флегонтовым: «Как быть? Все просятся на фронт...» Вполне понятно, что удовлетворяли далеко не все

просьбы. Приходилось объяснять, что в условиях военного времени работа на таком заводе, как ВПВРЗ, тоже немаловажна. Не может фронт обходиться без паровозов и вагонов. Предстояли и оборонные заказы.

Врезался в память еще один эпизод. По соседству с нами на улице им. Клары Цеткин в большом деревянном доме жила семья Силиных. Мать Павла Ивановна, снаряжая на фронт старшего сына Леонида, заметила, как младший Владимир, которому только что исполнилось семнадцать, тоже заторопился.

— Ты куда, сынок?

— В военкомат. Буду проситься на фронт...

— Мал ты еще. Возьмут ли?

— Я добровольцем, мама...

У матери мороз пошел по коже. Ведь знала, что с войны не все возвращаются. Но отговаривать сына не стала, а соседям с гордостью говорила: «Вон у меня какой младшенький-то!»

В Вологодском медицинском училище прослышали, что формируется военно-санитарный поезд. Директор училища Н. П. Лыков на общем собрании объявил: «Требуются добровольцы обслуживать раненых. Предупреждаю, санитарный поезд будет курсировать в прифронтовом районе». На стол директора тут же легло заявление от группы учащихся третьего курса: «Просим зачислить в ряды РККА в качестве фельдшеров, так как мы хотим быть участниками Отечественной войны. Заверяем нашу партию и правительство, что мы по-комсомольски выполним возложенные на нас задачи...» И подписи С. Соловьевой, А. Баландиной, А. Сорокиной, С. Кондратьевой, М. Чунриковой, А. Лепетовой, А. Лепетова, К. Горбина. Военно-санитарный поезд был полностью укомплектован выпускниками училища. Люди в белых халатах оказались бесстрашными тружениками войны. О их мужестве рассказано в повести В. Пановой «Спутники».

В партийном архиве Вологодского обкома КПСС сохранились объемистые папки с выцветшими от времени листами бумаги. Когда я читал эти заявления, меня не покидало чувство гордости за тех, кто рвался в огонь сражений. Не ради славы — ради жизни на земле. Ими руководило сознание высокого долга перед Родиной.

Заявления, заявления, заявления... Содержание их не требует каких-либо комментариев. Так пусть эти документы продолжат мой рассказ.

*В Вологодский горвоенкомат от
К. И. Лаврентьева, работающего на
заводе «Северный коммунар» в ка-
честве токаря, проживающего по
ул. Красногвардейской, д. 21-1,*

заявление.

Прошу разобрать мое заявление и зачислить меня в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии добровольцем ввиду неожиданного нападения Германии на нашу страну.

*Я хочу защищать нашу Родину, бить врага на той территории, с которой он пришел, и, если потребуется, готов отдать жизнь за счастье народа. Прошу не отказать в моей просьбе.
24 июня 1941 г.*

К сему К. Лаврентьев.

*В Вологодский горвоенкомат от
Круглова Павла Ивановича, рабо-
чего ВПВРЗ, поммашиниста элек-
троцека, проживающего в общежи-
тии ВПВРЗ, дом № 14, год рож-
дения 1922,*

заявление.

Прошу принять меня досрочно в ряды РККА добровольцем ввиду грозящей опасности Родине. Как сын трудового народа, обещаю до последней дыхания быть верным Родине и беспощадно громить зарвавшихся псов фашизма.

24/VI 1941 г.

П. Круглов.

В Вологодский горвоенкомат от бывшего краснофлотца Старостина Александра Александровича, 1910 года рождения, члена ВКП(б), четыре года служил в Балтийском флоте,

заявление.

В эти тревожные дни, когда наша Родина подверглась нападению немецко-фашистских захватчиков, я не могу оставаться дома и прошу отправить меня в распоряжение командования Балтийского флота. Обязуюсь честно постоять за свою Родину. Если потребуется, готов отдать жизнь для полного уничтожения врага.

25/VI 1941 г.

А. Старостин.

В райком комсомола от Голубева Владимира Георгиевича, студента Вологодского сельскохозяйственного института, 4-й курс,

заявление.

Прошу райком комсомола направить меня в ряды Красной Армии, где я хочу и стану с оружием в руках бороться с врагом не щадя своей жизни. В просьбе прошу не отказать.

21/IX 1941 г.

К сему В. Голубев.

На многих заявлениях стояли резолюции: «Зачислить в маршевую роту; направить в военное училище; воздержаться до особого распоряжения». Если местный военкомат отказывал, добровольцы обращались в военный округ, в наркомат и даже к Верховному Главнокомандующему. Вот несколько таких документов:

Секретарю Вологодского обкома
и горкома ВКП(б) товарищу Кома-
рову

заявление.

Я подал два заявления о приеме меня добровольцем в Красную Армию, но ответа не получил. Прошу Вас убедительно оказать мне содействие. Заверяю, что с честью оправдаю звание члена партии. Буду храбро бороться, не щадя своей жизни, с фашистскими разбойниками, посмеявшимися вероломно напасть на нашу Родину.

19/VII 1941 г.

Н. Яковлев, член партии, редак-
тор газеты «На стройке».

Телеграмма из Вологды. 26/VI 1941 г.

Правительственная. Москва. Тимошенко.

Мною подано заявление вологодскому горвоенкому о зачислении добровольцем в ряды РККА для борьбы против фашизма. Прошу об ускорении разбора заявления. Директор 29-й средней школы Поспелов.

Телеграмма из Вологды. 24/VI 1941 г.

Правительственная. Москва, Кремль, тов. Сталину.

Прошу зачислить в Красную Армию добровольцем. Вологда Турундаево. Логинов.

Добровольцы шли на фронт с приподнятым настроением. Первыми идти на самые трудные, опасные задания, действовать смело и решительно в любой обстановке, делать сверх того, что повелевает долг. Вот их стремление. Какие испытания выпадут им? Вернутся ли домой? Об этом в тот грозный для Родины час они не думали.

Женщины, провожая на войну мужей и сыновей, не могли сдержать слез... Вот прощальный свисток паровоза. Солдаты, сгрудившись у дверей вагона-теплушки, приветливо машут руками. До провожающих ветер доносит песню: «До свиданья, мама, не горюй...» Стучат колеса по рельсам. Где-то в березовых перелесках эхом отзываются слова: «До свидания, до свидания... Вернемся с победой!»

В бой рвались даже мальчишки и девчонки. Ученицы Усть-Кубинской средней школы Мария Байкова и Зоя Белова, получив отказы в военкомате и райкоме комсомола, обратились к К. Е. Ворошилову с просьбой помочь поступить в летную школу, чтобы «заменить в боевом строю погибших летчиц». Многие учащиеся ремесленных училищ и студенты, кто по возрасту не подходил для призыва в армию, тоже стремились на фронт. Ученик железнодорожного училища Георгий Заварин, которому исполнилось семнадцать лет, дважды писал в горвоенкомат заявление с просьбой зачислить в ряды РККА. С таким же ходатайством обращались комсомолки Климова, Никитина, Пузина, Матюшина, Куприянова и многие другие.

В партархиве хранится еще одна папка, на которой указаны точные координаты для исследователей: «Фонд 1858. опись 5, дело 349...» Здесь заявления ополченцев, тех, кто не подлежал мобилизации в армию, но не мог оставаться вне ее рядов.

В то время, когда маршевые роты одна за другой отправлялись на фронт, в партийные организации хлынул поток заявлений с просьбой зачислить в ряды народного ополчения. Это был невиданный порыв уже немолодых людей, готовых сразиться с врагом. Только за пять дней, с 4 по 10 июля 1941 года, в Вологде в ополченцы записались 4200 человек. Вот документы тех дней.

*В парторганизацию Вологодского пединститута от преподавателя
А. С. Ягодинского*

заявление.

С первых дней войны с кровавым фашизмом мой старший сын принимает участие в отпоре заревавшегося врага. В ближайшие дни в ряды доблестной Красной Армии вступит и второй мой сын. В эти дни и я не могу стоять в стороне от непосредственной борьбы с злейшим врагом коммунизма — германским фашизмом. Поэтому прошу зачислить меня в народное ополчение. Клянусь по первому призыву грудью встать на защиту нашей Родины.

5/VII 1941 г.

Член ВКП(б) А. Ягодинский.

В партийную организацию при школе № 10 от члена ВКП(б) Копосовой Марии Феодосьевны, партбилет № 2538611,

заявление.

Прошу зачислить добровольцем в один из коммунистических отрядов, так как я желаю грудью защищать нашу Родину от банд фашизма.

4/VII 1941 г.

М. Копосова.

Ополченцы продолжали трудиться на предприятиях, а в нерабочее время изучали военное дело. «Превратим каждый населенный пункт, завод, колхоз в неприступную крепость обороны!» — таков был лозунг тех дней войны.

«Пошлите меня на фронт!..» С тех пор как были написаны эти строки, прошло более сорока лет. Но не забыты суровые годы. Пожелтевшие от времени листы представляются нам драгоценным свидетельством небывалого патриотизма советских людей.

СЛОВО ЗАЩИТНИКУ БРЕСТА

22 июня 1941 года. Над Брестом занимался рассвет. Из-за кромки зубчатого леса поднимался оранжевый диск солнца. Вдруг утреннюю тишину прорезал мощный рокот моторов, а через несколько мгновений показали и самолеты с зажженными бортовыми огнями. Перелетев границу, они, как коршуны, закружили над крепостью.

Посыпались бомбы. Вокруг все запылало и окуталось черным дымом. Земля вздыбилась от взрывов. Рушились дома.

Лейтенант Анатолий Виноградов в ту ночь нес службу оперативного дежурного по штабу 455-го стрелкового полка, расположенного в Брестской крепости. Услышав гул самолетов, он бросился к телефону. Но связь со штабом дивизии, который находился в городе, уже была выведена из строя...

Оперативный дежурный поспешил в казарму.

— В ружье! — загремел его басистый голос. — Занять круговую оборону!

В крепость прорвались немецкие штурмовики. Из амбразур заговорили ручные пулеметы. Пограничники схватились врукопашную с гитлеровцами.

В это время из-за излучины Буга ударили тяжелые орудия. Вслед за огненным валом к главным воротам крепости двинулись танки, сопровождаемые автоматчиками.

До полудня наши пограничники отбили шесть яростных атак. Об этом радисты успели передать в эфир. Но вскоре питание в батареях иссякло. Связь оборвалась.

Только спустя год из газеты «Красная звезда» советские люди узнали о подвиге Бреста. В ней были опубликованы выдержки из переведенного на русский

язык «Боевого донесения о занятии Брест-Литовска», обнаруженного в архиве штаба разгромленной под Орлом 45-й фашистской пехотной дивизии. Вот несколько строк из этого документа: «Ошеломляющее наступление на крепость, в которой сидит отважный защитник, стоит много крови. Русские в Брест-Литовске дрались исключительно настойчиво и упорно, они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к сопротивлению». Таковы признания врага. Заметим, речь идет не о Сталинграде, не о Курской дуге и Севастополе, а о первых минутах и первых неделях военных действий.

Со временем открывались новые и новые страницы обороны Брестской крепости. Появлялись сообщения очевидцев о том, как бились с врагом защитники осажденного бастиона.

Летом 1944 года наши войска, очищая родную землю от немецко-фашистских оккупантов, вошли в Брест. Они увидели разорванное во многих местах снарядами кольцо крепостных сооружений. Изуродованные взрывами, пулями и осколками, опаленные огнем красные кирпичи. На стенах надписи: «Умрем, но из крепости не уйдем!», «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20/VI 41», «Мы еще вернемся!». Все свидетельствовало о том, что бойцы здесь стояли насмерть.

Спустя шесть лет после окончания войны, в 1951 году, при раскопках одного из участков казарм, где находился штаб полка, под развалинами обнаружили новые вещественные свидетельства об обороне Бреста. Особый интерес вызвали истершиеся от времени на гнибах три листочка бумаги, найденные в планшете неопознанного командира. Это остатки так называемого приказа № 1 от 24 июня 1941 года. При исследовании установили, что он написан лейтенантом Виноградовым, тем самым, который организовывал круговую оборону.

Дальнейшие поиски привели в Вологду. После окончания войны Анатолий Виноградов вернулся в родной город и работал на заводе «Мясомолмаш». Когда ему показали полуистлевшие листочки бумаги, он сказал: «Это и есть тот приказ № 1, который я писал во время бомбардировки в подвале крепости под диктовку комиссара Фомина...»

Об обороне Брестской крепости сейчас знает весь мир. О солдатах бессмертного гарнизона написаны книги, поставлены кинофильмы, открыты экспозиции в музеях. Но особенно дороги нам свидетельства очевидцев.

Анатолия Александровича Виноградова уже нет в живых. Но остались его воспоминания, написанные по горячим следам событий. Мне не раз довелось встречаться с ветераном войны и слушать его рассказы — от первых огненных языков, которые слились в сплошное злоещее зарево над Брестом, до того мгновения, когда он, тяжело раненный и контуженный, потерял сознание.

Итак, слово о виденном и пережитом участнику обороны Брестской крепости Анатолию Александровичу Виноградову.

«В ночь на 22 июня 1941 года, — писал герой Бреста, — я был оперативным дежурным по штабу полка. Первые залпы, грохот разрывов привели в смятение. Густой дым, пыль, огненные языки пламени заволкли всю крепость.

Не успел прийти в себя от этого потрясения, как взрывная волна отбросила меня от стола к стене, в лицо впились осколки стекла... Выскочил во двор. Горели казармы. Многие из бойцов уже занимали оборону.

В первый день войны фашисты с невиданной ожесточенностью пять или шесть раз ходили в атаку. А в промежутках между атаками методически бомбили и обстреливали все вокруг. К исходу дня территория

центральной крепости была усеяна убитыми и тяжело ранеными. Среди них находилось немало наших товарищей, но фашистов было больше.

В результате стойкости бойцов гитлеровцы были вынуждены прекратить атаки и оттянуть назад штурмовые группы. Это было, по существу, первое отступление немецких войск с начала второй мировой войны.

Надвигалась ночь. Воспользовавшись краткой передышкой, мы подвели подсчет оставшихся сил и средств. Потери личного состава были велики. Не хватало боеприпасов, медикаментов и перевязочных средств. На помощь из соседнего гарнизона не рассчитывали. Решили пополнять боеприпасы и недостающее оружие за счет гитлеровцев. Ночью собрали много винтовок и патронов. Какгодились они в последующие дни боев!

Рядовой Васильковский принес мне планшет с военной топографической картой, взятой им у убитого фашистского офицера. Карта раскрыла нам замысел вражеского командования. По приказу, они должны были овладеть крепостью к 12.00 22 июня.

На вторые сутки фашисты, не надеясь на пехоту, вновь пустили в дело танки. Наши орудия находились в парке. Путь туда отрезал огонь гитлеровских автоматчиков.

Инициативу проявил старшина батареи комсомолец Попов. С группой артиллеристов он под вражеским огнем сумел выкатить 76-миллиметровую пушку, из которой, немедля, открыл по танкам огонь. В воротах крепости подбили одну из фашистских машин. Она преградила дорогу другим. Танки, ворвавшиеся в крепость, были расстреляны огнем из орудия или же подбиты связками гранат.

Запечатлелся на всю жизнь день 24 июня. Полковой комиссар Фомин собрал в одном из подвалов центральной части крепости группу командиров и заявил,

что создавшееся положение требует еще более организованной борьбы. В числе присутствовавших был и я.

Комиссар предложил объединить разрозненные подразделения в общую сводную группу и назначить единое командование. Чтобы об этом знали все, решили издать боевой приказ. Сам Фомин был ранен и писать не мог. Под его диктовку на этом совещании на блокнотных листах я набросал приказ № 1 по осажденному гарнизону центрального форта крепости. В приказе командование сводной группой поручалось капитану И. Н. Зубачеву, а его заместителем назначался полковой комиссар Е. Н. Фомин. Они и были душой всей обороны.

В приказе давались директивы о том, как в сложных условиях продолжать оборону крепости. Командирам оставшихся частей предлагалось учесть бойцов по списочному составу и объяснить смысл событий, которые совершались на их глазах. Поскольку в первые дни подразделения сильно поредели, решили сформировать роту в составе четырех взводов. Номера воинских частей оставались без изменений.

Особое значение приказа № 1 в том, что он вносил строгий воинский порядок в осажденной крепости, вооружал командиров и бойцов верой в то, что положение небезнадежно.

В конце июня, когда центральная часть крепости была превращена в сплошные развалины, боеприпасы подходили к концу и пополнить их было неоткуда, а смерть не только от ран, но и от голода и от жажды еще ожесточеннее косила наши ряды, командование решило сделать попытку прорваться из крепости.

Капитан Зубачев и комиссар Фомин приказали мне сформировать головную группу прорыва в составе усиленной роты и возглавить ее. Все бойцы отряда изъявили готовность идти на прорыв.

Форсировав речку Мухавец, мы должны были вый-

ти на юго-восточную окраину Бреста. Выждав момент, я дал команду.

Бойцы бросились к речке и начали форсировать ее. Фашисты открыли сильный ружейно-пулеметный огонь. Многие из наших пограничников погибли. Оставшиеся в живых выбрались на берег и, ринувшись врукопашную, штыками и гранатами прорвали первое кольцо гитлеровцев.

Мой отряд продвигался вблизи Варшавского шоссе. Было еще светло, и немцы заметили нас. Они с ходу развернули свои силы. Я дал команду занять круговую оборону. Рассредоточившись, вступили в бой. Хотя немцев было значительно больше, мы отбили несколько атак. Видя, что от пехоты толку мало, гитлеровцы бросили против нас артиллерию.

Местность была открытая, ровная. Вражеские орудия прямой наводкой стали бить по занятым нами позициям. Мы несли большие потери. Каждый был несколько раз ранен или контужен. Когда немцы тесным кольцом окружили нас, мы, собрав последние силы, схватились врукопашную.

В этот момент и закончились мои боевые дела. Я был ранен, потерял сознание. Очнулся от ударов прикладом. Случилось самое страшное — я оказался в руках фашистов. Вместе со мной попали в плен и двенадцать других тяжело раненных бойцов. Остальные погибли...»

Крепость пала, но долго еще раздавались в ней одиночные выстрелы. Об этом лейтенант Виноградов уже не мог знать. Более двух лет он находился в лагере для военнопленных в «рабочей команде», при содействии подпольной группы совершил побег и, установив связь с партизанами, стал действовать в тылу врага.

Следует сказать, что защитник Брестской крепости, оказавшись в сложной обстановке, достойно нес звание советского гражданина. За мужество и отвагу Со-

ветское правительство удостоило его орденов Красного Знамени и Красной Звезды.

После окончания войны Анатолий Александрович возвратился в Вологду и поступил работать на завод «Мясомолмаш». Постепенно зарубцовывались раны. Когда представилась возможность, он поехал в Брест. Хотелось посмотреть на каменную твердыню — место, где проходило сражение.

С волнением ступил Анатолий Александрович на опаленную огнем землю. Вот здесь было зарыто полковое знамя. Виноградов знал об этом и помог восстановить мало кому известные события. А вот церковь, где бойцы оборонялись до последнего патрона. От этого сооружения остались руины.

Виноградов побывал в музее крепости и помог уточнить некоторые детали из обороны Бреста. В дальнейшем при его содействии удалось установить фамилии оставшихся в живых защитников крепости по фотографии, опубликованной в «Комсомольской правде».

А сколько еще у той земли своих тайн? Осенью

СЛУШАЯ РАДИО

СМЕЛО ИДИТЕ В БОЙ...

Во время Великой Отечественной войны для советских людей очень много значило радио. Голос, произносивший «Говорит Москва», приковывал внимание, вселял надежду, звал на подвиг. Особой популярностью пользовались передачи «Письма на фронт и с фронта». Вот один из таких документов:

письмо вологжан Ф. и А. Корякиных детям—воинам действующей армии. Оно было передано в самом начале войны по Всесоюзному радио.

ДОРОГИЕ ДЕТИ!

Сережа, Капа, Тоня и Толя, к вам наше слово. Девятнадцать дней идет война с

1957 года в укреплениях форта нашли останки двадцати шести красноармейцев. Около них — позеленевшие патроны, оружие, саперные лопатки. Бойцы сражались до последнего дыхания. Но кто они? Вряд ли мы узнаем все их имена. Ясно одно, защитники Брестской крепости были настоящими солдатами, которых выковала армия нашей страны.

К таким воинам по праву можно отнести и лейтенанта А. А. Виноградова. Как много он пережил и как беззаветно был верен воинскому долгу!

В последний раз мне довелось встретиться с Виноградовым в 1975 году. Вроде бы ни на что он всерьез не жаловался, и вдруг его не стало. Но в том-то и дело, что не совсем вдруг. Была война, впоследствии она давала о себе знать ноющими ранами, болью о пережитом. Прощаясь, Виноградов показал мне книгу С. С. Смирнова «Брестская крепость». На титульном листе ее надпись: «Герою Брестской крепости Анатолию Александровичу Виноградову дружески от автора...»

////////////////////////////////////

вероломной Германией. За эти дни Красная Армия показала чудеса героизма, отваги и преданности Родине. Враг будет разбит. Фашизм будет уничтожен. Такова воля народа и партии.

Мы уверены, что все вы будете в первых рядах, будете защищать Родину до последней капли крови, проявите стойкость, мужество и отвагу и возвратитесь в родной город с победой.

Идите смело в бой, не думая о нас, стариках, и сво-

их семьях. Здесь в тылу проявлена большая забота о нас, и мы хотим только одного: скорее разгромить фашизм и уничтожить всю клику Гитлера.

Весь тыл поднялся на защиту Родины и на помощь Красной Армии. Я старик, ваш отец, сейчас совмещаю три должности, работаю, не жалея сил. Состою в отряде народного ополчения. Миля тоже работает и состоит в народном ополчении. Мама состоит в группе самозащиты.

Совсем недавно, приехав в Москву, я зашел в Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Перехожу от стенда к стенду и вижу приказ № 1. Истлевшие листы бумаги, вырванные из блокнота. Торопливый почерк. Отдельные строки перечеркнуты. Вспомнив рассказ Виноградова, я на миг представил, как комиссар 84-го полка Ефим Фомин, израненный, преодолевая боль, подбирает нужные слова: «Создавшаяся обстановка в крепости требует создания единого руководства и организованного боевого действия для дальнейшей борьбы с противником...»

Документ пролежал под развалинами почти десять лет. Окончания приказа и подписей под ним время не сохранило. Из этого документа мы впервые узнали имена руководителей обороны центральной цитадели.

Приказ № 1 до настоящего времени остается, по существу, единственным письменным источником об обороне Брестской крепости. Он свидетель непоколебимой стойкости защитников бессмертного гарнизона.

СЛУШАЯ РАДИО

Все мы включились в борьбу с коварным врагом.

Искренне по-родительски призываем вас, любимые дети, идти только вперед, упорно, бесстрашно громить и уничтожать фашизм, чем обеспечите расцвет культуры поработанных народов Европы.

Вперед, к полному разгрому врага! Не забывайте нас, пишите о своих подвигах и борьбе с фашизмом.

Крепко целуем.

Ваши родители

Флегонт Корюкин и Александр Корюкина.

Адрес: г. Вологда, ул. Чернышевского, дом 28.

ОНИ ПРИНЯЛИ ПЕРВЫЙ УДАР

«Здравствуйте, дорогие родители, братья и сестры! — писал 1 июля 1941 года сержант Александр Круглов. — Шлю вам сердечный привет! В настоящее время нахожусь на старой границе. Только счастливая случайность спасла мне жизнь. За период с 22/VI по 1/VII пережил очень многое, но все трудности еще впереди.

Свершилось такое ужасное дело. Война с Германией будет нелегкой, враг силен, и потребуются величайшие усилия, чтобы его разбить и уничтожить.

Сколько моих боевых друзей погибло смертью храбрых. Их имена войдут в века, как истинных героев народа.

Прошу вас не горевать и не плакать, если погибну. Умирать буду за свое народное, великое дело.

Пусть помнит презренный враг, что не бывает ему на русской земле...»

Сержант Круглов вместе со своими товарищами на 10-й погранзаставе принял первый удар врага на государственной границе СССР. В момент сурового испытания он не пал духом, проявил мужество и стойкость.

...Александр Круглов родился в селе Липин Бор, раскинувшемся на берегу Белого озера. Многому научило и закалило его крестьянское детство. Отец Леонтий Андреевич и мать Анна Егоровна рассказывали, что в десять — двенадцать лет мальчик умел и косить, и дрова рубить, и мережи ставить. После семилетней школы Александр поступил в Белозерское педагогическое училище. А через три года молодой учитель появился в Куркинской неполной средней школе под Вологодой. Со временем крепло желание получить высшее образование. В 1939 году Круглов поступил в Вологодский педагогический институт.

Однако окончить институт не пришлось. На западной границе Советского Союза было неспокойно. Круг-

лова призвали в армию. Вот он уже принял присягу и был направлен в школу младших командиров.

Быстро пролетели шесть месяцев учебы. 9 октября 1940 года Александр сообщал родным: «Школу младших командиров окончил успешно. Сейчас нахожусь в 17-м пограничном Краснознаменном отряде, на заставе, на самой линии государственной границы. Началась жизнь, полная опасностей...»

Враги действительно то и дело засылали на нашу территорию лазутчиков. На счету дозорного Круглова было уже несколько задержанных диверсантов.

То памятное июньское утро сержант Круглов встретил в местечке Пальчицы, в двух километрах от Бреста, на участке 10-й погранзаставы. Но значительно позднее стали известны подробности тех событий, о которых он сообщал в письме родным. Послушай, читатель, как это было.

21 июня 1941 года. Вечер. Сержанта Круглова вызвали к начальнику заставы. «В двадцать три часа вместе с двумя бойцами пойдете в наряд, — объявил младший лейтенант Ишков. — Будьте внимательны. Немцы притаились...»

Договорившись о зонах наблюдения, пограничники исчезли в зарослях кустарника. Круглов неторопливо шел по тропе. Сколько раз ему приходилось стоять на охране этого участка. Каждый поворот, каждый кустик знакомы... Вот в кустах вспорхнула какая-то пичужка. В ивняке, не умолкая, заливались соловьи. Прокуковала кукушка. Старая знакомая! Но почему же не слышно собачьего лая? Обычно немецкие сторожевые собаки устраивали ночные «концерты» без всякого повода.

Пограничник, подойдя к стволу сосны, вытащил телефонные наушники и доложил на заставу: «Тихо, товарищ дежурный. Собачьего лая? Нет, не слышно. Есть усилить наблюдение!»

Повернув обратно, замедлил шаги. Послышался тихий всплеск воды. Руки крепче сжали винтовку...

Спустился к реке. Сквозь предутреннюю мглу увидел чью-то фигуру. «Перебежчик», — мелькнуло в голове. Когда тот выбрался из воды на берег, Круглов вскинул винтовку: «Ни с места!»

Доставленный в комендатуру фашистский лазутчик сообщил, что немецкие отряды отошли от границы. На их место прибыли полевые войска. Ему же приказано вывести из строя телеграфно-телефонную линию, связывающую Брест с пограничной заставой.

«Пограничники отошли от границы, — размышлял Круглов, продолжая вести наблюдение. — Так вот почему не слышно собачьего лая...»

Над Бугом занимался рассвет. Все дышало тишиной. Казалось, земля спит. А в это время на противоположном берегу немецкие солдаты уже закрывали люки танков. До нашествия на советскую землю оставалось пятнадцать минут...

Пограничник неторопливо шагал по знакомой тропинке. Вдалеке послышались глухие удары. Что это? Гром?.. И вдруг сильный взрыв. Над заставой взвились черные клубы дыма. В тот же миг с запада донесся монотонный рокот моторов. Рвались мины и снаряды. Круглов ринулся к караульному помещению. Вбежав во двор, он увидел полуразрушенное здание комендатуры. Из казармы по боевой тревоге спешили пограничники. Сержант Круглов вместе со своим расчетом выдвинул пулемет на мыс реки, с которого открывался хороший обстрел.

Едва умолк грохот от разрывов снарядов, от противоположного берега немецкие солдаты, спустив надувные лодки, открыто с гиканьем поплыли через реку.

«Спокойно, — услышал Круглов в телефонную трубку голос начальника заставы. — Подпустите поб-

лиже...» Как только гитлеровцы стали выскакивать из лодок, по ним ударил свинцовый ливень. На флангах защелкали частые винтовочные выстрелы. От прицельного огня попадало немало десантников. А тех, кто пытался вплавь вернуться обратно, настигли меткие пули.

Начальник заставы похвалил Круглова за отличную стрельбу, но посоветовал сменить позицию: «Фашисты засекли огневые точки. Берегите патроны. До подхода подкрепления придется отбить еще не одну атаку...»

Круглов перетащил «максим» в присмотренный заранее окопчик. Не прошло и десяти минут, как на заставу обрушился шквал огня. Под прикрытием дымовой завесы гитлеровцы готовились к атаке. На этот раз они решили перейти реку вброд по каменной гряде, скрытой под водой.

По сигналу белой ракеты штурмовики в касках и с автоматами наперевес двинулись вперед. Видимо, они считали, что с нашими огневыми точками покончено.

СТРОКИ

С ПЕРЕДОВОЙ

В ПОЕДИНКЕ ВЫШЕ ОБЛАКОВ

Летчик-истребитель Михаил Жуков, возвращаясь 24 июня 1941 года с боевого задания, заметил вражеский бомбардировщик. Он нажал на гашетки пулеметов, но выстрелов не последовало — кончились патроны. Времени для размышлений не оставалось. Пилот направил самолет

вверх, нагнал вражеского стервятника и, нацелившись, камнем упал на него. Бомбардировщик закачался, окутался дымом и, теряя скорость, начал падать.

В послужном списке пилота об этом подвиге сказано кратко. «В воздушном бою тов. Жуков таранил вра-

Круглов, выждав удобный момент, нажал на гашетку. Цепи гитлеровцев поредели. Но все же некоторым штурмовикам удалось перебраться через реку и укрыться в кустах. Пограничники добивали их штыками в рукопашной схватке. Понесли потери и защитники заставы.

После очередного огневого налета гитлеровцы приняли попытку переправиться через Буг в других местах — подальше от опорных пунктов заставы. Пограничники встретили их огнем, но силы были слишком неравны.

Приближался полдень. Во двор заставы влетел на коне посланный час назад связной. В воинскую часть он пробраться не смог — кругом уже были немцы, в Брестской крепости шел бой.

Надежда на подкрепление рухнула. Начальник заставы Ишков, собрав командиров отделений, приказал занять круговую оборону...

Гитлеровцы снова бросились в атаку. Пограничники открыли огонь. Чтобы сбить с толку противника, рас-

жеский самолет и загнал его в озеро. Сам же летчик благополучно посадил свой самолет на аэродром».

Когда в июле 1941 года М. П. Жукову одному из первых в период Отечественной войны присвоили звание Героя Советского Союза, он написал своей матери в деревню, в Череповецкий район: «Как-то не верится, что обо мне, деревенском парне, говорят по радио и пишут в столичных газетах. Я же почти ничего особенного не сде-

лал. Я просто выполнил свой воинский долг перед Родиной. А таких, как я, у нас миллионы. Недаром же в песне поется: «Когда страна быть прикажет героем — у нас героем становится любой».

Думал ли Михаил Жуков, что, идя на таран, он останется жив и станет героем? Конечно, нет. Как и все советские воины, он думал не о славе, а о том, как уничтожить врага и победить.

Когда корреспонденты фронтовых газет попросили

чет Круглова менял позиции. Время от времени заливали в кожух пулемета воду, настолько он раскалялся от стрельбы. Стоило кому-либо из гитлеровцев подняться, «максим» снова оживал. Но вот вражеский снаряд угодил в край окопа. Круглов увидел, как его товарищ по расчету рухнул на землю. Кто будет подавать ленты? Осталось одно — перебраться в дот и сохранить пулемет.

Измотанные непрерывными атаками, гитлеровцы сделали передышку. Воспользовавшись затишьем, Круглов набил еще несколько лент. От духоты в доте спирало дыхание. Першило в горле. Страшно хотелось пить.

День клонился к вечеру. Вдоль пограничной полосы стало тише. Бой переместился в глубину нашей обороны. Начальнику заставы доложили, что гитлеровцы подтащили огнеметы. Значит, будут блокировать доты. А что может сделать горстка бойцов, на вооружении которых один «максим», три ручных пулемета да винтовки?

СТРОКИ

С ПЕРЕДОВОЙ

Жукова рассказать о своем подвиге, он смущенно ответил: «Какой подвиг! Я поступил так, как это сделал бы каждый советский пилот. Иначе не мог. Если бы я струсил, немец сбил бы меня и моих товарищей».

Почти ежедневно Жуков участвовал в воздушных боях, на его счету было свыше десяти фашистских стервятников. Вот что писал он матери

в конце декабря 1942 года: «Нахожусь в доме отдыха, а отсюда в решающий бой. Все мои помыслы направлены к одной цели — бить фашистов повсюду, пока последний из них не будет вышвырнут с нашей земли... Я дрался и буду драться, пока сил хватит, пока сердце бьется».

Полная отваги и мужества жизнь пилота оборвалась осенью 1943 года. Имя мас-

Оценив обстановку, Ишков созвал в блиндаж защитников заставы.

— Мы в окружении, — обратился он к пограничникам. — На исходе боеприпасы. Будем небольшими группами пробиваться сквозь вражеское кольцо...

— А вы с нами, товарищ командир? — спросил Круглов.

— Некуда мне идти, — тихо отозвался Ишков. — Как начальник, я не имею права оставить заставу...

Смеркалось. Над рекой стлался туман. Пахло гарью. По шоссе, которое вело к Бресту, промчались немецкие танки. А на погранзаставе № 10 по-прежнему развевался красный флаг.

Сквозь вечерний полумрак Ишков заметил, как, прижимаясь к земле, к блокгаузам ползли штурмовики. «Огня не открывать! — приказал он. — Гранаты к бою!» Доты молчали. Гитлеровцы, поднявшись во весь рост, бежали вперед с криками: «Русс, сдавайся!»

В ответ полетели гранаты. Не успели фашисты опомниться, как пограничники бросились врукопашную. Это была их последняя контратака. В разгар боя погиб начальник заставы Михаил Куприянович Ишков. Пограничников осталось только пятеро. Что предпринять? Ждать до утра и погибнуть? Пустое геройство! Надо перехитрить фашистов... Сообща решили пробираться в Брестскую крепость на помощь своим

тера воздушного тарана Михаила Жукова навсегда останется в памяти советского на-

рода. Хорошо сказал о нашем прославленном земляке поэт В. Лебедев-Кумач:

Дойдет легендой славною до внуков,
Как в поединке выше облаков
Наш сокол — вологжанин Жуков
Бросал на землю коршунов-врагов.

товарищам. «Забрать в вещмешки патроны и гранаты, — распорядился сержант Круглов. — Действовать решительно. Живыми в плен не сдаваться...»

Последними гранатами пограничники пробили себе дорогу.

О том, что пришлось пережить и испытать в самом начале войны, Круглов рассказал в первом письме. А 23 июля 1941 года он послал второе письмо:

«Дорогие родители! Писать много мне сейчас нечего и некогда. Успехи неутешительные на фронте вообще, но, в частности, дела обстоят благополучно. Прошу маму не плакать и не горевать».

Внизу треугольничка выведен адрес: «Действующая Красная Армия, почтово-полевая станция 612; п/я 15/11 Круглову Александру Леонтьевичу».

Больше родные не дождались весточки от Саши... В те дни война уже шла на территории Смоленской области. Попытайтесь представить, какой путь проделал фронтовой треугольник, пока он попал в далекое вологодское село.

НЕ ТОЛЬКО ПАМЯТЬ...

В Вологде на тихой и зеленой в летнюю пору улице Комсомольской проживала Мария Васильевна Кутузова. Бывало, в долгий зимний вечер она доставала из комода объемистую папку с фронтовыми письмами мужа и, обращаясь к внукам, говорила: «Послушайте, что дедушка наказывал...»

До войны Александр Евграфович Кутузов работал в областной газете «Красный Север». Бывший сельский учитель, он стал журналистом. Писал статьи, очерки, корреспонденции, охотно помогал молодым сотрудникам. Война заставила изменить профессию. 22 июня 1941 года, как только стало известно о фашистском нашествии, Александр Евграфович, как и многие собратья по перу, обратился с просьбой послать на фронт.

А через неделю бывший красносеверец был уже далеко от Вологды, в действующей армии. Поразительно мироощущение молодого командира. Он уезжал на фронт с каким-то восторженно приподнятым чувством, рожденным сознанием своего долга перед Родиной.

«С нетерпением ждем, когда дадут приказ «вперед!» — говорится в первом письме на родину. — Все дело идет именно к этому, и наше желание должно исполниться. Возможно, через час, а, может быть, через сутки мы будем в бою. Сводки сообщают о напряженном положении на нашем участке фронта...»

Враг, имея численное преимущество в живой силе и технике, занял Псков и, развивая наступление, рвался к Ленинграду. Наши части вынуждены были отступать.

О том, что происходило на Западном фронте в начальный период военных действий, Кутузов сообщал в дневнике.

«7 июля. До обеда время провел на НП. Подготовили данные по реперам и ориентирам. Командир ди-

визиона приказал в 15.00 начать пристрелку... Но куда стрелять? Прямо перед нами в лесу горели деревни. Пламя яркими языками лизало небосклон. Изредка появлялись ракеты и, как большие звезды, горели лучистым пламенем. Создавалось впечатление необычной иллюминации...

8 июля. В напряженном ожидании мы и не заметили, как подкралось утро. Тихо. Аромат полей, мирный вид колышущейся ржи, тихая деревушка впереди. Буквально все как будто говорило, что здесь не место для кровавого побоища. Но вдруг справа от меня наблюдатель выкрикнул: «Немецкие танки! Появились и скрылись за роцей».

Опять поле совершенно чистое... Я недоумевал. Должны же быть немцы, раз идет отступление. Но где они? Когда, наконец, увидел, не сразу поверил своим глазам. Немцы шли густой цепью, во весь рост, как охотники. Да таких нахалов надо бить и бить до потери сознания. И наша батарея обрушилась своим огнем:

— Шесть снарядов, беглый огонь!

— Восемь снарядов, беглый огонь!

Стрельба шла так хорошо, что хотелось продлить ее еще и еще. Но справа из соседней деревни угрожало окружение. Комбат скомандовал отбой...

9 июля. Этот день я запомню на всю жизнь. Он знаменателен тем, что мы отступали, не зная от кого, куда и зачем. В этом чувствовали что-то неладное, но что могли поделать? Оставалось горестно вздыхать. Вечером, когда лошади были до последней степени истощены, свернули в лес. Пополз слух: мы окружены. Кто его пустил, не знаю. Тут на колонну посыпались артснаряды. Медлить было нельзя. С трудом продвигались по сыпучему песку, в котором колеса увязали почти до осей. Наступила тревожная ночь...

10 июля. Весь день двигались деревнями. Несколько раз подвергались налету самолетов. Но, в сущности,

все это у немцев рассчитано только на психическое воздействие. Ни от бомб, ни от пулеметов мы не потеряли ни одного человека на дороге. Стреляют фашистские летчики плохо. Ночью прибыли в деревню Н. с задачей занятия обороны...»

А потом начались бои — за каждый населенный пункт, за каждый выгодный стратегический рубеж. Кутузов, описывая в течение двух месяцев день за днем, ведет нас по трудным дорогам войны. На страницах дневника рассказывается, как наши бойцы, проявляя невиданные стойкость и мужество, изматывали силы противника. Именно в этом был залог будущей победы.

Дневник обрывается записью 11 августа 1941 года. О дальнейших событиях мы узнаем из писем Кутузова родным.

«Более двух месяцев мы, как могли, задерживали наступление фашистских войск на Ленинград, — писал он 25 сентября 1941 года. — С 10 по 15 сентября был в ожесточенных боях. Враг уже остановлен, но не сломен. Всего, что пришлось увидеть и пережить, в письме не расскажешь. Но знайте, что за меня вам краснеть не придется. Ждем, когда призывной набат оповестит о решительном штурме гадов...»

Сентябрь сменился октябрём, октябрь — ноябрём. Правильно оценив обстановку и укрепив свои позиции, наши войска перешли к активной обороне. Гитлеровцам так и не удалось ворваться в Ленинград. Находясь на переднем крае, на Пулковских высотах, Кутузов писал о том, что видел и пережил.

«Сегодня канун великого праздника, — говорится в письме от 6 ноября 1941 года. — Завтра будет день, с которым связано столько приятных и радостных воспоминаний. Но у нас эти дни ничем не отличаются от предыдущих. Как всегда, идет перестрелка. Пулеметы захлебываются длинными очередями. На нашем участке, да и вообще на всем Ленинградском фронте, все эти немецкие гансы и фрицы зарылись в землю. Той активности, что была в августе и сентябре, они уже не проявляют...»

Обескровленные и измотанные в оборонительных боях, немецко-фашистские войска застряли на занятых рубежах.

«Нахожусь все на том же Ленинградском фронте, — писал Кутузов в конце декабря 1941 года. — Впервые за пять месяцев слышим звуки из эфира. У всех защитников Ленинграда есть много трудностей. Да разве приходится считаться с ними во время войны? Дети и женщины Ленинграда терпят все лишения, а нам о них говорить грешно.

Надеемся выйти победителями через все испытания. Начало этому сделано в Тихвине, продолжение — у Волхова. Общее настроение у всех нас твердое и уверенное. Каждый день приносит вести, которые еще больше укрепляют дух наших бойцов».

С приходом зимы противник заметно активизировался. Он не раз пытался прорвать оборону. Но тщетно! Письма участника событий дают возможность почувствовать накал битвы. Даже в самый напряженный период, когда гитлеровцы пытались окружить Ленинград вторым блокадным кольцом, наших бойцов не покидал оптимизм. Да, да, оптимизм! Вера в победу. Выставив на пути врага прочный заслон, они дали клятву: «Ни шагу назад! Умрем, но город Ленина отстоим!»

Сообщая, как встречали на фронте Новый, 1942 год, Кутузов писал:

«Ровно в двенадцать ночи раздался дружный залп наших орудий по вражеским блиндажам. Все были радостны от сознания того, что в Новый 1942 год мы вступаем с окрепшей верой в победу. Впереди нас ждут еще большие радости...»

В тот период наши войска активно отражали атаки гитлеровцев, а затем перешли в контрнаступление. Враг нес крупные потери. Вот что писал Кутузов об этих боях 17 февраля 1942 года:

«Опять почти целую неделю я не имел возможности написать вам хотя бы коротенькую записочку. Дни и ночи смешались

в одно целое, и даты припоминаются только по отметкам боевых действий.

Все эти дни проходила наступательная операция на один укрепленный немцами пункт. Нам пришлось порядочно поработать... Немцы из пункта выбиты... Завоеванное не отдадим! Наоборот, думаем шаг за шагом крошить фашистов и дальше».

В одной из контратак Александр Евграфович был ранен и попал в госпиталь. Но и отсюда, находясь в тяжелом состоянии, он слал домой ободряющие весточки.

«Ты, Марусенька, не пугайся и маме сразу не говори. Ранен я не тяжело... А в госпиталь попал потому, что надо осколки из ног достать. Теперь они извлечены. Ходить еще больно. Но думаю, что на больничной койке долго не залежусь. Пока письмо идет к вам, снова буду боевым командиром. Хочу обязательно вернуться в свой полк, в свою батарею».

Александр Евграфович вскоре вернулся в строй. Снова ожесточенные, изнурительные бои. Летом 1942 года ему довелось побывать в осажденном Ленинграде. В Вологду летит весточка о том, как живут и борются ленинградцы.

«Ленинград теперь выглядит совсем по-другому, — говорится в письме. — Посвежел, помолодел и по-прежнему сияет своим величием. Все живут мыслью о победе. Зимой, говорят, выдержали, а теперь и сомнений быть не может. Выдержим! О нас, солдатах, говорить не приходится. Мы знаем цену себе и гансам...»

Улучив свободную минуту, Александр Евграфович спешил поведать родным о фронтовых буднях. Скупой репортаж с переднего края свидетельствует о возросшем мастерстве советских воинов, о их стойкости и отваге.

«В последний месяц, — говорится в письме от 7 января 1943 года, — бойцы и младшие командиры заразились страстью хотеться на немцев. Выходят в самые передние окопы на 50—

100 метров от врага и стерегут фашистов. Батарея уже имеет на счету 66 уничтоженных гансов.

Вчера отправлял очередную группу в пять человек, а желающих больше. Сначала пришел один «обиженный», потом второй: «Что вы меня хуже всех считаете? Да я, может быть, лучше других стану выслеживать гадов». Ну, чтоб не причинить кровной обиды человеку, пришлось отпустить и его...

Так среди артиллеристов зародилось движение снайперов-охотников. Стоило фашисту высунуться из окопа или блиндажа, его настигала меткая пуля. Но это — частные эпизоды. Грозные и тяжелые бои предстояли впереди.

Наконец, наступил день прорыва блокады Ленинграда. Перечитывая письма Кутузова, можно представить, как это было.

В ночь на 11 января 1943 года наши войска начали занимать исходные позиции. Приближалось утро. Вдруг предрассветную мглу прочертили яркие хвосты сигнальных ракет. В одно мгновение из укрытий показались орудия. Первый залп грохнул, как горный обвал. Артиллеристы ударили по дотам и дзотам, по землянкам и траншеям, опоясывавшим Синявинские высоты. Затем в бой вступили минометы.

Когда артиллерийская подготовка подходила к концу, последовал сигнал к атаке. Бойцы, поднявшись во весь рост, двинулись за огненным валом. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись.

Бой не утихал ни днем, ни ночью. Но вот блокадное кольцо прорвано. Это был переломный момент в борьбе за город Ленина. Взяв инициативу в свои руки, наши войска взломали оборону противника и перешли в наступление. «Северный вал», который немецкие генералы считали неприступным, дрогнул. Чтобы добить врага, бойцы рвались в бой.

«Что произошло за пять дней? — спрашивал Кутузов в письме от 10 февраля 1943 года и отвечал: — За это время переменил два места жительства. Вообще жизнь пошла на колесах...

Снова двигаемся на другое место. Ночь предстоит бессонная и беспокойная. Снова услышу знакомое пение пуль и снарядов...»

Сколько еще хотелось сказать! Но письма предельно кратки. Фронтовая жизнь не баловала временем да и бумага не всегда была под рукой. О многом приходилось и умалчивать. Нельзя было раскрывать дислокацию войск. Однако по сводкам Совинформбюро родные догадывались, где шли особо напряженные бои. Невская Дубровка, Марьино, Гайталово, Си-нявино. Теперь они были в наших руках.

В январе 1944 года началось генеральное наступление. За короткий срок наши войска продвинулись вперед на 70—100 километров и полностью освободили город Ленина от вражеской блокады.

Майор Кутузов был свидетелем боев на решающих участках фронта. Вот несколько выдержек из писем, посланных в Вологду в тот период:

«Последние девять дней, с 13 января включительно, я веду совсем иной образ жизни, чем раньше. Все определяется одним словом — мы наступаем. В сводках Совинформбюро вы достаточно знаете о результатах наступления Ленфронта. Мы, маленькие крупницы этой лавины, делаем свое дело как можем, с максимальным напряжением сил физических и моральных.

Я нахожусь в районе Ропши. Сказать, что делаю, — это значит писать очень много. Расскажу подробно позднее...»

Наши мечты сбываются. Немец бежит, бросая все, но часто огрызается, хочет вернуть утерянное. Вдоволь насмотрелись и на убитых и на живых (пленных) фрицев и гансов. Видели их по нескольку раз на день и в контратаках вместе с танками всех марок, включая «тигров». Но люди у нас стали другие. Можно слышать очень часто сожаления артиллеристов: «Вот, черт возьми, поздно перебросили нас, и «тигра» другие подбили!»

14 января в полночь гансы из репродукторов «поздравляли» нас с новым годом и как будто, кстати сказать, предлагали кончить войну, сдаться на их милость. Мол, вы же на «пяточке» и куда денетесь. Но наши солдаты ухмылялись: «Мы вас завтра поздравим!»

Утро было обычное: туманное, с изморозью, и если оно отличалось от других чем-нибудь, то только тишиной. Такая тиши-

на бывает только перед бурей. В этой тишине даже нам как-то не верилось, что именно сейчас начнется то, чего все ждали с нетерпением, не верилось, что увидим сигнал ракеты. Но вот они пробороздили небо, и хлопнули первые выстрелы пушек...

Потом атака. Первые сообщения о том, что враг бежит, первые пленные на нашей стороне обороны. Вслед за пехотой я вышел со своими разведчиками на сторону, считавшуюся чужой. Всю ночь шли машины, орудия, люди, повозки. Подтянулись, подготовились и опять — в наступление...

За три недели наша дивизия завоевала звание Ропшинской и орден Красного Знамени. Как видите, действуем неплохо».

Бои отодвигались все дальше на запад. Майор Кутузов участвовал в разработке очередных операций в штабе дивизии. Дни и ночи были напряженные. Но сознание исполненного долга прибавляло сил.

«Милая, любимая Марусенька! — писал Александр Евграфович 20 апреля 1944 года. — Время уже третий час. Но спать пока нельзя...

Весь день прошел в жаркой работе. Немец лез к нам — мы его били. Вечером подвели итоги. Хорошие для нас — мокрые для фашистов. Говорю «мокрые» потому, что им пришлось изрядно покупаться в болотной воде. Но живые рады, что выпутались обратно к себе. Как никак пошли тысячи, а вернулись сотни.

А сейчас, говоря языком поэтов, раздаются выстрелы наших орудий, как удары разбушевавшегося моря. Шторм давно кончился, но оно все волнуется и шумит...»

«Сегодня у меня совершенно необычайный вечер, — сообщал Александр Евграфович в письме от 3 июля 1944 года. — Во-первых, получил ваше письмо, во-вторых, смотрел кино, в-третьих, получил сообщение о взятии нашими города Минска, в-четвертых, в землянке весело — гармонь, песни. Для одного вечера, пожалуй, чересчур много впечатлений. И чувствую, как будто чего-то я не сделал самого важного, неотложного.

Да и в самом деле, кто может из нас, солдат, посмотрев кино «Радуга», остаться равнодушным? У кого не загорится желание добраться до жабр гадюки? Да еще в такие дни, какие все мы переживаем, испытывая бесконечное удивление мощью и быстротой продвижения наших войск.

Воображение каждого рисует сейчас большие планы. Причем мы все прикидываем: что же выпадет на нашу долю? Чертим

путь на Кенигсберг, а там и дальше. Это, конечно, только наши желания, но вполне законные».

В семейном архиве Кутузовых сохранилось более 350 фронтовых писем. Ни в скупых отрывках, ни в комментариях невозможно передать все их содержание. Но понять, почувствовать, как и чем жил воин и его однополчане в то героическое время, думается, можно.

Естественно, в каждом письме много бытового. Находясь вдали от родного дома, постоянно перед лицом смерти, Александр Евграфович ни на минуту не забывал своих близких — жену и малолетних детей. Их у него осталось трое: Рина семи лет, Алик четырех и младший Слава трех лет. Невозможно без щемящей боли читать строки из дневника от 29 июня 1941 года:

«В три утра простился с семьей. Как ни крепился, но не мог удержаться от слез, когда стал прощаться с ребятами. Алик и Славик безмятежно спали на моей кровати...

Рина проснулась. Она бросилась на шею с такими жаркими объятиями и поцелуями, что я даже поразился. Ее плач было невыносимо тяжело слушать. Я старался скорей закончить эту тяжелую, но неизбежную сцену расставания.

На улице вновь обрел бодрость. Утро было пасмурное, неприятливое».

Хотя из дома на фронт шли бодрые письма, в которых не было даже намек на переживаемые трудности, Александр Евграфович хорошо сознавал, какая нелегкая доля выпала его жене Марии Васильевне. Кутузов старался морально поддержать жену, проявлял трогательную заботу о детях. Хотя они еще не умели ни читать, ни писать, он посылал из блокированного Ленинграда книжки с теплыми, трогательными надписями.

«Милая Риночка! — читаем мы на одной из них. — Учись, люби книги и читай их. В книгах найдешь много интересного. С ними ты попадешь и в знойную Африку, и на холодный Север, и в тихую деревню, и к нам на фронт. А когда я приеду к вам, ты покажешь свои любимые книги и прочитаешь любимые рассказы и сказки. Старайся, чтобы я мог похвалить тебя за отличную учебу».

Маленькому Славику Александр Евграфович послал красочную открытку, на которой изображено «семейство» забавных котят, с такой надписью: «Милому сыночку Славику. Расти быстрее большой и сильный, веселый и неунывающий. Помнишь ли ты меня? Я твою фотокарточку ношу в грудном кармане и смотрю на нее каждый день. Твой папа».

Хочется обратить внимание еще на одно письмо. Оно адресовано матери Любви Михайловне.

17 августа 1942 г.

Здравствуй, моя любимая, дорогая Мама! Я еще ни разу не писал тебе отдельного письма. Виноват, прости. Не думай, что забыл про твои материнские ласки, про то, как беззаветно ты меня любишь. Этого забыть нельзя.

Искренняя любовь матери вызывает чистую, неугасимую любовь сына. Твоя любовь ко мне показывает, как и я должен любить своих детей. И я не знаю, можно ли вообще больше любить мать, жену, детей, чем я люблю их. Только не истолкуй мою любовь неправильно, не подумай, что ради вас я готов на все, чтобы спасти свою шкуру. Нет! Ради вас я готов пожертвовать собой, чтобы вы не видели врага и тех мук, которые очесет советским людям.

Советские матери шлют своим сынам святое благословение бить врага без пощады. Пошли же и ты мне его! Пойми своим материнским сердцем, что как бы ни тяжела была утрата любимого сына, но гордость за него, как достойного советского гражданина, важнее всего.

Не тоскуй, не плачь обо мне, что бы ни случилось. Если я погибну, то с честью. Если ты узнаешь о моей трусости, забудь обо мне. Тогда я не буду достоин любви русской матери.

Не печалься, что я не смогу приехать в отпуск. Настанет время — приеду. Успокойся сама и помоги Марусе спокойно перенести разлуку...

Прошу тебя, мама, сделай все, что подскажет твое любящее

сердце, но сохрани моих детей такими же здоровыми и веселыми, какими я их видел в последний раз, в ту ночь, когда уезжал на фронт.

Живу я, мама, хорошо. Нужды ни в чем не знаю. Сожалею только об одном — не могу оказать вам никакой помощи, кроме денежной...

Пиши, мама. Буду ждать.

Крепко, крепко целую.

Твой Шура.

Десятки раз перечитываешь это письмо, и все в нем кажется значительным — трогательная забота о родных, рассуждения о смысле жизни, верность воинскому долгу.

С дистанции в сорок лет мы по достоинству можем оценить подвиг матерей, проводивших сыновей на защиту советской земли. Нелегко было семье фронтовика. На руках у Марии Васильевны трое малолетних ребятишек. Фронт приближался к Вологде. Над городом то и дело появлялись фашистские самолеты. Кто знает, может, вот-вот придется покинуть родной город. В сердце вкрадывалась тревога: «Как уберечь детей? Как побороть трудности?» Вот тут-то на помощь приходит другая женщина-мать — свекровь и бабушка. Любовь Михайловна, хотя ей было уже шестьдесят, почти все хлопоты по дому взяла на себя. А Мария Васильевна пошла работать в госпиталь.

Наступила студеная зима 1942-го. Подходили к концу дрова. Топливо добывали с большим трудом. Постоянным спутником ребятишек был голод. Кормились в основном тем, что получали по карточкам. А по урезанному военному пайку доставалось по двести-четыре грамма хлеба на едока. Выручала картошка, которую вырастили сами. Выезжали в деревню менять вещи на зерно. Потом его мололи на жерновах. Когда садились за стол, делили испеченный каравай на пайки, первый отдавали бабушке. А Любовь Михайловна, стараясь как-то утешить и приободрить полуголодных

малышей, говорила: «Мы-то под крышей и в тепле. А вот отец там как?»

На фронт сообщали, сколько купили дров, кто вернулся раненый, какая стоит погода. Старались не обронить тревожных слов. Доброжелательный климат в семье создавала опять-таки бабушка.

В августе 1944 года Александр Евграфович подал весточку из госпиталя. Сообщая о ранении, он уверял, что рана не тяжелая. Намекал, что скоро, вероятно, придет. Но через две недели в дом постучал почтальон. Мать, распечатав конверт, громко вскрикнула: «Шуронька. Сынок!» Больше ничего не могла сказать. По испещренному морщинами лицу покатались слезы. Из конверта извлекли фотографии. Те самые, что Александр Евграфович взял из дома при расставании. Всю войну он носил их в кармане гимнастерки.

Кутузов был ранен осколком в грудь. Потому-то на фотокарточках остались следы багровых пятен. Вновь и вновь родные вчитывались в «похоронку». Не верилось, не хотелось верить. Но следы запекшейся крови на снимках напоминали — неумолимая смерть оборвала жизнь любимого сына, мужа, отца.

А потом пришли письма от боевых друзей, в которых сообщалось, как их командир пошел в разведку, попал под минометный обстрел и был тяжело ранен. Рана оказалась смертельной.

Окончилась война. Шли годы. А мать все ждала своего сына. Бывало, кто-нибудь постучит в дверь, она выходит навстречу: не Шуронька ли?

Недавно мне снова довелось побывать в доме Кутузовых. На видном месте в квартире висит портрет Александра Евграфовича, снятого в офицерской форме. Под портретом две белые розы и в мешочке горсть земли, привезенной с могилы воина. В старом комодке хранятся фронтовые письма. Ведь это не только память, но и завещание тем, кто живет ныне на земле.

ПОД КУПОЛОМ ПАРАШЮТА

Хладнокровен, отлично ориентируется в обстановке, в воздухе решителен и смел...

Из боевой характеристики на Н. А. Патракова — начальника парашютно-десантной службы Военно-Воздушных Сил Краснознаменного Балтийского флота.

Николай Антонович Патраков — уроженец деревни Панинской Харовского района. В 1931 году он окончил школу летчиков в Ленинграде, а в 1933 году — курсы инструкторов парашютного спорта. Нашему земляку довелось испытывать различные конструкции парашютов и авиационных приборов. А когда началась война, ему поручили готовить парашютно-десантные группы для диверсионных действий в тылу врага. Мастер парашютного спорта, этот мужественный и волевой человек, имевший к тому времени на своем счету около двухсот затяжных высотных прыжков, возглавлял многие рискованные операции.

В Центральном военно-морском музее обнаружено несколько документов о боевой деятельности Н. А. Патракова. Вот что говорится в одном из них: «...Майор Патраков разработал и обеспечил руководством впервые проводимые групповые высадки парашютистов на территории неприятеля. В течение 1941 года он таким образом подготовил и обеспечил успешную высадку в глубоком тылу немцев более чем 200 парашютистов. Непосредственно сам, нередко с риском для жизни, участвовал в сопровождении десантников».

В тылу противника разведчиков всюду подстерегала опасность. От них требовались хладнокровие, осторожность, предусмотрительность. Действовать так, чтобы под ногами не треснул предательски сучок, что-

бы гитлеровцы не могли засесть передатчик, чтобы внезапно ударить по врагу.

Однажды Патраков в составе небольшой группы был заброшен в тыл неприятеля в районе Волосова, под Ленинградом. Десантники, подобравшись к военным объектам, обстреляли из бесшумных ружей цистерны. Забушевало пламя. В результате диверсии сгорели склады противника с горючим и боеприпасами. Но главное — разведчики ежедневно передавали в Центр данные о расположении вражеских огневых точек и аэродромов. Проходило несколько часов, и на эти объекты обрушивались наши бомбардировщики.

Во время самых рискованных операций Патракову не изменяло самообладание. Вот что рассказывает одно из боевых донесений, обнаруженное в архиве:

«Десятого июля 1941 года группа наших парашютистов в количестве 20 человек, вооруженных только что изобретенной горючей смесью, была подготовлена для высадки в район расположения военных объектов врага с целью провести диверсионный акт. На сопровождение этой группы вылетел сам Патраков.

Когда самолет находился еще в полете над нашей территорией, у одного из парашютистов из-за неисправности сосуда воспламеняющаяся жидкость начала поступать наружу. На бойце загорелся комбинезон.

Огонь распространялся быстро, а в самолете, кроме экипажа и парашютистов с вооружением, находилось много взрывчатых веществ, боезапас для десанта. Создалось угрожающее положение. Неминуем взрыв.

Исход дела решали секунды. Николай Антонович, мгновенно схватив сосуд с горящей жидкостью, выбросил ее за борт. Смелость, самообладание и мужество коммуниста Патракова обеспечили жизнь нашим бойцам и успех намеченной операции».

Разведчик Патраков погиб на боевом посту — во время одной из операций в тылу врага.

У ГВАРДЕЙСКОГО ЗНАМЕНИ

Всматриваюсь в снимок, сделанный почти сорок лет назад под Сталинградом. Перед развернутым гвардейским знаменем — боец. На гимнастерке знак воинской доблести: «Гвардия». В руках автомат. Кажется, вот-вот солдат по боевому приказу ринется в атаку.

Это автоматчик Акиндин Бовыкин, родом из Верховажья. Родители воина получили снимок в грозном 1942 году вместе с благодарственным письмом командования части.

«Уважаемые Александр Афанасьевич и Ольга Александровна! — говорится в письме. — Ваш сын Акиндин сражается в боях против немецких захватчиков в составе нашей части. С первых дней он проявил себя дисциплинированным, храбрым защитником нашей Родины. Вместе с товарищами по оружию неоднократно добивался успехов в изгнании и ликвидации немецких войск. При форсировании реки Дон в числе первого десятка вступил на правый берег...»

За проявленную храбрость и успехи в боях с немецко-фашистскими захватчиками Ваш сын сфотографирован у знамени части и представлен к высокой правительственной награде...»

Стоит ли говорить, какую радость испытывали отец и мать, получив такую весть.

Прикоснувшись к бесценной реликвии войны, я решил разыскать того, кто при наступлении наших войск в числе первых переправился на правый берег Дона. Адрес был известен: Вологодская область, с. Верховажье. Завязалась переписка. Рассказ ветерана войны, как эхо, доносил отзвуки былых сражений.

«Когда и где, Акиндин Александрович, Вас сфотографировали? — спрашивал я. — Может, припомните?»

«Да тут и припоминать не нужно. Такое не забывается. Все врезалось в память, как будто было вчера...»

Прежде чем встать у Красного знамени, овечьего порохом дымом, Акинди́н Бовыкин в полной мере испытал нелегкую солдатскую долю. Когда над Родиной нависли грозные тучи войны, он, еще несовершеннолетний, явился в райвоенкомат. В отправке на фронт отказали. Непризывной, мол, возраст. В ответ на просьбу послать в военное училище предложили учиться на курсах инструкторов по истреблению фашистских танков. Быстро пролетели дни учебы. Возвратившись в Верховажье, Акинди́н по поручению райкома комсомола стал обучать военному делу допризывников.

С фронтов поступали тревожные вести. Упорные бои шли под Москвой, на Украине и под Ленинградом. Нет, не мог в такое время комсомолец сидеть в тылу. В начале декабря 1941 года доброволец Бовыкин был уже на Волховском фронте. Вскоре получил боевое крещение.

«Особенно остались в памяти бои по расширению коридора для выхода из окружения второй ударной

СТРОКИ

С ПЕРЕДОВОЙ

КОМЕНДОР НИКОЛАЙ АБАКУМОВ

Из фронтовых писем, которые нередко посылали командование частей и однополчане в тыл, мы узнаем о подвигах воинов. Вот что писали, например, краснофлотцы тральщика «Сом» Ладжской военной флотилии матери комендора Николая Абакумова, проживавшей в колхозе «Победа» Вашкинского

района: «Дорогая Ольга Осиповна! Мы выражаем Вам самую горячую признательность за то, что Вы вырастили и воспитали мужественного и бесстрашного воина-богатыря...» А дальше — рассказ о подвиге.

Однажды в сентябре 1941 года тральщик «Сом» — небольшое судно, на котором

армии, — вспоминает Бовыкин. — Было это весной 1942 года. Вокруг леса да болота. Наши части не раз пытались прорваться сквозь вражеский заслон, но безуспешно. Гитлеровцы при помощи многоствольных минометов отбивали все атаки. Тогда командование решило направить в этот район танки. Помню, нас, автоматчиков, подняли ночью. Объясняя боевую задачу, командир роты сказал: «Как только танки прорвутся в глубь обороны противника, действуйте...»

Подробности того боя стерлись в памяти, но вот одного эпизода не могу забыть. Когда танки взломали оборонительный вал противника, мы спрыгнули на землю, рассредоточились и залегли. Завязалась перестрелка. Вдруг по цепочке кто-то то ли в шутку, то ли всерьез передал: «Где же, ребята, будем завтракать, если не займем фашистские блиндажи?»

Тут взвилась сигнальная ракета. Стало светло, как днем. Автоматчики ринулись вперед. Дружно, напористо. Над позициями противника загремело раскатистое ура. Гитлеровцы не выдержали ближнего боя.

служил Абакумов, в девятибалльный шторм спас в бушующем Ладожском озере 150 бойцов и командиров Красной Армии. Но едва моряки были приняты на борт, как на трапезник налетело девять немецких бомбардировщиков.

Чтобы рассеять фашистских стервятников, комендор Абакумов стал стрелять из единственной на корме пушки, посылая по врагу снаряд за снарядом. Вокруг вздымались крутые волны. Корабль медленно погружался в вод-

ную пучину. А комендор продолжал стрелять до тех пор, пока вместе с пушкой не ушел под воду.

Подоспевшие корабли спасли около двухсот человек. Абакумова среди них не было. Его считали погибшим. Но оказалось, что Николай, раненный в обе ноги, все же выплыл к отмели, остался жив.

Впоследствии бесстрашный комендор отразил еще более сорока воздушных атак противника. Слава о нем гремела по Балтийскому флоту.

Танкисты в это время «утюжили» фашистские доты. Заняв новые позиции, мы продолжали вести огонь.

В разгаре боя незаметно наступил рассвет. Над болотом поднимался густой белесый туман. Стрельба почти совсем прекратилась. И вдруг старшина объявил: «А теперь, братцы, и позавтракать можно. Получайте консервы да галеты. Это вам фашисты гостинцы оставили в блиндажах. Для подкрепления».

В последующие дни, расширяя коридор, мы дали возможность многим подразделениям выйти из окружения. За успешное выполнение боевой задачи нашей части было присвоено звание гвардейской. У бойцов словно бы сил поприбавилось...»

О себе Бовыкин рассказывает скупно, сдержанно, как будто он и не бывал в том огненном «котле» под Ленинградом. При описании боевых операций то и дело подчеркивает: наша часть, наше подразделение,

В СОЛДАТСКОМ ОКОПЕ ЧИТАЛИ

ЗАКРЫВШИЙ ГРУДЬЮ АМБРАЗУРУ

На Вологодском вагоно-ремонтном заводе имени М. И. Калинина хорошо помнят токаря комсомольца Александра Панкратова. С первых дней войны он находился на фронте. Отличный снайпер, служивший примером для бойцов, был выдвинут на должность заместителя политрука роты. В это время развернулись упорные бои за Новгород. Ценой больших по-

терь противнику удалось захватить город.

24 августа 1941 года наши части отошли за Малый Волховец. Не успев создать оборонительные рубежи, они попали под перекрестный огонь, который велся из Кирилловского монастыря. Требовалось во что бы то ни стало выбить оттуда гитлеровцев.

На позиции прибыл член Военного совета Т. Ф. Шты-

наш взвод, наши автоматчики... «За что же вас наградили двумя орденами Красной Звезды?» — спрашиваю. Ответ: «За ратный труд на войне. Но никаких героических поступков я не совершал...» — «А прорыв на броне танка в расположение противника?» Опять сдержанный ответ: «Так я не один — со мной были товарищи». Очень скромен солдат Бовыкин, но отважен был в бою. Об этом напоминают строки из наградного листа: «В боях при прорыве обороны противника тов. Бовыкин А. А. неоднократно ходил в атаку, проявил стойкость и отвагу, личным примером воодушевлял бойцов...» Что скрыто за этими словами, фронтовикам хорошо известно.

...Участвуя в боях на подступах к Сталинграду летом 1942 года, Акиндин вместе с другими бойцами однажды доставил в штаб немецкого офицера. Пленный сообщил важные сведения о готовившемся нас-

ков. Беседуя с Панкратовым о предстоящем бое и узнав, что он комсомолец, спросил:

— Не задумывались ли Вы о вступлении в партию!

— Позавчера подал заявление...

Комиссар дивизии А. Л. Банквицер созвал партийное бюро. Первым пригласили Панкратова. Сдерживая волнение, он сказал: «Вы знаете меня, и вы решите, достоин ли я звания коммуниста. Но только в этот страшный час, когда стали мы насмерть, я не могу быть больше вне рядов партии. Я не знаю, как это выразить, но клянусь — от Новгорода отступлю только мертвым».

Вскоре началась атака. Монастырь находился на острове. Переправившись скрытно через речную протоку, наши бойцы стали пробираться сквозь заросли осоки и кустарника. Фашисты, заметив десантников, открыли огонь. Сраженный пулеметной очередью, упал командир роты. Панкратов взял командование на себя: «Рота, за мной! Смерть фашистам!»

Гитлеровцы продолжали стрельбу. Прижатые огнем к земле, наши бойцы залегли. Александр, оказавшись вблизи монастырской стены, был уже вне сектора обстрела. До амбразуры, из которой строчил пулемет, оставалось полтора

туплении. О действиях разведчиков появилась статья в армейской газете. Вскоре их представили к наградам и сфотографировали перед боевым знаменем части. Под этим знаменем Акиндин Бовыкин и его однополчане форсировали Дон, а потом погнали гитлеровцев на запад.

После войны А. А. Бовыкин вернулся в родное Верховажье. Вот уже более тридцати лет он работает в райкоме партии — инструктором, помощником первого секретаря, заведующим общим отделом.

Фронтовой снимок Акиндина Александровича, как свидетель солдатской доблести, стал экспонатом Вологодского областного краеведческого музея.

В СОЛДАТСКОМ ОКОПЕ ЧИТАЛИ

десятка шагов. Сорвав висевшую на поясе гранату, он бросил ее в цель. Но огонь не прекратился.

Сжав в руках последнюю гранату, Панкратов пополз к амбразуре. Он почти воткнул «лимонку» в огнедышащее чрево стены. Раздался глухой взрыв. Но через какое-то мгновение пулемет снова ожил. И Панкратов, бросившись вперед, закрыл своим телом амбразуру вражеского дота.

Так ценой своей жизни коммунист Александр Панкратов открыл путь роте и обеспечил выполнение боевого приказа. Сообщая о его подвиге в Военный совет, комиссар дивизии А. Л. Банквицер

писал: «Смертью героя погиб товарищ Панкратов. Израсходовав все патроны и гранаты, он грудью своей навалился на пулемет противника, лишив его возможности вести огонь...»

Давно отгремели бои, но память о подвиге Александра Панкратова живет в сердцах людей. При въезде в Новгород со стороны Москвы стоит обелиск. На гранитной плите высечены слова: «Стала вечною славой мгновенная смерть...»

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 марта 1942 года Александру Панкратову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

ЖДИ МЕНЯ

Кто из фронтовиков не знает знаменитого стихотворения Константина Симонова, а особенно строки:

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди...

Мне вновь и вновь вспоминались они, когда я читал письма с фронта Бориса Николаевича Фарунцева.

Немало фронтовых треугольников от мужа распечатала Вера Алексеевна. Сейчас эти письма лежат передо мной. Невольно я представил занесенную снегом землянку. Посреди нее — чуть-чуть теплющийся костер. Около коптилки разведчик-десантник Фарунцев склонился над листом бумаги. Фронтовик спешит поведать родным о житье-бытье:

«Здравствуй, дорогая моя Веруша! Сообщаю о себе. Я жив и здоров. Изменений в моей жизни много с тех пор, как я выбыл с места. Но писать не было времени и возможности.

Здоровье мое пока хорошее. Но как трудно пережить это время, потому что не знаю, как вы живете, а возможности получить от тебя письма нет. Но она скоро предвидится. Откроют путь твоим и моим письмам наши войска. Это, Веруша, скоро будет...»

Около двух месяцев Фарунцев и его боевые друзья находились в тылу врага, в лесах Белоруссии. Добывали нужные сведения, совершали диверсионные акты. Не один раз десантники уходили от облав, приходилось и вступать в бой. Это были схватки с хорошо вооруженными фашистами.

Выполнив специальное задание, десантники перешли линию фронта. На Большой земле — короткий отдых. А потом Фарунцев был зачислен во взвод разведки 74-й стрелковой дивизии. Начались напряженные, полные риска и опасностей фронтовые будни разведчика.

«Веруша, дорогая моя,— обращался Фарунцев к жене 18 сентября 1943 года. — Ты извини меня, что долго не писал. Знаешь, не было никакой возможности. Только вчера вышли из боя. Даже сам не могу поверить, что остался жив. Гитлеровские бандиты сопротивлялись как сумасшедшие. Но сопротивление их мы сломали и форсировали Десну. Каждый день продвигаемся вперед, на запад...»

За участие в штурме города Чернигова Фарунцев был награжден медалью «За отвагу».

Разгромив врага под Белгородом и Харьковом, наши части продолжали теснить противника.

«Только что заняли село с тремя тысячами жителей, — сообщал Фарунцев. — Если бы видели, с какой радостью встречают нас. Изможденные, опухшие от голода и непосильной работы женщины, слабенькие с застывшим на лицах ужасом детишки жадно обнимают бойцов и рассказывают о том, что натерпелись во время хозяйничанья немцев. Кровь в жилах стынет от их рассказов...»

Снова бои в украинских степях. И однажды теплым осенним днем перед разведчиками, пробиравшимися сквозь густые заросли ивняка, открылся водный простор.

— Братцы! Да ведь это же Днепр,— вырвалось у Фарунцева.— Ширь-то какая!

Борис знал, что дивизия приближается к Днепру, но не ожидал, что встреча произойдет так неожиданно. За отвагу и мужество при форсировании Днепра Фарунцеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

«Веруша, дорогая моя! — писал воин 29 ноября 1943 года жене. — Ты спрашиваешь, за что меня правительство удостоило звания Героя Советского Союза. Отвечаю. За форсирование Днепра и прочное закрепление на его западном берегу. А получилось это так. 22 сентября, когда мы подошли к Днепру, всю правую сторону еще занимали немцы. Мне и моему товарищу было приказано переправиться на тот берег, разведать оборону противника и прикрывать переправу наших бойцов.

Задачу мы, конечно, выполнили. Однако немцы нас заметили. Завязался неравный бой. Против нас двоих бросилось в атаку около двухсот гитлеровцев. Атаку мы отбили. Мой товарищ геройски погиб. На правом берегу я остался один. Немцы еще три раза бросались в атаку, но руки мои не дрогнули, а «максим» не подвел. Так немцы и не могли меня выгнать. Сами же отошли, оставив на поле боя около 180 солдат и офицеров...»

Двое против двухсот... Руки не дрогнули, «максим» не подвел... Написанные по горячим следам боя строки письма раскрывают духовное величие воина.

В октябре 1943 года Фарунцеву присвоили звание старшины, и он уже как командир взвода автоматчиков участвовал в штурме Киева и Житомира.

«Веруша! Я живу хорошо, 6 ноября на рассвете штурмовали Киев. Что там было — после тебе расскажу. Немного меня оглушило разрывом снаряда, но прошло. Только двое суток в ушах пошумело. А сейчас как ничего не бывало. Чувствую себя хорошо...»

Позади государственная граница. Приближался разгром врага. Мысли воина все чаще уносились в Вологду. Фарунцев вспоминал дочурку Ирочку с голубенькой ленточкой в волосах. Писать она еще не научилась, но в каждом письме мамы рисовала свою крохотную ручонку. А вот сына Витюшу отец еще не видел.

«Здравствуйте, дорогие мои Веруша, Ируся и Витюша,— говорит в письме от 5 января 1944 года. — Как я о вас скучаю. Просто не знаю, как дожидаться, чтобы побывать дома хотя бы один часок. Но все же, Веруша, скоро встретимся. Помнишь, как писал Симонов: «Жди меня, и я вернусь. Только очень жди...»

С твоим именем, моя дорогая, я еще беспощаднее буду бить гитлеровских бандитов...»

Говорят, на войне черствеют чувства. Нет, они обостряются и возвеличиваются. Недаром же в каждом письме Фарунцева столько трогательной заботы о родных, любви и нежности.

«Дорогая Верушенька! Ты не представляешь, какие трудности встречаются в бою, когда пули свистят, разрывы снарядов рвут мерзлую землю на клочья, а гул моторов сотрясает воздух. Так сегодня и так будет завтра. Все чаще и чаще я вижу тебя во сне. Мне кажется, что ты всегда со мной рядом. Потому-то на душе легко, и в бой идти не так страшно...»

Хотя большинство писем писалось перед боем, в минуты наивысшего напряжения, тон их спокойный. Ни в одном не чувствуется ни горечи, ни печали обреченности.

«Веруша, — говорится в письме от 13 марта 1944 года, — я живу хорошо, успехи мои хорошие. Так что я доволен своей судьбой. Много раз гитлеровские бандиты охотились за моей жизнью, но каждый раз просчитывались и платили за это своей кровью. А я живу и мишу фашистам за причиненное ими нашему народу зло.

Ты спрашиваешь, когда мне вручат награды. Не знаю и сам. Ехать сейчас в Москву некогда, потому что «работы» много. Фрицы бегут, бросают все по дороге, и мы их догоняем...»

Вера Алексеевна, стараясь вселить радость в сердце самого близкого человека, часто писала на фронт. «За нас не беспокойся, Боря, — напоминала она. — Ребятишки здоровы, а я терпеливая. Все вынесу...»

Теплые, обнадеживающие слова помогали переносить трудности.

«Веруша, последние недели я все время в боях, — писал он 20 августа 1944 года. — Бои идут жестокие. Так что не обижайся, что редко и мало пишу. Вот и сейчас идет такой бой, что просто ничего не слышно, кроме гула орудий. Гады сопротивляются в своих последних судорогах. Но ничего. Вот уже Белград, а от него и до Берлина недалеко...»

Однако до самого Берлина Фарунцеву дойти не довелось. В Карпатах, в Югославии, его ранило. Пришлось долго отлеживаться в госпиталях. А потом встреча в родной Вологде — радостная, взволнованная, сердечная.

После войны Борис Николаевич окончил областную партийную школу, работал в горкоме партии инструктором. Затем вернулся на завод «Северный коммунар». В майские дни 1975 года он получил почетное право вместе с другими лучшими производственниками быть сфотографированным у святыни советского народа — Знамени Победы.

Сейчас Борис Николаевич на заслуженном отдыхе. Он ведет большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Его часто можно видеть на предприятиях, в школах, профессионально-технических училищах. Ветеран войны преобразается, когда рассказывает о боях-пожарищах, о друзьях-товарищах. О себе обычно умалчивает. Таков уж характер фронтовиков — не любят подчеркивать личных заслуг. Но Золотая Звезда на груди Героя напоминает о подвиге.

БОЙЦЫ ЛЮБЯТ ВАШЕГО СЫНА...

В канун Нового 1942 года в дом Вересовых, что стоял на краю деревни Лычно Осинопольского сельсовета Устюженского района, почтальон принес письмо с сургучными печатями. Какова была радость матери, когда она раскрыла конверт и прочла весточку о своем сыне.

Дорогая Агафья Ермолаевна! Военный совет и политический отдел от имени бойцов и командиров горячо поздравляют Вас с Новым годом.

Орден Красной Звезды украшает грудь Вашего сына. Это — высокая, почетная награда. Василий Иванович заслужил ее в боях, когда под вражеским огнем оказывал помощь раненым красноармейцам и командирам. Какое это святое, благородное дело — рискуя собственной жизнью, спасти жизнь товарищу, перевязать его раны, по-братски заботиться о нем. Вот почему бойцы любят и будут долго помнить Вашего сына.

А Вам, Агафья Ермолаевна, мы приносим сердечное спасибо за то, что Вы дали Родине храброго и мужественного воина. Мы гордимся им, гордимся его боевыми заслугами...

Крепко жмем Вашу руку

*Командующий войсками армии генерал-лейтенант Сухомлин
Член Военного совета генерал-майор Холостов
Начальник политотдела полковник Котиков.*

Почти до самого конца войны Агафья Ермолаевна получала письма от сына. Однажды он прислал даже свои стихи, посвященные ей, матери:

Не грусти, родная, вновь наедине,
Сына вспоминая в дальней стороне.
И слезу напрасно не роняй свою,
Я себя прекрасно чувствую в бою...

Но случилось непоправимое. 28 апреля 1945 года, как сообщили друзья-однополчане, Василий Вересов пал смертью храбрых.

ВОИН И СЕЯТЕЛЬ

Призвание его в жизни было самое что ни на есть крестьянское: любил Афанасий землю. Потому-то после окончания семилетки поступил в Вельский сельскохозяйственный техникум. А потом, получив диплом, приехал работать в Тарногу. В Игумновской еще помнят, как он, молодой агроном, горячо верил в коллективизацию и убеждал крестьян: «Вступайте в колхоз! Довольно гнуть спину на своих полосках. Придет время — в колхозе тракторы будут. Со своим хозяйством трудно расстаться? Может, и так. Только не прожить крестьянину без колхоза...»

В Тарноге возникла одна из первых на Вологодчине артель имени В. И. Ленина. Ручьев стал агрономом. Когда артельное хозяйство окрепло, Афанасия Ивановича выдвинули заведующим Тарногским госсортучастком. Открылось широкое поле деятельности. Может быть, делу агронома Ручьев и посвятил бы всю жизнь, если бы не война... Афанасий Иванович написал заявление с просьбой направить в действующую армию, но ему отказали. На хлебном фронте тоже, мол, нужны опытные специалисты.

Первое военное лето. Каждый сознавал свою ответственность за хлеб. Потому-то работали с невероятным напряжением, глуша в труде гнев и боль.

С фронта приходили тревожные вести. Враг рвался к Ленинграду. Бои шли на подступах к Москве. В такое трудное для Родины время Ручьев снова написал в райком партии заявление. На этот раз просьбу его удовлетворили. 1 января 1942 года односельчане провожали Афанасия Ивановича в дальний путь.

Ручьев был зачислен в 24-ю стрелковую дивизию. А потом оказался под Сталинградом — в самом пекле войны.

Фашистские полчища рвались к Волге. Бои не утихали ни днем, ни ночью. Вначале Ручьев командовал отделением, а затем стал политруком роты. Повседневным общением с солдатами Афанасий Иванович завоевал авторитет. Бойцы любили и уважали своего политрука.

Бывало, в часы затишья начинался разговор. Однажды бородатый солдат, сворачивая самокрутку, спросил: «Скажите, товарищ политрук, хоть на том-то берегу остановим Гитлера иль нет?» Вопрос нелегкий. Особенно когда гитлеровцы наседали и короткая передышка в любую минуту могла оборваться. Чтобы рассеять сомнения, Ручьев твердо сказал: «Думаю, браток, здесь фашистов и остановим...»

Осветились улыбкой огрубевшие лица бойцов. Когда в воздух взлетела сигнальная ракета и послышалась команда: «В атаку, вперед!», Ручьев был в первых рядах. Через несколько минут гвардейцы уже сражались во вражеских траншеях. Гитлеровцы, не выдержав ближнего боя, откатились на запасные позиции.

После того как враг под Сталинградом был разгромлен, 24-я стрелковая дивизия участвовала в боях на Юго-Западном, 1-м и 4-м Украинских фронтах. В марте 1944 года А. И. Ручьева перевели на должность инструктора политотдела. Афанасий Иванович каждый день находился на передовой, беседовал с солдатами, вручал партийные и комсомольские билеты. Вместе с бойцами поднимался в атаку. Так уж у политработников повелось, что слово их всегда подкреплялось делом, испытывалось боем, закалялось огнем.

В течение всей войны Ручьев слал домой в Тарногу жене Александре Алексеевне и детям письма. Пусть мой рассказ продолжают эти фронтовые треугольники.

28 мая 1942 г.

Милая Шурочка! Жду и никак не дождусь от тебя письма. Ведь прошло уже три месяца, как от вас не получал буквально никакой весточки. Нахожусь в недоумении, уж не случилось ли что с тобой?

Несколько слов о себе. Нахожусь на фронте, и наша часть уже вступила в бой. Чувствую себя пока хорошо...

Пошли свою и ребят фотокарточки. Сообщите, как Эля и Люся закончили учебный год. Будут ли пионерские лагеря? Как провели весенний сев в колхозе и на сортоучастке? Пиши, какие есть новости в Тарноге. Привет всем знакомым...

27 ноября 1942 г.

Здравствуйте, доченьки Эля и Люся!

Посылаю вам несколько вырезок детских писем на фронт. Прочтите их не только сами, но и в школе... Мы ваши наказы будем выполнять с честью — бить немцев, и вы, наши дети, отвечайте хорошими успехами в учебе и помогайте колхозу в сборе печной золы, птичьего помета и в других доступных вам работах. О результатах мне сообщите в письме...

2 февраля 1943 г.

Привет из Сталинграда!

Сегодня мы празднуем великую победу. Наши войска полностью ликвидировали немецкую группировку, окруженную в районе Сталинграда. Это поистине грандиозная победа наших войск, которая предпринимает быстрейший разгром немецких оккупантов на всем фронте и изгнание их с нашей родной земли...

Да, Сталинград войдет в историю как одно из крупнейших событий Отечественной войны.

24 февраля 1943 г.

Милая Шурочка!

После боев находимся пока на отдыхе в глубоком тылу, где не слышно разрывов снарядов и свиста пуль. Лишь изредка прогудит мотор самолета. Скорей бы снова на фронт!

За меня не беспокойтесь. Живу хорошо. Вполне здоров. Работаю все там же, где и раньше. Пиши подробнее, как вы там

живете. На трудности особенно не обижайтесь. Нужно как-либо их переносить. Что ж сделаешь — война. Посмотришь на гражданское население здесь, что они испытали и пережили. Это ужас. Вы же находитесь в глубоком тылу. Просто счастливыцы...

25 мая 1943 г.

Шурочка!

Моя жизнь течет пока без изменений. Усиленно занимаемся боевой подготовкой, чтобы быть готовыми к решающим схваткам с врагом. Живем хорошо. Погода прекрасная — кругом зелень. Вероятно, у вас сейчас уже всюду идет весенний сев. Напиши, как обстоят дела в колхозе. Что есть нового в родных краях?

12 сентября 1943 г.

Шурик!

Фронтовые дела наши, как и вы слышите, идут блестяще. Немцы драпают так, что временами догнать не можем. Плохо только то, что гады все на пути отступления уничтожают — деревни жгут, население и скот угоняют. Кто сопротивляется, расстреливают и вешают...

4 октября 1943 г.

Привет, дорогие мои, с Днепра!

Милая Шурочка! Прошу не обижаться на редкость моих сообщений — все нет времени... Ты настоятельно требуешь, чтобы я взял отпуск и побывал дома. Невозможно, мой милоч, это сейчас. Не нужно и заражать себя этой мыслью, так как неосуществимо.

*Пока слышу немецкую речь я
И не угаснут пожарыщи огни —
Ты не жди и не думай о встрече
В боевые горячие дни.
Лишь когда этой битвы кровавой
Гром затихнет над нашей страной,
Мы получим законное право
Повстречаться, родная, с тобой!*

А такое время настанет скоро. Оно приближается с каждым днем...

20 января 1944 г.

Привет с фронта!

Дорогой мой Шурик! Вот уже пошел третий год, как я был из родного семейного очага. Два года я вас не видел. Детишки, должно быть, подросли. Как мне их хочется посмотреть! Убедительно тебя прошу — как-либо сфотографируйся вместе с детьми и пошли мне фотокарточку. Это будет для меня самым дорогим от вас подарком.

В моей личной жизни изменений нет. Больше все приходится быть на передовой...

13 октября 1944 г.

Здравствуйте, мои родные! Вот только что мы прослушали приказ тов. Сталина командованию Прибалтийского фронта о взятии нашими войсками столицы Советской Латвии — гор. Риги. Какая радость! Да и как не радоваться. Ведь уж последние небольшие островки оккупированной нашей родной земли очищаются от фашистской нечисти...

14 декабря 1944 г.

Всемилому семейству новогодний фронтовой привет! Желаю вам счастья и наилучших успехов. А новый 1945 год, Шурик, будет особенным в жизни нашей страны, который войдет в историю как год окончательных побед над злейшим врагом всего человечества — фашизмом...

Итак, милые, за наши боевые успехи на фронтах, за здоровье наших славных воинов. А мы, в свою очередь, будем держать тост за ваши трудовые подвиги в тылу и ваше здоровье. Все вместе — за славу нашей Родины!

9 мая 1945 г.

Добрый вечер, мое милое и дорогое семейство!

Вот и закончена успешно война. Мы победили! От этого зависит все наше будущее. Теперь мы счастливы. А тебе, Шуручка, я очень и очень благодарен. Находясь на фронте, я был спокоен за детей. Они были окружены с твоей стороны заботой, вниманием, сыты, одеты. Все это, конечно, тебе досталось нелегко. Все тяжести войны ты вынесла с честью...

В моей личной жизни изменений никаких пока нет. Скоро будем ближе к дому. Будьте здоровы. До скорой встречи...

Главное в письмах Афанасия Ручьева с фронта — непоколебимая вера в победу, любовь к родному краю, душевная отзывчивость, трогательная забота о жене и детях.

В каждом треугольнике повторялись вопросы: «Как там в Тарноге? Какой собрали урожай? Засеяли ли «гектары обороны»?» В этих вопросах как бы высвечивается биография воина и сеятеля. Афанасий Иванович, шагая по фронтовым дорогам, ни на минуту не забывал о хлебной ниве, о детях. В кругу боевых друзей он не раз говорил: «Вот кончится война, вернусь в Тарногу. Буду хлеб выращивать...»

И нет ничего удивительного, что, вернувшись после войны в родное село, Ручьев попросил райком партии направить его на сортоучасток. «Истосковался по земле», — сказал он.

Просьбу его удовлетворили. Рабочим кабинетом бывшего фронтовика стали опытные делянки. Заботясь о полновесном колосе, ученый агроном испытывал сорта зерновых культур. То, что казалось перспективным, внедрял на практике. К заведующему сортоучастком шли за советом бригадиры и председатели колхозов. Встречая бывших фронтовиков — руководителей хозяйств, Афанасий Иванович вместе с ними решал, как быстрее провести сев, на каких участках и что сеять, рекомендовал внедрять новые высокоурожайные сорта. В страдную пору сам постоянно бывал на полях.

В 1951 году коммунисты района избрали Ручьева секретарем райкома КПСС. Афанасий Иванович проявил себя энергичным, требовательным, вдумчивым руководителем. Самоотверженность, стойкость в борьбе с трудностями, сердечная щедрость и отзывчивость

к чужой беде были главными мерилami нравственного облика этого человека.

В конце 50-х годов, когда началось укрупнение колхозов, Афанасия Ивановича назначили председателем колхоза «Родина». Возглавив большой коллектив, он поставил цель рационально использовать землю и повысить силу каждого гектара. «Есть у меня давнишняя мечта,— говорил Ручьев колхозникам,— собрать по 20—25 центнеров с гектара. Со всей посевной площади. На круг...»

Когда дела в колхозе пошли в гору, Афанасий Иванович снова вернулся агрономом в Тарногу, в колхоз имени В. И. Ленина, который стал опорно-показательным хозяйством. Под его руководством в течение многих лет собирали самые высокие в районе урожаи. За большой вклад в развитие сельскохозяйственного производства Ручьев был награжден орденом Ленина.

...Тревожны сны бывших фронтовиков. Временами мучила бессонница. Пошаливало сердце. Афанасий Иванович жаловаться не привык. И в тот обычный в общем-то декабрьский день 1968 года он собирался пойти на сортоучасток. Но беспокойное сердце, не знавшее отдыха, остановилось.

Мне не раз довелось бывать в Тарноге. С кем бы ни встретился, каждый, вспоминая о Ручьеве, говорил: «Афанасий Иванович был великим тружеником, человеком красивой души...» Об этом свидетельствует и партийно-служебная характеристика, которая хранится в партархиве Вологодского обкома КПСС: «Тов. Ручьев А. И.— член КПСС с 1942 г. За время работы на посту агронома, секретаря райкома партии и председателя колхоза показал себя хорошим организатором, был чутким и отзывчивым к запросам тружеников села, принимал активное участие в жизни районной парторганизации, неоднократно избирался членом райкома КПСС и депутатом районного Совета. За бое-

вые и трудовые заслуги награжден четырьмя правительственными наградами...»

В том же деле несколько фотографий времен Отечественной войны. На одной из них — начальник политотдела 18-й армии Л. И. Брежнев вместе с политработниками. Среди них мы видим и А. И. Ручьева. Он стоит во втором ряду в кругу боевых друзей. Под фотографией подпись: «7—8 сентября 1944 года. Чехословакия». Вспоминая о тех днях, Афанасий Иванович рассказывал: «Части нашей армии вступили в Карпаты. Войскам предстояло перейти через горный хребет. Вот в этот-то период политотдел армии и пригласил нас, политработников, на совещание. Стоял вопрос, как с наименьшими потерями пробраться через горную труднопроходимую местность. Полковник Брежнев рекомендовал привлечь на помощь конную тягу. «Конь в горах,— говорил он,— наш боевой друг». По окончании совещания мы и сфотографировались вместе с Леонидом Ильичом. На память о Карпатах!»

Партийная характеристика и выцветшая от времени фотография неразрывно связаны между собой. Они говорят о большой жизни человека — сеятеля и воина.

МЫ НЕ СДАДИМСЯ НИКОГДА!

В Вологду приходили письма из осажденного Ленинграда. Они напоминают нам о стойкости, мужестве и непоколебимой вере в победу защитников города-героя. Вот одно из писем от 20 ноября 1941 года, посланное Георгием Фуряевым родным:

«...Уже четыре месяца ленинградцы стойко выдерживают яростные атаки кровавого врага, бросающего все новые и новые банды, стремясь во что бы то ни стало захватить и поработить этот чудесный город...»

Подвоз продовольствия чрезвычайно затруднен. С сегодняшнего дня нормы выдачи хлеба сокращены еще более.

Как видите, жизнь сейчас здесь не из легких. Но ленинградцы — люди особого закала. Мы не плачем! Мы готовы на еще большие лишения, но любой ценой, с любыми трудностями мы отстаем свой любимый город. Мы сделаем все зависящее от нас для победы.

Не думайте, что я произношу просто громкие слова. Нет! Я продолжаю сдавать свою кровь, восстанавливаю жизнь бойцов нашей славной армии. И я горжусь, что моей кровью спасена жизнь 9—10 человек.

Мы не сдадимся никогда! Ленинград останется Ленинградом! Но учтите, мы нуждаемся в вашей помощи и поддержке. Чем ваша область может помочь городу Ленина? Организуйте пересылку нам хлеба и других продуктов...»

Кто такой Фуряев? До войны Георгий окончил среднюю школу № 9 г. Вологды. В школьном музее хранится характеристика, выданная по окончании десятого класса: «Фуряев Георгий, учащийся 10 кл., за период учебы в средней школе г. Вологды проявил себя как серьезно относящийся к учебе и как хороший организатор учащихся. К поручениям относился со всей ответственностью и аккуратно выполнял их. Поведение отличное». Эти скупые строки раскрывают характер молодого человека.

После окончания школы Георгий поступил в Ленинградский политико-просветительный институт им. Н. К. Крупской. Война застала его на третьем курсе. Вначале как ополченец он строил оборонительные рубежи, а потом был назначен комиссаром комсомольско-молодежного партизанского отряда особого назначения.

«...Вот уже второй месяц пошел, — писал 2 апреля 1942 года Георгий, — как я нахожусь в партизанском отряде. Признаться, жизнь трудная. Здесь я впервые увидел то, что называется «человеческой мясорубкой»... Да, война несет с собой много мрачного. Но ничего. Вот кончится она, тогда все эти темные картины будут вспоминаться лишь как необходимые эпизоды Великой войны за освобождение Родины».

Были и еще письма. Чаще из Малой Вишеры, куда отряд возвращался для отдыха и пополнения после очередного боевого задания. А в апреле 1943 года родные получили извещение, в котором сообщалось о гибели воина.

ТРАССА МУЖЕСТВА

Потомок, знай! В суровые года,
Верны народу, долгу и Отчизне,
Через торосы ладожского льда
Отсюда мы вели дорогу жизни,
Чтоб жизнь не умирала никогда.

*Надпись на стеле памятника
«Разорванное кольцо»*

На восточном берегу Ладожского озера в поселке Кобона воздвигнут монумент, на котором высечены слова: «Через Кобону шла дорога жизни. Она, прорвав фашистскую блокаду, соединила сердце Ленинграда с родной Москвой, со всей Отчизной. 1941—1943».

Прибыв в Кобону в майское мирное утро, я с трудом узнавал места, где довелось воевать в 1942-м.

...Бескрайняя снежная равнина. В морозной ночи гудели моторы. На запад, к мысу Осиновец, тянулись длинные ряды вешек, вдоль которых двигались колонны автомашин. Мороз. Такой мороз, что птицы падали на лету. А машины шли. На Большую землю везли людей, оттуда в Ленинград доставляли муку, сахар, консервы, масло, крупу. «Дорога жизни» спасла сотни тысяч ленинградцев от голодной смерти.

Рассказывая о ледовой трассе, хочется напомнить о дорогах, которые во время войны, будто живые нити, сбегались к Ладожскому озеру. Без них невозможно было перебрасывать грузы к местам погрузки на суда и автомашины.

Представьте обстановку того времени. Хотя в начале декабря 1941 года наши войска освободили Тихвин и начала действовать ледовая трасса по Ладоге, положение с продовольствием в блокадном Ленинграде оставалось тяжелым. Рабочие получали 250 граммов хлеба в день, а дети — 125 граммов. Это так мало, что трудно поверить. Люди умирали от голода.

Железнодорожный путь от Тихвина на запад был парализован. Грузы приходилось доставлять на автомашинах по маршруту Коськово—Колчаново—Сясьстрой—Новая Ладога—Кобона—Осиновец. Расстояние более 190 километров. За двое суток шоферы едва успевали сделать по одному рейсу. Среднесуточный завоз продовольствия не превышал дневного расхода.

В конце декабря 1941 года наши войска оттеснили гитлеровцев от станции Войбокало и Жихарево. По решению Государственного Комитета Обороны форсировалось восстановление железнодорожного полотна. Под Новый год от Тихвина до Войбокало открылось сквозное движение поездов. Путь сократился в шесть раз. Но все же продовольствия и других грузов подвозилось недостаточно.

Тормозило грузоперевозки то, что в Войбокало железная дорога обрывалась. До восточного берега Ладоги, где начиналась ледовая трасса, оставалось сорок километров. Казалось, расстояние невелико, но сколько усилий требовалось, чтобы преодолеть его в зимних условиях! Снегоочистительных средств не было. Из-за разбитой колеи машины часто выходили из строя. До таяния снега оставалось три месяца. Весенняя распутица могла осложнить обстановку.

Вот тут и встал вопрос о постройке железнодорожной ветки от Войбокало до Кобоны. Государственный Комитет Обороны одобрил представленный Военным советом фронта проект. Строительство железнодорожной ветки возлагалось на Народный комиссариат путей сообщения.

В Вологде тогда находилось строительное управление, возводившее вторые пути Коноша—Архангельск. Этот участок Северной железной дороги был тоже напряженным. Только через него поддерживалась связь центральных районов с Архангельским портом, а значит — с нашими союзниками. Но город на Неве в бло-

каде. Стало быть, необходимо найти резервы и прийти на помощь Ленинграду.

Уполномоченный Государственного Комитета Обороны Б. П. Бещев приехал в Вологду. С помощью обкома КПСС, районных и городских партийных и советских органов был создан мощный коллектив из четырех стройучастков. Основное ядро их составили вологжане.

17 января 1942 года строители прибыли на станцию Войбокало. Вырыв землянки и соорудив наскоро тесовые бараки, они приступили к прокладке железнодорожного полотна. Сроки были жесткие — в пределах месяца.

Началось невиданное в военное время строительство. Непосредственно им занимался секретарь ЦК ВКП(б), член Военного совета А. А. Жданов. Обращаясь к личному составу стройуправления, он писал: «Дорогие товарищи! Постройкой этой дороги вы решаете задачу государственной важности. Ленинград переживает крайне тяжелые и суровые дни. Ваша задача — помочь трудящимся славного города Ленина, помочь ленинградским женщинам и детям. Построить дорогу — значит дать хлеб городу, горючее и боеприпасы войскам Красной Армии, ускорить разгром врага под Ленинградом».

К месту стройки прибывали составы с балластом, шпалами, рельсами. Работы на трассе разворачивались в невероятно трудных условиях. Стояли лютые морозы. Строительной техники почти не было. Отсыпка грунта, укладка шпал и рельс, забивка костылей — все делалось вручную.

Люди трудились с неимоверным напряжением. Изнуряли налеты фашистских самолетов. Порой казалось, что силы на исходе. Но как бы ни было трудно, никто не покинул трассу стройки.

Последние шпалы были уложены на рассвете 15

февраля 1942 года. Сквозь предутреннюю мглу проглянуло скупое солнце. Побросав кувалды, строители бросились в объятия друг другу. В полдень к разгрузочным площадкам подошел первый состав. Новая железная дорога от станции Войбокало до Кобоны вступила в строй. В народе ее называли трассой мужества.

По достоинству оценивая вклад строителей-вологжан в защиту города Ленина, А. А. Жданов телеграфировал: «Военный совет Ленинградского фронта поздравляет руководителей, рабочих и служащих, инженеров и техников строительства с успешным и быстрым окончанием строительства железнодорожной линии на участке Войбокало—Кобона и с открытием железнодорожного движения на этом участке...»

Ввод новой железнодорожной ветки позволил намного увеличить завоз в Ленинград продовольствия и повысить хлебные пайки. Рабочие стали получать 400 граммов, служащие — 300, иждивенцы и дети — 250 граммов. В этом есть и ваш вклад, мои земляки-вологжане.

СТРОКИ С ПЕРЕДОВОЙ

ОДИН ИЗ ШЕСТНАДЦАТИ...

Пожалуй, нет в нашей стране человека, который не слышал бы о подвиге шестнадцати гвардейцев из взвода младшего лейтенанта Василия Кочеткова.

Отдали воины жизнь. За Сталинград. За победу. Среди героев-кочетковцев был и вологжанин Николай Федотовский. О его мужестве и отваге

стало известно из письма командования воинской части матери С. И. Федотовской, проживавшей в деревне Терехово Тереховского сельсовета Рослятинского района.

«Дорогая Секлетей Ильинична! — говорилось в письме, — приказом Военного совета Сталинградского фронта от 2 октября 1942 года за об-

После войны мне не раз довелось беседовать с ветеранами стройки. Никто не говорил, что он совершил подвиг, проявил героизм. Просто всех объединяло чувство долга перед ленинградцами, перед страной.

«Я хорошо помню настроение людей,— вспоминал А. В. Спасенков, работавший после войны председателем колхоза.— Всеми руководило сознание, что мы спасаем от голодной смерти оказавшихся в блокаде ленинградцев. Поэтому никто не жалел сил. Работали буквально до изнеможения. Поднимались в пять утра и шли на трассу. Пока не выполним суточного задания, не возвращались в расположение батальона. Это был массовый героизм...»

На строительстве дороги отличилось немало вологжанок, совсем еще юных. В архивных документах упоминаются их фамилии — Л. Бирюкова, П. Андреева, Н. Аверичева, Т. Рябина... Да разве всех перечислишь!

Военная судьба разбросала строителей по разным направлениям. Одни возводили пути под Коношей,

разцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество Ваш сын, гвардии красноармеец Федотовский Н. М., посмертно награжден орденом Красного Знамени. Он — один из шестнадцати гвардейцев-кочетковцев, геройски погибших в неравной схватке с врагом.

Шестнадцать орлов смело вступили в бой против двенадцати танков и нескольких сот гитлеровцев, не пощадили своей жизни, выполняя приказ

Родины, не пропустили врага через свой рубеж...»

А спустя тридцать лет красные следопыты Сиротинской средней школы на высоком косогоре, обозначавшемся в военных картах высотой 180,9, нашли останки Николая Федотовского и полуистлевший комсомольский билет. Отважный воин хранил его у сердца и шел с ним в бой. Сейчас пробитый осколками комсомольский билет можно увидеть в экспозиции Музея обороны Сталинграда.

другие сооружали дорогу от Чагоды до Кобожи, третьи восстанавливали мост под Волховстроем. В невероятно трудных условиях, нередко под огнем врага делали, казалось, невозможное.

Однажды более 150 самолетов противника обрушились на станцию Волховстрой. Рухнули в Волхов пролеты основного стометрового моста. Но прошло несколько часов, и к Ленинграду пошел стоявший под парами на перегоне воинский состав. Невероятно? Да! Но так было.

Позднее, в 1944 году, пленный немецкий офицер на допросе удивленно спросил: «Как вы смогли под самым нашим носом построить железнодорожную ветку и как успевали восстанавливать пути?» Ему не дано было понять, как крепки духом советские люди. Думая об этом, я вновь вспомнил суровую зиму 1942 года. Тогда на трассе лед был черен от взрывов мин и авиабомб. Но, пренебрегая опасностью, водители машин доставляли ленинградцам бесценный груз.

Сегодня «Дорога жизни» от Ладоги до Ленинграда одета в асфальт. Озеро спокойно. Синий простор до самого горизонта. В Кобоне у обелиска, там, откуда начиналась ледовая трасса, всегда можно встретить туристов. Бывают здесь и те, кто строил «железку-временку» и кто по еще неокрепшему льду Ладоги вел полуторку к Осиновецкому мысу. Метр за метром... Километр за километром... Не все возвращались из таких рейсов. Сколько машин ушло под лед, сколько кораблей погрузилось в водную пучину...

Я слышал, как один из ветеранов войны, возложив на каменные плиты букетик незабудок, с чувством гордости за боевых друзей сказал: «Засветить бы здесь вечный огонь!»

В самом деле, почему не откликнуться на зов солдатского сердца?

С МЕЧТОЙ О ГРЯДУЩЕМ

В партийном архиве Вологодского обкома КПСС среди справок о сдаче подарков на фронт я неожиданно обнаружил письмо старшего лейтенанта В. Д. Перфильева. На конверте — штамп полевой почты. А ниже адрес: «Вологодская область, г. Сокол, райком партии, тов. Харчистову В. Д.»

Обычно во фронтовых письмах повествуется о трудных дорогах войны, о яростных атаках, о солдатском быте. Почти в каждом неизменно читаем: «Гоним фашистов на запад», «Жив-здоров...», «Обо мне не беспокойтесь...» А в этом — раздумья о грядущем.

«Василий Дмитриевич! — обращался Перфильев к своему бывшему однополчанину. — Два-три часа осталось до рассвета. Давай помечтаем! Я гляжу сквозь ночь глазами человека, которому близость боя и смерти дает далеко видеть. Через многие ночи, дни, месяцы гляжу я вперед и там, за горами горя, вижу нашу победу. Мы добудем ее! Через потоки крови, через муки и страдания, через грязь и ужас войны мы придем к ней, полной окончательной победе над врагом! Мы ее выстрадали, мы ее и завоюем».

Письмо писалось в августе 1943 года перед боем. Вполне естественно, перед тем как повести бойцов в атаку, командир оглянулся на жизненный путь.

«Вспомни проведенные годы, — писал он. — Над всем нашим поколением вечно висел меч войны. Мы жили, трудились, ласкали жен, растили детей, но мы ни на минуту не забывали, что там, за нашей границей, сопит, ворочается злобный зверь... Ждали и готовились к защите родной страны...»

Мысли фронтовика уносились к тем дням, когда началась военная гроза:

«Враг напал на нас. Вот он на нашей земле. Идет страшный бой. Не на жизнь — на смерть. Нет выбора. Задушить, уничтожить, раз и навсегда покончить с гитлеровским зверем!»

Шли солдаты дорогами войны. Шли вперед, на запад, и, разрушая, думали о созидании — о колоссящих хлебных нивах, о возрожденных на пепелищах городах и селах. С думами о будущем умирали и побеждали.

«И когда свалится в могилу последний фашист, и когда смолкнет последний залп гаубиц, — говорится в письме, — как дурной сон, развеется коричневый кошмар, наступит тишина, величественная, прочная тишина победы. И мы услышим, как облегченно, радостно вздохнет весь мир, все человечество... А потом задымят восстановленные заводы, забурлит жизнь. Замечательная жизнь, Василий! Жизнь на свободной земле, в братстве со всеми народами. За такую жизнь и умереть не много. Это не смерть, а бессмертие.

Довольно. Скоро рассвет. Нужно подготовиться. Иду в бой. Пишите. Жду...»

Идя, может быть, в последний бой, комбат думал не о себе, не о смерти, а о победе во имя жизни на земле. Еще и еще вчитываюсь в строки, опаленные огнем. Кто же их автор? Об этом документы молчат.

Было известно, что письмо адресовалось в г. Сокол. На запрос из райвоенкомата поступил ответ: «В. Д. Перфильев до войны работал агрономом Кадниковской МТС. Отсюда ушел на фронт. По демобилизации из армии после войны вернулся в г. Кадников и снова выращивал хлеб. В 1954 году был переведен на работу в другой район. Но где сейчас — неизвестно».

Продолжаю поиск. Первой подала весточку секретарь парткома совхоза «Красная звезда» Вологодского района Т. А. Шишова: «В. Д. Перфильев более десяти лет работал в нашем совхозе управляющим отделением. В 1969 году ушел на заслуженный отдых. Проживает на территории совхоза — в деревне Красково...»

Наконец удалось разыскать ветерана войны. Василий Дмитриевич, удобно усевшись на крылечке, нето-

ропливо рассказывает о фронтовых дорогах, о возвращении в родные края.

В биографии его ничего необычного нет. Родился в 1909 году в небольшой деревушке Максимовской Шенкурского уезда Архангельской губернии в семье бедняка. Сызмалства познал нелегкий крестьянский труд. В 1926 году пути-дороги привели паренька в сельскохозяйственный техникум. Время было кипучее. Деревня вступала на путь коллективизации. Получив диплом агронома, молодой специалист стал работать в одном из первых колхозов Шенкурского района. Учил крестьян сообща выращивать хлеб, лен и овощи.

В 1939 году В. Д. Перфильева призвали в армию. А через несколько месяцев началась война с белофиннами. Солдат защищал Карельский перешеек. За боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени.

После демобилизации из армии Перфильева назначили старшим агрономом в Кадниковскую МТС. Но недолго довелось заниматься мирным трудом. Снова война — Великая Отечественная. Сугубо штатский человек, но уже получивший боевое крещение в боях с белофиннами, вырос до командира батальона. Не раз, рискуя жизнью, комбат водил солдат в атаку. За мужество и отвагу был награжден вторым орденом — Отечественной войны II степени.

Василий Дмитриевич познал горечь отступления и радость первых побед. Был дважды ранен, снова возвращался в строй. Победную весну 1945-го встретил на подступах к Берлину. А потом — снова труд на родной вологодской земле.

Разговаривая с ветераном, я спросил, помнит ли он о том письме военной поры. Собеседник оживился: «Как же, как же! Отлично помню. Было это осенью 1943-го на Волховском фронте. Мы вели, как сообща-

лось в сводках Совинформбюро, бои местного значения и готовились к прорыву блокады Ленинграда... Однажды я отправился на корректировку огня. Вокруг грохотало. Выбрав окопчик, я уточнил координаты и дал минометчикам команду открыть стрельбу. Но, видимо, ошибся. Мины накрыли наш «пяточок». Слышу, кто-то, прячась за камень, кричит: «Братцы! По своим лупите!»

Бывало на фронте и такое. Выскочив из окопчика, я бросился к камню. Надо же выяснить, куда перенести огонь. «Эх, вояки, — укоризненно сказал мне незнакомый майор. — Немцы-то в лощине окопались, а вы куда палите?»

Снова подаю команду. На этот раз мины полетели по назначению. Огонь противника ослаб. Пехотинцы с криками ура ринулись в атаку.

День клонился к вечеру. Не успел я отойти назад, в расположение своей части, вижу, бежит ко мне тот майор и кричит: «Спасибо, браток, за огонек».

Разговорились. Незнакомец отрекомендовался майором Харчистовым. Приятно было узнать, что он мой земляк. Почти год на одном плацдарме воевали, а вот встретиться не доводилось. В одном из боев Харчистова ранило. Сам видел, как, окровавленного, его унесли на плащпалатке в медсанбат.

С тех пор наши фронтовые дороги и разошлись. Однако друг друга из виду не теряли. Изредка переписывались. Еще во время войны Харчистов, оправившись после ранения, стал первым секретарем Сокольского райкома партии...»

Разговор снова зашел о письме. Перечитав его, Василий Дмитриевич задумался и, сдерживая волнение, наконец произнес:

«Да, что было, то было. Даже в самые трудные минуты нас не покидала уверенность в победе. Бывало,

соберемся в землянке и строим планы, чем будем заниматься после войны.

Да не только мы, солдаты, мечтали о будущем. Мирные жители, побывавшие под игом оккупантов, как светлого солнышка, ждали своего освобождения. Помню, заняли мы одно село, вернее, то, что от него осталось. А осталось мало — трубы черные да обугленные головешки. Переночевали под открытым небом. А утром снова в поход.

Вдруг откуда-то появилась сторбленная старушка. Упала на землю и горько-горько зарыдала. Потом, выпрямившись, бросилась к нам: «Возвращайтесь, миленькие, быстрее с победой. Строить, землю пахать, детей рожать». Никогда не забуду этого материнского напутствия...»

Когда кончилась война, Перфильев вернулся на Вологодчину. На какой бы участок его ни ставили, всюду работал на совесть. Когда требовалось, сам садился за руль трактора, водил по полям комбайн, учил людей выращивать хлеб и преодолевать послевоенные трудности. Не раз был участником Выставки достижений народного хозяйства СССР и удостоен двух правительственных наград.

Коммунисту Перфильеву давно уже за шестьдесят. Хотя он и на заслуженном отдыхе, в летнюю пору помогает совхозу, делится с молодыми специалистами опытом, выступает перед детворой с воспоминаниями о войне. А еще — все свободное время отдает воспитанию внуков.

«Вы не бывали в Семенкове — на центральной усадьбе нашего совхоза? — спрашивает Василий Дмитриевич. — Ах, бывали! Значит, видели новый поселок. Дом культуры, школа, столовая, магазин, добротные каменные дома. Целый агроград! А в центре поселка воздвигнут обелиск. Это в память о тех, кто не вернул-

ся с войны». Перфильев рассказывает, как круто пере-
менилась вся жизнь. На совхозной усадьбе — десятки
тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных
машин. Все основные процессы в полеводстве и живот-
новодстве механизированы.

И рассказывает Василий Дмитриевич с большой
гордостью за свой совхоз, за молодое поколение, за
страну нашу. Ведь то, о чем он мечтал в грозном 1943
году и за что проливал кровь, стало явью.

МЫ ПОБЕДИМ!

Однажды путевой обходчик Николай Орлов на участке в районе Мясного бора, что под Новгородом, обнаружил вблизи полотна железной дороги, у заросших траншей, шпалу, в которую были вколочены стреляные гильзы. Они образовали надпись: «Мы победим!»

Вряд ли найдутся письма времен войны короче и выразительнее. Но кто были те безвестные солдаты, которые оставили потомкам свою веру в победу?

Сообщение о необычном эхе войны появилось во многих газетах. Как рассказал мне Сергей Иванович Веселов, житель Череповца, он, прочитав заметку, очень удивился: «Надо же, уцелело, дошло наше «письмо»».

Из рассказа ветерана войны стало известно, как шесть кавалеристов, шесть советских солдат, оказавшись в окружении, приняли неравный бой и выиграли его. Выиграли без потерь.

Перед тем как отправиться дальше, в ту сторону, откуда слышались взрывы, бойцы собрались в полуразрушенном блиндаже. День еще не погас. Идти было рано. Оценивая обстановку, Сергей Веселов предложил: «Может, нам и не пробиться к своим. Но живыми не сдадимся. Надо написать об этом письмо потомкам. Да такое, чтобы годы не стерли».

Вот тогда-то и обратили внимание на валявшиеся вокруг стреляные гильзы. Притащив в блиндаж шпалу, бойцы коллективно «писали» письмо. Было это в конце сентября 1942 года.

Пробираясь сквозь леса и болота, шестеро солдат добрались до вражеской линии обороны и ринулись сквозь огненный вал. В этот миг Сергея ранило. Он очнулся, когда уже были среди своих. А потом госпиталь. Возвратившись в строй, он воевал в Румынии и Чехо-

словакии. До поверженного Берлина не дошел 50 километров — опередили другие.

Домой Сергей Иванович вернулся с двумя орденами Славы, тремя медалями «За отвагу». Шагая по фронтовым дорогам, он, как и его друзья-однополчане, свято верил в победу. Об этом напоминает и шпала, ставшая ныне музейным экспонатом.

БЕРЕЗЫ НА ХОЛМЕ

В Волгограде на склоне Мамаева кургана, у самого пьедестала исполинской фигуры Родины-Матери, положена мемориальная плита с надписью:

ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
СЕРЖАНТУ ПРОКАТОВУ ВАСИЛИЮ НИКОЛАЕВИЧУ
ВЕЧНАЯ СЛАВА!

На войне человека узнают не за годы — за минуты. Заносся в список вновь прибывшего сержанта и с уважением посмотрев на золотистую нашивку над правым карманом его гимнастерки, писарь спросил: «В боях бывали?» «Да, приходилось, — ответил Прокатов. — Воевал под Ленинградом. Там получил боевое крещение и был ранен. А вот теперь послали к вам...»

Прокатов умолчал о своем подвиге под Ленинградом. Может, о нем бы и забыли, если бы не появился в книге «Герои и подвиги», изданной в 1958 году, очерк А. Гринько «Солдаты в каменных шинелях». Вот что написано о нашем земляке:

«В бою за небольшую ленинградскую деревушку отделение Прокатова попало под огонь фашистского пулеметчика, укрывшегося в дзоте. Бойцы залегли. Тогда сержант пополз по глубокому снегу к огневой точке. Незаметно подобравшись к ней, Прокатов бросил в амбразуру гранату. Пулемет замолчал, но вскоре опять ожил. Василий подобрался еще ближе и снова метнул гранату. Но и на этот раз пулемет уцелел.

Сержант прополз еще несколько метров. Теперь до дзота оставались считанные шаги. Осколки гранат могли поразить и самого Прокатова, но он не думал об этом. Сержант решил во что бы то ни стало дать возможность отделению подняться в атаку. Третий бросок достиг цели: пулемет смолк...»

На новом месте службы Прокатов принял отделение. Полюбили его бойцы за удаль, храбрость, жизнерадостность. «Сразу видать, солдат бывалый,— говорил о нем командир роты. — Для такого всякая военная работа не в тягость...»

Вскоре полк перевели под Сталинград. Здесь, на волжском берегу, Прокатов снова отличился. В одном из боев выбыл из строя командир батальона. На мгновение цепь наступавших бойцов дрогнула. Заметив это, Прокатов подполз к знамени и, взяв из его рук полковое знамя, крикнул: «За Родину — вперед!» Над полем боя загредело дружное ура. Бойцы отбили высоту, за которую так упорно цеплялся враг.

Завершив окружение группировки фельдмаршала Паулюса в районе Сталинграда, наши войска перешли в решительное наступление. Впереди был Дон... Полку предстояло прорвать сильно укрепленную оборону противника на правом берегу реки, в районе деревни Березовки. На рассвете 14 декабря 1942 года на укреплении врага обрушился шквал артиллерийского огня.

В СОЛДАТСКОМ ОКОПЕ ЧИТАЛИ

ГВАРДЕЙЦЫ ДЕРУТСЯ ОТЛИЧНО

Фронтовая жизнь не баловала воинов временем, да и бумага не всегда была под рукой. Потому-то многие письма со штампелем полевой почты предельно кратки. Вот одно из них, адресованное в Вологду:

Родные!

Вот уже двое суток в боях. Жив и здоров. Гвардейцы дерутся отлично. Целую крепко.

Ваш сын Коля.

Автор письма — полковник Николай Дмитриевич Чухин. Начав служить в Красной Ар-

Когда над полем боя воцарилась тишина и бойцы стали продвигаться по скованному уже льдом Дону, застрочил вражеский пулемет. Прокатов сразу определил, откуда он бьет.

Решение пришло мгновенно. Взяв связку гранат, сержант пробрался на крутой берег, где засел враг. Осмотревшись, пополз к доту. Над головой свистели пули... Еще несколько метров. Вот дот совсем близко — можно метнуть гранату. Бросок. Граната взорвалась у амбразуры, но не остановила трескотню пулемета. Еще бросок. На мгновение пулемет захлебнулся и снова ожил.

Все повторялось, как под Ленинградом в сорок первом. Только там из-за губительного огня залегло десятка полтора бойцов, а тут — батальон. Прижимаясь к земле, Прокатов прополз еще пять-семь метров. В руке граната — последняя. Надо бить наверняка. И вдруг сержант почувствовал, как что-то острое впилося в грудь. Превозмогая боль, метнул гранату. Однако бросок был не точен. Пулеметный огонь продолжался. Соб-

мин еще в годы гражданской войны, он участвовал в разгроме полчищ Врангеля, а потом белополяков. Великую Отечественную войну подполковник Чухин встретил на посту начальника штаба 20-й танковой дивизии. Впоследствии был назначен командиром 1-й гвардейской танковой бригады. О том, как сражались танкисты этого крупного воинского соединения, сообщало Совинформбюро 12 июля 1942 года: «Гвардейцы части, которой командует тов. Чухин, уничтожили 2500 немецких солдат и

офицеров, 10 танков, 3 броневика, 47 орудий, 10 минометов, 25 пулеметов, 17 автомашин и 4 тягача».

Бригада под командованием полковника Н. Д. Чухина участвовала в боях на Брянском фронте, под Москвой и Сталинградом, на Орловско-Курской дуге.

В партархиве Вологодского обкома КПСС хранится еще несколько писем Николая Дмитриевича с фронта, адресованных родителям. В них рассказывается о боевом пути и ратных подвигах танкистов.

рав последние силы, Прокатов вскочил и закрыл своим телом амбразуру дота.

Ценой своей жизни юный герой дал батальону возможность перейти через Дон и занять плацдарм на правом берегу. От этой огненной черты полк начал победоносный путь на запад.

Когда кончился бой под Березовкой, однополчане разыскали тело сержанта и похоронили на холме у крутого обрыва Дона. В кармане гимнастерки было найдено письмо на родину, в город Харовск.

«Дорогая мама! — писал Василий, — я сейчас там, где идут жестокие и решающие бои. Не беспокойся. Вернусь с победой. А если не вернусь, не горюй. Жизнь свою дешево врагу не уступлю...»

Через несколько дней в армейской газете «Боевая тревога» появилась корреспонденция о подвиге Прокатова под заголовком «Покинув свет, он жив своею славою». Военный журналист В. Соколов предсказывал:

«Когда пишутся эти строки, стоит в неумолчном грохоте боев декабрь 1942 года... Но кончится суровое шествие войны, страна залечит раны. Пойются, как вешние воды, свободные песни над Доном. И на месте решительных боев, на гребне кургана, советские люди построят памятник. Скульптор высечет из мрамора стремительную фигуру русского воина — Василия Прокатова.

Путник, сняв шапку, остановится у памятника. Девушки положат у его подножия букеты живых цветов, а юноши молча поклянутся любить свою Родину так, как любил ее бесстрашный воин Василий Прокатов».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 года Василию Николаевичу Прокатову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Он навечно зачислен в списки личного состава части. Каждый вечер, когда бойцы выстраиваются на повер-

ку, старшина выкликает: «Сержант Прокатов!» Правифланговый отвечает: «Погиб смертью героя в боях за Советскую Родину!»

Подвиг донского Матросова воспет в стихах и песнях. Еще во время войны по горячим следам событий поэт Б. Весельчаков посвятил Василию Прокатову стихотворение, в котором есть такие строки:

Он гордо шел сквозь огненную бурю,
Он молча полз сквозь орудийный вой,
Чтоб заслонить всем телом амбразуру,
Чтоб совершить бессмертный подвиг свой.
В последний раз перед его глазами
Качнулись звезды, рухнул небосвод...
Он увидал развернутое знамя —
Его несли товарищи вперед!

В Березовке на холме, опаленном войной, комсомольцы колхоза «Заря коммунизма» разбили парк и посадили полторы тысячи деревьев. На главной аллее встали девятнадцать березок — столько лет было Василию Прокатову. А вскоре над Доном появился и памятник, который всегда будет напоминать о воине-герое.

СНАЙПЕР ВЛАДИМИР КРАСНОВ

В сентябре 1942 года из блокадного Ленинграда в Вологодский обком ВЛКСМ пришло письмо. Секретарь Ленинградского обкома комсомола А. Бучурин писал: «Посылаю статью из газеты «Ленинградская правда» об одном из воспитанников Вологодской комсомольской организации Владимире Краснове. Думаю, что для Вас небезынтересно. На примерах таких людей мы воспитываем всех юношей и девушек...»

До последнего времени вологжанам мало было известно о ратных подвигах Владимира Краснова. Начался поиск...

По архивным документам удалось установить, что Владимир Краснов родом из деревни Леняково Шольского района. Мать его Анна Тимофеевна ныне живет в г. Горловка Донецкой области. Откликнулись другие родственники.

«Володя родился в 1915 году, — писал его брат Сергей. — Рос без отца, которого убили еще в первую мировую войну. Окончил начальную школу, а потом пас коров. Жили бедно. Нужда заставила рано пойти на заработки. Работал Володя на лесозаготовках. В то время ширилось стахановское движение, и он стал одним из лучших лесорубов. Помню, домой приносил премии и подарки. А тут подоспело время идти на действительную военную службу. Вскоре началась война с белофиннами. Володя участвовал в ней до конца и вернулся в родную деревню...»

Сохранилась фотография тех лет. Со снимка на нас смотрит солдат в красноармейском шлеме с красной звездочкой. На груди — орден и три оборонных значка.

«Как только Володя приехал домой, сразу же устроился на работу, — сообщала его тетя Антонина Тимофеевна Анисимова, проживающая в деревне Нижний

Двор Белозерского района. — Весной сплавлиал лес и помогал колхозу. За что бы ни взялся, все делал с большой охотой. А тут нагрянула новая война — с немецкими фашистами...»

Да, Владимир Краснов не хотел и не умел жить спокойно. В роте его называли грозой фашистов. Почти целыми днями он наблюдал за противником из засады. Стоило гитлеровцу высунуться из-за бруствера окопа или выйти из землянки, его настигал меткий выстрел снайпера.

Однажды Краснова вызвал командир роты капитан Виноградов. «Что-то немцы стали активно вести себя по ночам, — сказал он. — Не затевают ли какую-нибудь авантюру? Попробуйте стрелять по ним из пулемета».

Ночь выпала холодная, звездная. Владимир выдвинулся на передний край, выбрал позицию поудобнее, прислушался. Вскоре пулеметчик уловил скрип снега и увидел, как невдалеке, пригибаясь, четверо немецких солдат тащат ящик с патронами.

Краснов дал короткую очередь. Два гитлеровца упали, словно подкошенные. В это время в воздух взлетела ракета. В стане противника поднялся переполох. По нашему переднему краю ударил ливень пуль. Владимир заметил, откуда бил немецкий станковый пулемет. Он по-пластунски пополз по снегу навстречу врагу. Когда до пулемета оставалось 20—25 метров, вскочил и метнул гранату. За ней — вторую, третью... Воздух сотрясли взрывы. Краснов ринулся назад и благополучно преодолел опасную зону.

В январе сорок второго Владимира пригласили на армейский слет снайперов. Там он встретился с товарищами по оружию — мастерами меткого огня В. Пчелинцевым, И. Вежливцевым и П. Голиченковым. От имени Военного совета фронта Андрей Александрович Жданов вручил им именные снайперские винтовки.

Родным особенно запомнились два письма Влади-

мира. В одном он вскользь упоминал, что на фронте «маленько царапнуло», а в другом уведомлял о представлении к правительственной награде. К какой и за что — они узнали позднее, в марте 1942 года.

В один из весенних дней Анна Тимофеевна вышла на крыльцо. Во дворе лежал серый снег. С крыш со звоном падали на землю сосульки. Но весна не радовала, все мысли матери были о сыне. И тут из-за угла показалась почтальон, потрясая газетой, она быстро заговорила: «Анна Тимофеевна! Смотри, твоего сына наградили. Орденом Ленина. Вот тут написано...»

Взяв газету, мать начала читать. Строчки прыгали перед глазами.

— А может, не он?

— Да он же, твой сын. Тут ясно сказано: «Краснов Владимир Никифорович...»

А через несколько дней пришло письмо.

«Мама, я жив и здоров, — писал сын. — Меня можете поздравить с высокой наградой. Я получил орден Ленина и золотые часы за боевые дела на фронте. Сейчас учусь в школе среднего командного состава. Передавайте привет всем родным и знакомым...»

Материнское сердце забилося от радости. Ее сын — герой! В ответ на фронт полетело письмо:

«Дорогой Володя! Как мать, я горжусь тобой. Надеюсь, что орден Ленина, большое доверие партии и правительства ты с честью оправдаешь. Пиши чаще. Будем ждать твоих весточек с нетерпением. Благословляю тебя на битву с врагом. Бей немецких извергов без жалости. Сам же возвращаясь с победой, цел и невредим...»

Владимир, помня наказ матери, свято исполнил воинский долг. К концу 1942 года на его боевом счету было около двухсот гитлеровцев. Как одного из лучших младших командиров, Краснова направили в военное училище. В июле 1943 года он сообщал родным, что

получил звание лейтенанта. А потом командовал взводом.

При прорыве обороны противника в районе Синявино 7 октября 1943 года Краснов пал смертью храбрых. Боевые друзья похоронили командира в центре Ленинграда — в сквере у Дома Советов.

Павших не воскресить, но дело, за которое они боролись, бессмертно.

Шел 1942 год. В один из августовских дней бойцы местной противовоздушной обороны, стоявшие на страже неба над Вологдой, собрались в штабе. Обсуждался вопрос об усилении помощи фронту. В зале раздались аплодисменты, когда командир расчета лейтенант Адеянов предложил внести свои трудовые сбережения на постройку боевого самолета. По рукам пошел подписной лист. А на другой день командование штаба МПВО Вологды докладывало в горком и обком партии:

«В ответ на благородный почин тамбовских и саратовских колхозников о сборе средств на танковые колонны и эскадрильи самолетов бойцы и командиры подразделений местной противовоздушной обороны внесли наличными деньгами 28 тысяч рублей и облигаций на сумму 12 тысяч рублей.

Собранные средства мы вкладываем в самолет «Вологодский комсомолец», который желаем передать славному летчику, нашему земляку Игорю Каберову. Призываем последовать нашему примеру всех комсомольцев и молодежь города Вологды».

Бюро горкома ВЛКСМ 5 января 1943 года приняло решение одобрить инициативу бойцов МПВО о сборе средств на самолет «Вологодский комсомолец» и вручить его воспитаннику городской комсомольской организации, бывшему слесарю паровозовагоноремонтного завода, трижды орденоносцу Игорю Каберову. Закончить сбор средств к 10 января.

По инициативе секретаря горкома ВЛКСМ Валентины Дмитриевой в тот же день в цехе паровозовагоноремонтного завода провели комсомольское собрание. Немногословны были ораторы. Все понимали, на какие благородные цели пойдут трудовые сбережения.

В течение двух-трех дней комсомольцы завода соб-

рали 60 тысяч рублей. А 15 января 1943 года в газете «Красный Север» появилось обращение коллектива ВПВРЗ ко всем трудящимся области. Рабочие, инженерно-технические работники и служащие старейшего в городе предприятия бросили клич: построим авиасоединение «Героическому Ленинграду!» 21 января председатель горисполкома А. Н. Зародов и секретарь горкома партии А. В. Флегонтов послали в воинскую часть на имя Героя Советского Союза полковника Кондратьева телеграмму: «Трудящиеся Вологды развернули сбор средств на постройку авиасоединения в подарок героическому Ленинграду. Собрано более трех миллионов рублей. Сбор продолжается. В составе соединения будет самолет для вологжанина И. Каберова. О вручении самолета сообщим дополнительно. Желаем успеха в быстрейшем разгроме заклятого врага — немецких фашистов».

Командир эскадрильи Игорь Александрович Каберов спешил поблагодарить земляков за патриотические дела и поделиться радостными вестями. Невозможно

СТРОКИ

С ПЕРЕДОВОЙ

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Много подвигов родила Невская Дубровка. Пожалуй, не было бойца Ленинградского фронта, который бы не слышал о героях Невского «пяточка».

Вот что сообщалось в листовке политуправления Краснознаменного Балтийского

флота о ратном подвиге моряка, коммуниста, нашего земляка Якова Чугунова: «Если нужен пример поистине богатырского мужества в борьбе за честь Балтийского флота, достаточно назвать славное имя Якова Чугунова. Два дня его жизни содержат целую эпопею...»

без волнения читать письмо, посланное 28 января 1943 года Н. Н. Гуляеву — бывшему секретарю цеховой комсомольской организации, а во время войны начальнику штаба МПВО:

«Здравствуй, дорогой друг Коля! Я не могу тебе передать то чувство, которое охватило меня при известии, что мои родные земляки-воложане собирают средства на покупку мне самолета «Вологодский комсомолец». Письмо от отца, в котором сообщалось об этом, я прочел тут же летчикам. Произошел вроде маленький митинг...»

Летчик информировал друга и о своих боевых делах. В последние дни он сбил два немецких бомбардировщика. Всего в период прорыва блокады Ленинграда И. Каберов сбил шесть немецких самолетов.

Не ослабевало трудовое напряжение в тылу. На паровозовагоноремонтном заводе рабочие, выполняя оборонные заказы, сутками не выходили из цехов. О том, как жил коллектив в те дни, мы узнаем из письма комсомольцев прославленному летчику.

СТРОКИ

С ПЕРЕДОВОЙ

Мичман Чугунов 26 сентября 1942 года, командуя шлюпкой, перевозил десантников, оружие, боеприпасы на занятый противником берег. В течение дня был четырежды ранен, но продолжал исполнять собой воинский долг.

Шлюпку разбило вражеским снарядом. Мичман остался жив и сумел выбраться на берег, где уже шел бой. В пы-

лу сражения Чугунов сразу не почувствовал ни боли от ран, ни усталости. А когда потерял сознание, матросы перенесли его в блиндаж. Здесь находились тяжело раненные бойцы, ожидавшие эвакуации в тыл.

На рассвете послышался рев моторов и лязг гусениц. На позицию шли семь фашистских танков: два впереди, а пять сзади. За ними бежали

«Дорогой наш товарищ Игорь Каберов, — писали они 23 февраля 1943 года. — Собравшись сегодня, мы, комсомольцы и молодые рабочие, решили поделиться с тобой, боевой товарищ, своими успехами на трудовом фронте. На заводе — всюду молодежь. А как она трудится, с каким упорством выполняет срочные боевые заказы! Можешь надеяться на нас. Мы в тылу от тебя не отстанем...»

За самоотверженный труд коллективу нашего завода присуждено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Оборона».

Взволнованный такой новостью, Каберов тут же, в кабине самолета, достает планшет и пишет ответ:

«Дорогие друзья! С гордостью прочел ваше письмо... Шесть лет пробыл я на заводе. Вместе с ребятами из бригады ремонтировали паровозы. Это было всего четыре года назад. Теперь же я имею дело с другим «паровозом». Моя машина «ходит» там, где появляется крылатый хищник...»

Пилот писал о нерушимой крепости фронта и тыла, о людях большого и щедрого сердца. Вологжане послали на Ленинградский и Волховский фронты не одну дивизию, оказывали всемерную помощь осажден-

автоматчики в серо-зеленых мундирах.

«Спокойно, братцы, спокойно,—сказал мичман.—Вон сколько в траншее гранат. Вяжите их по три штуки...» Собравшись с силами, Чугунов первым выскочил в траншею. Танк был уже метрах в десяти. Схватив противотанковую гранату, мичман метнул ее. Танк загорелся. Еще бросок. Граната попала под гусеницы второго танка, который тоже окутался дымом и вспыхнул ярким пламенем.

Перебегая по траншее, Яков Чугунов подбил еще четыре вражеские машины. Связки гранат подносили раненые красноармейцы. Когда мичман бросил гранату в седьмой танк, вражеский снаряд врезался в бруствер окопа. Чугунов, почувствовав острую боль в груди, упал.

«Семь танков! В одном бою! Одному человеку! Кажется невероятным,—писал в книге «Матросские были» член Военного совета Краснознаменного Балтийского флота ви-

ному городу, спасли жизнь тысяч эвакуированных ленинградцев. Собирают деньги на постройку самолетов. Чем измерить величие этого подвига?

«Ваш труд на заводе тяжелый и героический, — говорится в письме летчика. — Но когда люди еще жертвуют ради нашей победы свои сбережения, это свидетельствует о замечательной гармонии в работе фронта и тыла, о прекрасных чувствах советских людей...»

Заключительные строки преисполнены глубокой благодарностью труженикам за помощь фронту, заверениями, что боевые машины попадут в надежные руки балтийских летчиков-истребителей.

После прорыва блокады Ленинграда авиаторы части, в которой служил И. Каберов, получили право на отдых. Да какой же на фронте отдых? Прибыло пополнение. Воспользовавшись временным затишьем, командир полка упорно тренировал новое пополнение.

...Стоял уже март. По-весеннему припекало солнце. С крыш постукивала веселая капель. Истребители,

СТРОКИ С ПЕРЕДОВОЙ

це-адмирал Н. К. Смирнов. — Но было именно так».

Чугунова считали погибшим. Но Яков Тимофеевич выжил. По возвращении из госпиталя ему вручили орден Ленина. Легендарный мичман вернулся к мирному труду.

Сейчас герой Невской Дубровки живет в Ленинграде, на Петроградской стороне.

В 1967 году Чугунов побывал на Невском «пяточке» на встрече ветеранов. Посетил он и свою родину — Устюжну, рассказывал землякам о битве на Неве. В Устюженском краеведческом музее хранятся документы о его ратном подвиге.

построенные на средства вологжан, стали прибывать под Ленинград. В это время в полк на имя И. А. Каберова пришло письмо от отца.

«Здравствуй, наш дорогой Игорь, — обращался Александр Гаврилович к сыну. — Ты пишешь, что узнал о сборе средств на постройку самолетов авиасоединения «Героическому Ленинграду». У нас об этом было объявлено по радио. Каждый стремился внести свою долю на краснозвездные ястребки. Сейчас собранная сумма достигла тридцати пяти миллионов рублей. На наши деньги будет построено не менее ста самолетов. На этих самолетах еще крепче бейте фашистских стервятников. Бейте гадов по-нашему, по-русски, в хвост и в гриву».

В собранных денежных средствах нашли выраженные сплоченность вологжан, их любовь к Родине, вера в победу. Пилоты поздравляли капитана Каберова: «Хорошие у вас земляки, Игорь Александрович. Солидный вклад внесли в дело разгрома врага!»

Одной из первых покинула тыловую базу эскадрилья капитана Каберова. Впереди — ожесточенные схватки с врагом. Вот как Игорь Александрович описывает один из боев в те памятные дни:

«Самолет шел над водой. Приближаясь к аэродрому, я увидел над ним четверку Мс-109. Они уже пикировали, пытаясь атаковать стоявшие на площадке самолеты. Я помешал им, и «мессершмитты» стали набирать высоту. Потом два из них пошли на меня, а два опять попытались нанести удар по нашим самолетам. Завязался бой.

В удобный момент я открыл огонь по одному из вражеских истребителей, и он, задымив, ушел к земле. Между тем в воздух поднялось звено ЯК-1, и три остальных «мессершмитта» поспешили на свой аэродром...»

Как выяснилось, подбитый «мессершмитт» рухнул в море. Это был 28-й фашистский стервятник, сбитый капитаном Каберовым. Указом Президиума Верховного

Совета СССР от 24 июля 1943 года отважному пилоту было присвоено звание Героя Советского Союза. Золотую Звезду и второй орден Ленина вручал ему член Военного совета Краснознаменного Балтийского флота, тоже вологжанин, Н. К. Смирнов. Поздравляя Игоря Александровича с высокой наградой, он сказал: «Молодец, гвардеец. Вижу, не зря тебе земляки подарили самолет...»

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

Прибыв в Волгоград с группой туристов, я поспешил к Мамаеву кургану.

В молчании поднимаемся по гранитным ступеням к вершине холма. Вдруг тишину теплого майского дня нарушил вой снарядов и свист пуль. Послышались голоса приказов... Это ожили записанные на магнитофонную пленку минуты военной поры. Стены-руины повели рассказ о героической летописи сталинградцев: «За Волгой для нас земли нет! Каждый дом — это крепость».

Вот и вершина кургана, увенчанная скульптурой Родины-Матери. Пятидесятидвухметровая фигура женщины, поднявшей в правой руке карающий меч. Вершина мемориала — святая святых Мамаева кургана. Здесь похоронены защитники Сталинграда. Вдоль зеленого газона — надгробные плиты, утопающие в цветах. Вчитываюсь в надписи. Около одной задерживаюсь дольше: «Герой Советского Союза лейтенант Иван Прокопьевич Малоземов». Знакомая фамилия. Я даже не сразу понял, что это наш земляк, воин из Белозерска.

Потом мы отправились к Волге, туда, где в дни Сталинградской битвы советские бойцы держали оборону. Миновав развалины старой мельницы, увидели установленные на постаментах вдоль реки серебристые танки. Они, словно вехи, обозначали рубеж, на котором был остановлен враг. В некоторых местах линия обороны почти вплотную подходила к реке. Гитлеровцев отделяли от цели триста-четырееста метров.

Но на пути врага встала непреодолимая преграда — стойкость и мужество советских воинов. Среди них был и Иван Малоземов. Гвардеец танкист на подсту-

пах к городу-герою покрыл свое имя неувядаемой славой.

...Судьба не баловала мальчугана. Рано умер отец, а в семье было еще трое детей. Ваня уже после окончания четырех классов стал работать подручным кузнеца. Затем экстерном сдал экзамены за пять классов. В 1930 году поступил в десятый класс средней школы № 2 Белозерска. Потом призыв в армию. В январе 1942 года после окончания танковой школы лейтенант Малоземов стал командиром взвода гвардейской танковой части.

Обычная биография... Мне вспомнилась надпись над приспущенными знаменами в зале воинской славы на Мамаевом кургане: «Да, мы были простыми смертными, и мало кто уцелел из нас, но все мы выполнили свой патриотический долг перед священной матерью Родиной!»

В экспозиции Волгоградского музея обороны есть наградной лист, где сообщается: «Тов. Малоземов личным примером увлекал всех в бою. Его подразделение при прорыве первой оборонительной линии противника в районе Казачий Курган, затем второй линии и в районе Сталинграда уничтожило 12 танков, 71 орудие, в том числе восемь зенитных, девять самоходных, а также 37 пулеметных гнезд, 62 блиндажа, 1300 фашистов».

Гвардейский танковый полк, в составе которого сражался Малоземов, прошел большой и славный путь. Трижды раненный, молодой офицер каждый раз возвращался в строй. Под Сталинград он попал уже опытным командиром. Здесь танковый взвод Малоземова участвовал в окружении вражеской группировки.

Бои за Сталинград подходили к концу. Получив приказ, Малоземов повел свою «тридцатьчетверку» в атаку. Это сражение оказалось для него последним.

В книге «Вологжане — Герои Советского Союза» (изд. 2-е, 1970) так описывался подвиг нашего земляка:

«...Враг наседал. Сквозь дым пожарищ, взметнувшуюся в воздух от взрывов снарядов землю было видно, как из-за угла соседней улицы один за другим выползали фашистские танки с крестами на бортах. Они делали короткие остановки, стреляли и вновь продолжали продвигаться на замаскированную в одном из дворов советскую «тридцатьчетверку».

— Бронебойным заряжай! — подал очередную команду лейтенант Малоземов и прильнул к прицелу.

Когда головной фашистский танк поравнялся с намеченным ориентиром, командир взвода нажал на спуск. Ствол резко дернулся назад и быстро сполз в первоначальное положение. Вражеская машина вспыхнула.

— Бронебойным заряжай!

Малоземов спокойно поймал в прицел крест на борту второго танка и опять нажал на спуск. И этот, подымив, окутался огненно-рыжим пламенем. Враги, видя, что им не пройти, начали отступать.

— Вперед! — скомандовал Малоземов механику-водителю.

Экипаж быстро сменил огневую позицию. Командир поставил свою машину так, что из-за кучи кирпича виднелась только одна башня.

Он знал, что враг ползет вновь с отчаянием обреченного, и не ошибся. Подпустив опять головную машину на верный выстрел, лейтенант поймал ее борт в прицел...

Горело уже пять немецких танков. Но и враг обнаружил советский экипаж. Снаряды со свистом пронеслись над «тридцатьчетверкой», крошили развали-

ны домов, поднимая тучи пыли. Видимость стала плохой. Вдруг машина вздрогнула. Командир ощутил резкий удар в плечо. В башенное отделение потекли струйки дыма...

— Заря! Заря! Я — Орел... Как меня слышите? Доложите обстановку. Прием...

— Горим. Продвигаемся вперед! — задыхаясь в дыму, крикнул Малоземов и отстегнул ларингофон. — Бронебойным!»

Иван Прокопьевич Малоземов не увидел победного красного знамени над освобожденным Сталинградом. 31 января 1943 года он скончался в госпитале, не дожив трех дней до окончания великой битвы. Боевые друзья похоронили командира с воинскими почестями в городском парке, на берегу Волги.

Спустя несколько лет могилу воина перенесли на Мамаев курган.

Ратные подвиги Ивана Малоземова отмечены орденами Ленина, Отечественной войны I степени, Боевого Красного Знамени и Красной Звезды. И все это в течение одного года.

Мы стоим возле надгробной плиты, обнажив головы. На память приходят слова из широко известного стихотворения Сергея Орлова — поэта, опаленного огнем войны, родом тоже из Белозерья:

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

Спит солдат. Не раз выростала трава вокруг мраморной плиты, распускались цветы. Много дождей прошумело над ним. Выпадал и таял снег. Но время бессильно перед памятью героя.

В Белозерске, на родине Малоземова, по инициати-

ве комсомольцев и пионеров открыт памятник прославленному земляку. Скульптор А. В. Щепелкин хорошо передал его решительность, непоколебимую стойкость в битве с врагом.

Иван Малоземов шагнул в огонь сражений Великой Отечественной со школьной скамьи. А теперь он вернулся в родной город. Вернулся, чтобы своим подвигом служить примером молодежи.

КРЫЛАТЫЙ БОГАТЫРЬ

Вы просите назвать самого храброго воздушного бойца? Ну что ж, назову. Мой боевой друг Александр Клубов. Парень из Кубено-Озерья. Есть такое село под Вологдой...

Из беседы трижды Героя Советского Союза маршала авиации А. И. Покрышкина с молодыми пилотами

На круглом постаменте из розового гранита — бюст прославленного летчика Александра Федоровича Клубова. Волевое, мужественное лицо. На груди две Золотые Звезды и другие знаки воинской доблести.

На постаменте начертан Указ Президиума Верховного Совета СССР: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, дающее право на получение звания Героя Советского Союза, наградить Героя Советского Союза гвардии капитана Клубова Александра Федоровича второй медалью «Золотая Звезда»...»

Памятник А. Ф. Клубову в селе Кубенском открыт 5 ноября 1949 года, в канун 32-й годовщины Великого Октября. На митинге собрались однополчане и земляки пилота. Они говорили о том, что Александр Федорович любил жизнь и прожил ее как герой. Застыв в почетном карауле, пионеры дали торжественное обещание быть такими, как Клубов.

О мастере воздушных атак Александре Клубове написаны книги. Вот скупые строки из его биографии.

Саша Клубов родился 18 января 1918 года в небольшой деревне Еруново Кубено-Озерского района. Отец его, крестьянин-бедняк, служил на крейсере «Аврора», боролся за установление Советской власти в своей волости. Кулаки возненавидели сельского акти-

виста и, устроив засаду, убили его. Саше было в ту пору три года.

По окончании семилетки деревенский паренек поехал в гости к родным в Ленинград, да там и остался. В то время при крупных промышленных предприятиях создавались школы фабрично-заводского ученичества. Саша решил стать металлистом. Школу ФЗУ окончил с отличием и начал работать на карбюраторном заводе токарем. В цехе его хвалили.

В то время кумирами молодежи были летчики. Клубов поступил в планерный кружок. Там приобрелся к авиации и впервые сел на маленький самолет У-2.

В 1937 году Александр Клубов по комсомольской путевке был принят в военное авиационное училище. Знания, полученные в аэроклубе, помогли в короткий срок войти в курс армейской жизни, освоить несколько типов боевых самолетов, стать летчиком-истребителем. В характеристике командования училища отмечались высокие качества курсанта: «Дисциплинирован на земле и в воздухе. В полетах вынослив. Наставления знает хорошо. Трудолюбив. К материальной части относится бережно, знает ее хорошо и грамотно эксплуатирует».

По окончании училища в октябре 1940 года младшего лейтенанта Клубова направили для дальнейшей службы в Закавказье. Снова занятия. Молодые пилоты совершали полеты в сложных метеорологических условиях, производили разведку и штурм перевалов, разыгрывали воздушные бои.

Наступил июнь 1941 года. Фронт был еще далеко, но летчики постоянно находились в боевой готовности, круглые сутки патрулировали вдоль воздушной полосы. 28 июля полк вылетел на боевое задание.

Александр Клубову особенно запомнился первый бой. По сигналу с командного пункта поднялась шес-

терка советских истребителей. Набрав высоту, они направились в указанный район. Из-за облаков неожиданно показалось восемь немецких бомбардировщиков. Командир полка, участник боев на Халхин-Голе, лично возглавлявший группу, подал команду: «В атаку!» Обойдя гору, истребители внезапно ударили по врагу сзади. Впереди — сам командир. Подойдя на короткую дистанцию к «юнкерсам», первой же очередью он сразил ведущего.

Фашистские стервятники заметались, начали поспешно освобождаться от бомбового груза и, видимо, рассчитывали скрыться. Клубов бросился на перехват бомбардировщиков. Сделав крутой разворот, нажал на гашетку. Огненные струи прошли «юнкерс». Охваченный пламенем, он закружился в штопоре и камнем рухнул вниз. Второй бомбардировщик отвернул в сторону. Клубов прицелился, но дал промах.

Преследуемый советским истребителем, фашист маневрировал, хитрил, пытался уклониться от боя. Тогда Клубов решил обойти его и ударить в лоб. На предельной скорости он повел ястребок вперед, вверх и развернулся. В это время произошло совершенно неожиданное — пилот «юнкерса» сделал крутой разворот и врезался в скалу.

Когда Клубов посадил изрешеченный пулями самолет на аэродром, навстречу ему уже бежали товарищи. Они поздравляли летчика с первой победой. А тот, усталый и возбужденный, говорил: «Не так страшен, черт, как его малюют. Душонка у фрицев трусливая. Видели, как стервятник влетел в каменный склеп?»

Первый успех окрылил молодого летчика. Вскоре на его счету появилось еще несколько вражеских самолетов. За отвагу и мужество Александр Клубов был награжден орденом Боевого Красного Знамени, а затем орденом Отечественной войны I степени. За ним прочно закрепилась слава воздушного аса. Гитлеровцы

хорошо знали краснозвездный ястребок этого пилота. Стоило ему подняться в небо, и немцы начинали передавать по радио предупреждение, что в воздухе — Клубов!

В мае 1943 года Клубова назначили командиром эскадрильи в гвардейский полк Героя Советского Союза Александра Покрышкина. Между летчиками-истребителями, имевшими на боевом счету десятки боевых вылетов, завязалась крепкая дружба. Нередко они вместе во главе штурмовых групп вылетали то на патрулирование, то на разведку, то на прикрытие важных стратегических узлов. Каждый полет обычно заканчивался боем — то коротким, то, наоборот, длительным и ожесточенным. Боевые друзья, с полуслова понимавшие друг друга, отрабатывали формулу воздушных сражений.

Большой успех сопутствовал Клубову в боях на Северном Кавказе. В конце августа 1943 года летчики-гвардейцы получили приказ преградить путь фашистским бомбардировщикам к переднему краю. Скоростные машины взмыли в воздух. Но вот с юго-запада показались «Юнкерсы-87» в сопровождении «Мессершмиттов-109». Сколько их — трудно сосчитать.

При первой же атаке шестерки советских истребителей строй бомбардировщиков раскололся. Клубов увязался за ведущим «юнкерсом» и дал по нему длинную очередь. Фашист начал ответную стрельбу. Казалось, машины вот-вот столкнутся. Но советский летчик знал, что этого не произойдет. Немцы не терпели тарана. Мгновенно оценив обстановку, Клубов спикировал и сразу дал очередь по врагу. «Юнкерс» начал падать, а ястребок снова пошел в атаку. Вот уже и второй бомбардировщик, задымившись, рухнул на землю...

В последующие дни Александр сбил еще четыре вражеских самолета. Командир полка поздравил летчика с успехом: «Хватка у тебя геройская. Значит,

и быть тебе героем». А летчик, анализируя, как всегда, результаты боя, записал в своем дневнике: «...Немцев было больше, но на стороне наших летчиков мастерство и стойкость. Пользуясь известной формулой воздушного боя, мы завладели высотой, на большой скорости налетели на вражеские самолеты и с близкой дистанции открыли по ним прицельный огонь».

За три месяца боев в составе гвардейского авиационного полка, которым командовал А. И. Покрышкин, Клубов участвовал в 28 воздушных операциях и сбил десять самолетов. Он был удостоен еще двух наград — орденов Боевого Красного Знамени и Александра Невского. А 14 апреля 1944 года газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Александру Федоровичу Клубову звания Героя Советского Союза.

Порой считают, будто летчику нужны только смелость и хладнокровие. Но бой требует прежде всего мысли и душевной окрыленности. Совершенствуя летное мастерство, Клубов вносил в каждый поединок с врагом что-то свое, новое. Именно он положил начало высотному перехвату самолетов противника, который в конце войны широко применяли советские летчики. «В Клубове жила настоящая душа истребителя,— писал впоследствии о своем друге А. И. Покрышкин.— Меня радовала его манера драться. Он всегда искал боя...»

В последующих сражениях советский ас приумножил боевой счет. Прикрывая наземные войска, он громил врага на Украине и Кубани, в Крыму и Молдавии, а затем — в Румынии и Венгрии.

Особенно тяжелые бои пришлось на долю летчиков-гвардейцев летом 1944 года под Яссами и на Висле. Немецкое командование, создав несколько «кочующих» эскадрилий, перебрасывало их с одного участка фронта на другой... Смысл этих нововведений со-

стоял в том, чтобы вырвать у советских войск инициативу и стать хозяевами положения.

Разгадав замысел врага, советская авиация навязывала противнику непрерывные бои. В этот период хорошо раскрылся талант Александра Клубова. Используя до предела боевые возможности истребителя, он только за пять дней уничтожил над Яссами десять и подбил три вражеских самолета. Недаром отважного летчика стали называть героем ясского неба.

На высоту боевых полетов Клубова поднимали сотни заботливых рук. То были рабочие карбюраторного завода «Большевик», где он начинал свой разбег, потом — преподаватели авиационного училища и боевые друзья. Теплоту их сердец Александр ощущал всегда. «На друзей и наставников мне везло, — говорил Александр Федорович. — В одном строю со мной сражались такие рыцари неба, что драться плохо было просто невозможно. Да и воспитывали меня люди храбрые, мудрые, многоопытные. Взять хотя бы Покрышкина. Именно у него я научился науке побеждать».

Учитель тоже тепло отзывался о своем ученике и верил в него. Они были хорошими боевыми друзьями. В совместном полете с Покрышкиным Клубов сбил юбилейный самолет — пятидесятый.

Александр Клубову не довелось дожить до дня Победы. Он погиб 1 ноября 1944 года, выполняя специальное задание командования. В расцвете творческих сил оборвалась жизнь героя. В полку тяжело переживали гибель отважного пилота. «В моей жизни Клубов занимал так много места, я так его любил, что никто из самых лучших друзей не мог возместить этой утраты, — писал А. И. Покрышкин в книге «Небо войны». — Он был беззаветно предан Родине, авиации, дружбе — умный и прямой в суждениях, горячий в споре и тонкий в опасном деле войны».

Останки героя похоронены на Горе Славы в городе Львове, в освобождении которого он участвовал. Спустя некоторое время Президиум Верховного Совета СССР посмертно наградил гвардии капитана А. Ф. Клубова второй медалью «Золотая Звезда».

Журналисты времен войны часто называли Клубова крылатым богатырем. И в этом не было преувеличения. Воздушный боец из Кубено-Озерья по стойкости и отваге сродни русским былинным богатырям.

ИСТОРИЯ ДВУХ ПИСЕМ

Передо мной два письма, которые повествуют о нерушимой связи фронта и тыла. Первое написано в 1943 году матросами линкора «Октябрьская революция» и адресовано комсомольцам Вологодской области, а второе — ответ обкома ВЛКСМ морякам-балтийцам.

В годы Великой Отечественной войны корабль «Октябрьская революция» не раз доказывал, что достоин носить это имя. Он первым открыл огонь по фашистам, рвавшимся в Ленинград.

Когда бои шли на ближних подступах к городу, матросы нередко высаживались на берег и, сражаясь плечом к плечу с пехотинцами, проявляли невиданную храбрость. Вот почему гитлеровцы стремились вывести линкор из строя. Над этой плавучей крепостью иногда кружило 20—25 фашистских штурмовиков и тяжелых бомбардировщиков. На корабль было сброшено более трехсот бомб.

Когда линкор стоял на якоре в устье Невы и готовился к прорыву блокадного кольца, на его палубу поднялась делегация комсомольцев и молодежи Вологодской области во главе с секретарем обкома ВЛКСМ Зиновием Сухановым. Вологжане, преодолев нелегкий путь по «Дороге жизни», доставили на корабль продовольствие и подарки.

Краснофлотцы тепло приняли гостей. Стихийно возник митинг. Тут же составили текст письма к вологжанам.

«Дорогие товарищи! — писали моряки. — Комсомольцы линкора «Октябрьская революция» обращаются к вам со словами боевого балтийского приветя.

Ваши делегаты, гостившие в Ленинграде, рассказывали нам о напряженной, самоотверженной работе комсомольцев в тылу.

Боевые успехи Красной Армии и Военно-Морского Флота на фронте борьбы с немецкими захватчиками — это и ваши успехи.

Мы уверены, что комсомольцы-вологжане будут и впредь так же замечательно работать, давая фронту все больше оружия, боеприпасов, продовольствия.

Комсомольцы линкора «Октябрьская революция» напряженно готовятся к решающим боям за Ленинград, за полное очищение нашей Родины от фашистской нечисти. В этих боях мы, опираясь на могучую поддержку трудящихся советского тыла, будем драться по-балтийски, не жалея жизни, до полной победы над ненавистным врагом».

Письмо труженикам тыла с боевого корабля... Во время войны не такое уж редкое явление. Но ведь оно писалось в то время, когда у ленинградцев даже связи с Большой землей почти не было.

Обращаясь к вологжанам, моряки-балтийцы думали только об одном — общими усилиями быстрее разгромить врага.

Письмо краснофлотцев было передано по Вологодскому радио и опубликовано в районных газетах. Оно вдохновляло молодежь на новые трудовые успехи. Обком ВЛКСМ от имени комсомольцев и молодежи обратился к морякам-балтийцам:

«...Дорогие защитники морских рубежей! — говорилось в письме. — Мы от всего сердца гордимся вами, вместе с вами живем сейчас одной мыслью — быстрее разгромить фашистов. С нетерпением ждем того дня, когда по всему миру разнесется весть об окончательном разгроме Гитлера. Этот день недалек!

Вы, боевые товарищи, сильнее бейте фашистов в море, а мы здесь, в тылу, своей самоотверженной работой будем помогать вам приближать час победы над врагом. Комсомольцы и молодежь Вологодской области в долгу не останутся. В этом будьте уверены, товарищи!

Пишите нам о своих боевых подвигах, о том, как воюют наши сверстники комсомольцы. Мы будем сообщать вам о трудовых успехах комсомольцев и молодежи на фабриках, заводах и в колхозах...»

Что можно добавить к истории этих писем? По флотскому обычаю корабли не умирают, они «подают в отставку». Так старый линкор, отслужив свой срок, четверть века назад отдал свою вахту более мощному кораблю — крейсеру. На его борту золотыми буквами начертано имя «Октябрьская революция», и над кормой гордо развевается флаг советского Военно-Морского Флота.

ОТЛЕТАЛСЯ, КОРШУН...

В конце 1942 года на площади Революции г. Вологды был выставлен для всеобщего обозрения обгоревший фашистский самолет, к которому прикрепили дощечку с надписью: «Пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-88». Сбит политруком А. Н. Годовиковым в районе станции Н. Северной железной дороги».

Немецкое командование многократно пыталось парализовать Вологодский железнодорожный узел и помешать продвижению поездов к фронту. Над Вологдой и ближайшими станциями нередко появлялись фашистские самолеты. Как сообщалось в «Вестнике противовоздушной обороны», только в августе—ноябре 1941 года на железнодорожные объекты в пределах области было совершено свыше двухсот налетов и сброшено 1500 бомб крупного калибра.

Старожилы Вологды помнят, что воздушные тревоги объявляли иногда по нескольку раз в сутки. Жители, в основном матери с детьми и бабушки с внуками, прятались в бомбоубежищах, в вырытых на бульварах и огородах траншеях. Рабочие же продолжали трудиться на производстве.

На дальних подступах к городу фашистских стервятников встречал огонь наших краснозвездных ястребков. Гитлеровцам редко удавалось сбросить бомбы в цель. Всего над вологодской землей было сбито более пятнадцати вражеских самолетов. Один из них и появился на городской площади. Кто-то дегтем вывел на его фюзеляже крупными буквами: «Отлетался, коршун. Больше не будет!» Это был приговор фашизму.

ПОБЕДИВШЕМУ ФАШИСТСКИЙ «ТИГР»

Ты будешь вечно стоять здесь, проклятое стальное чудовище, поверженное в прах воином русской земли Анатолием Угловским.

Надпись на фашистском танке, установленном на Суражском шоссе вблизи Витебска

Весной 1944 года в тридцати километрах от Витебска на обочине Суражского шоссе, там, где еще недавно гремели бои, был открыт памятник нашему земляку Герою Советского Союза Анатолию Угловскому. Сама история определила место этому памятнику. Именно здесь, на подступах к деревне Холудной, Анатолий Угловский вступил в единоборство с фашистским танком.

Товарищи по оружию соорудили над его могилой бетонную пирамиду и увенчали ее звездой. С вмонтированного под звездой портрета смотрит совсем еще юный боец в ушанке, с погонями на плечах. В то время ему исполнилось только двадцать.

Уходя дальше, на запад, бойцы установили по соседству с пирамидой подбитый танк и прикрепили к броне металлическую пластинку с памятной надписью.

Кто бы ни прошел, кто бы ни проехал по шоссе, каждый остановится, подойдет к памятнику воину-освободителю и положит к подножию пирамиды полевой цветок. До сих пор стоит на угоре и тот подбитый «тигр». Он стал не только музейным экспонатом, но и грозным предупреждением тем, кто сегодня стремится развязать новую войну.

Анатолий Угловский сражался на Черной речке под Синявино, на подступах к Невелю, под Великими Луками, на Духовщине. Был дважды ранен. После выздоровления прибыл в Рипшевскую дивизию. Бывало-

го солдата зачислили бронбойщиком в отдельный истребительный противотанковый дивизион. В первых же боях он показал себя храбрым воином. Командир взвода лейтенант Федчун не раз хвалил его: «Молодец, гвардеец. Отлично стреляешь...»

На рассвете 20 декабря 1943 года завязался упорный бой на подступах к деревне Холудной. Это был последний узел сопротивления врага перед Суражским шоссе. Фашисты подтянули в район боевых действий свежие силы.

Когда наши бойцы поднялись в атаку, навстречу им двинулись семь тяжелых танков «тигр». Под прикрытием машин бежали автоматчики. По всему полю рвались мины и снаряды, свистели пули. Прижатые плотным огнем, наши бойцы залегли.

Фашистские танки, стреляя из пушек и пулеметов, шли вперед. Угловский и его товарищи открыли огонь из противотанковых ружей. Вскоре два танка задыми-

СТРОКИ С ПЕРЕДОВОЙ

ПОДВИГ НА ДНЕПРЕ

Было это в сентябре 1943 года. Советские войска, нанеся по врагу сокрушительный удар на Курской дуге, продвигались на запад. Впереди был Днепр.

Батальон, которым командовал старший лейтенант Пищулин, получил боевое задание форсировать реку. Комбат решил вначале перебросить на правый берег небольшую

группу бойцов. Расчет был таков. Десантники вызовут панику в стане противника и отвлекут огонь на себя. В это время начнут переправу основные силы.

Командир роты лейтенант Синашкин, которому поручалось снарядить десантников, обратился к личному составу подразделения: «Кто хочет первым переправиться через

ли. Чтобы приостановить продвижение фашистов, в бой вступили артиллеристы. Подбит еще один танк. А два других, попав под фланговый огонь, повернули обратно. Гитлеровцы бросились врассыпную.

Два танка, продолжая двигаться вперед, устремились прямо на окоп, из которого отстреливался Угловский. Его напарник ефрейтор Ерофеев был тяжело ранен. На подмогу к Угловскому подоспел командир отделения Петр Гогинов. «Держись,— крикнул он.— Танки не должны пройти...»

Угловский и сам понимал, что нужно их остановить, но ведь лобовая броня «тигров» неуязвима. И вдруг Анатолий заметил в нише окопчика несколько противотанковых гранат. Мгновенно созрело решение. Передавая ружье Гогинову, он сказал: «Прикрой. А я угощу его гранатами...»

Гогинов посылал пулю за пулей в танк, чтобы отвлечь внимание гитлеровцев на себя. Стальное чудови-

Днепр — шаг вперед!» Весь строй сделал шаг вперед. Но требовалось только четверо, и командир приказал выйти из строя Николаю Петухову, Василию Иванову, Ивану Семенову и Василию Сысолятину.

День клонился к вечеру. Тяжело была артиллерия. Бойцы пристально всматривались в синеву необъятных днепровских вод. Переправляться решили на плоту. Старшим группы назначили Петухова. С виду неприметный боец, но уже побывал во многих фронтовых переплетах. На такого можно положить. Еще раз проверили

снаряжение — автоматы, запасные диски да гранаты.

Наскоро сколоченный плот стоял в укрытии под ракитовым кустом. Томительные минуты ожидания. К берегу приближалась какая-то лодка. «Похоже, что свои,— высказал предположение Петухов.— Не иначе как посыльный от партизан...»

Да, это был партизан, и когда он узнал, что бойцы собираются переправляться через Днепр, предложил: «Садитесь в мою лодку. Я реку, как большую дорогу, знаю. Доставлю в надежное место...» Друзья переглянулись: гитле-

ще двигалось прямо на окоп. Угловский метнул гранату под его днище. Раздался мощный взрыв. «Тигр» вздрогнул, но продолжал идти. Отскочив в сторону, бронбойщик метнул вторую гранату, а сам упал в кювет у дороги. Снова взрыв. Сползая с гусеницы, танк зарылся катками в землю и окутался черным дымом.

Угловский вскочил и, взмахнув автоматом, крикнул: «За Родину! Вперед!» Открытое поле, лежащее перед высотой, занятой врагом, казалось, задрожало от могучего ура. Вражеская контратака была отбита.

Анатолий Угловский, победивший в неравном поединке фашистский «тигр» и первым ринувшийся в атаку, пал в этом бою.

Когда отгремела война, на родине героя, в городе Великий Устюг, во дворе профессионально-технического училища № 3, где Анатолий учился, был воздвигнут памятник. Автор скульптуры П. А. Чистиков, сам

СТРОКИ

С ПЕРЕДОВОЙ

ровцы нередко засылали лазутчиков. Увидев их сомнение, партизан сказал: «Я же с вами буду, в любой момент можете меня прикокнуть...»

Бойцы прыгнули в лодку. Суденышко, как щепку, подбрасывало на волнах. Налегая на весла, партизан правил к островку, заросшему камышом... Вокруг тишина. Может, немцы нарочно подпускают поближе!

Обогнув островок, лодка бесшумно проскользнула через

протоку. Под днищем зашуршал песок. Петухов, первым выскочив из лодки, бросился в прибрежные кусты. Маскируясь в зарослях ивняка, бойцы вскарабкались на крутой откос. Потом залегли. Было видно, что фашисты не подозревали об опасности.

Вдруг над вражескими позициями загремели взрывы гранат. Гитлеровцы начали отстреливаться. Завязался бой. В течение получаса четверо храбрецов сдерживали натиск

участник войны, сумел создать выразительный образ солдата. В правой поднятой вверх руке крепко сжат автомат, в левой — граната. Во всем облике бойца решимость и отвага.

Говорят, героями не рождаются. Героев делает сама жизнь. Путь Анатолия Угловского был прям и ясен. Родился в крестьянской семье, где все смолоду любили работать. По окончании семилетки поступил в ремесленное училище. Совмещая учебу с занятиями всеобуча, приобрел специальность бронебойщика. Молодого рабочего направили на завод. Но шла война, и вскоре комсомолец Угловский попал на фронт... Когда на поле боя сложились чрезвычайные обстоятельства, гвардии рядовой сознательно пошел на самопожертвование. Анатолий не думал о славе, он думал о том, как уничтожить врага и победить. Потому-то имя его бессмертно.

врага. А тем временем наши войска почти без потерь переправились через реку.

Неожиданно с холма застрочил пулемет. Петухов, плотно прижимаясь к земле, по-пластунски пополз к огневой точке и метким выстрелом уложил фашиста. Пулемет замолчал. Увлекая за собой товарищей, Николай ринулся к вражеским траншеям, но, подкошенный пулей, рухнул на землю. Он был первым, кто вступил на правый берег Днепра. Об этом сообщал в Верховажский райком ВЛКСМ командующий войсками Н. Ф. Ватутин. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 но-

ября 1943 года воину из Верховажья было присвоено звание Героя Советского Союза.

Похоронен Н. Е. Петухов на крутом берегу Днепра, вблизи села Григоровки, там, где он пал смертью храбрых. На родине юного героя, в Верховажье, воздвигнут памятник. С какой бы стороны вы ни приближались к центру села, отовсюду виден солдат, сжимающий в руках автомат. Воин-победитель словно застыл в броске перед атакой. Таким его запомнили однополчане. Таким его изваяли скульпторы Т. и Г. Контаревы. Таким он будет вечно стоять здесь, на сельской площади.

К памятнику юному герою приходят матери, не дождавшиеся с войны сыновей, бывшие солдаты, грудь которых украшают ордена, молодежь. Всем он дорог. Как сын, как брат, как друг, который сохранил им жизнь.

Первая учительница Угловского Екатерина Николаевна Забелинская вспоминала, что Толя очень любил стихи. Однажды на пионерском сборе он прочитал «Песню о Соколе»... На открытой поляне горел костер. Высоко в небе мерцали звезды. А мальчишка, еще не ведая, какие испытания выпадут на его долю, декламировал: «Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету! Безумству храбрых поем мы песню!..»

Теперь эти стихи читают другие ребята. Может, и они мечтают о подвиге...

ХРАБРЕЙШИЙ ИЗ ХРАБРЫХ

Самых сильных, самых дерзких отбирают обычно в разведчики. Таким в партизанском отряде Ковпака был боец Дмитрий Черемушкин. О нем писал П. Вершигора в книге «Люди с чистой совестью»: «Митя Черемушкин — разведчик ас. Вологодский охотник. Еще с детства развитая способность выслеживания как бы определила его место разведчика на войне. Он и на марше ходил осторожной, охотничьей поступью и, пригнувшись к дороге, зорко всматривался своими озорными глазами в темноту».

Дмитрий Черемушкин совершил столько блестящих разведок, что его знал весь партизанский край. Бывало, дадут партизану задание добыть языка. Прихватив двух-трех бойцов, он исчезал в ночной мгле и к утру возвращался с «добычей». Боевые друзья дивились:

— Как ты уволок такого фрица? Ведь кругом часовые...

— А этот сам на посту стоял, — отшучивался Черемушкин. — Да зазевался...

Однажды он привел к штабу целый взвод гитлеровцев. Навстречу вышел сам Ковпак.

— Что это они у тебя за штаны держатся? — обратился командир к разведчику. — Животы болят, что ли?

— Да нет... Когда мы их окружили и заставили побросать в кучу автоматы, я тут же приказал срезать у брюк пуговицы. Чтоб не убегли...

Все от души посмеялись. А Ковпак за эту операцию представил бойца к ордену.

К сожалению, мы слишком мало знаем о боевых эпизодах из жизни героя-разведчика. В Вологодском краеведческом музее, разбирая документы, я обнаружил несколько писем со штемпелем полевой почты,

которые адресовались в деревню Поповское Чебсарского района. Здесь проживали родители партизана Петр Архипович и Ульяна Родионовна. Все четыре их сына воевали.

До войны Дмитрий Петрович, окончив курсы трактористов, работал в Чебсарской МТС. Как вспоминает его первый наставник, бывший бригадир тракторной бригады Е. Я. Смирнов, Митя трудился на совесть, когда требовалось, сутками не уезжал с поля. Ему был доверен первый ЧТЗ, поступивший в район.

В предвоенном году Дмитрия Черемушкина призвали в Красную Армию и направили на западную границу. Когда началась война, в одном из первых боев он был ранен. 27 августа 1941 года Дмитрий общал родным, что выписался из госпиталя и снова отправляется на фронт.

Черемушкину довелось участвовать во многих сражениях. Не раз ходил в разведку. А каждая вылазка в тыл противника — это риск и неизвестность, смелость и решительность. Требуется выдержка.

СТРОКИ

С ПЕРЕДОВОЙ

ЗНАМЕНОСЕЦ АНАТОЛИЙ ШАГАЛОВ

В Центральном музее Вооруженных Сил СССР как одна из боевых реликвий хранится простреленное и опаленное огнем войны знамя 403-го стрелкового полка 145-й Краснознаменной Витебской дивизии. На алом полотнище видны потемневшие пятна крови

юного знаменосца Анатолия Шагалова.

Биография героя очень коротка. Родился Анатолий Валерьянович Шагалов в 1924 году в деревне Мотовилихе Вожегодского района в семье железнодорожника. Окончил школу ФЗО. Потом работал

Однажды командир разведроты капитан Киселев дал задание найти расположение резервных частей противника. Группа во главе с Черемушкиным трое суток пробиралась по тылам врага. Спали по очереди то в стогу сена, то в заброшенной избушке, то в зарослях ивняка.

В один из дней разведчики шли вдоль ручья и вдруг услышали звуки губной гармошки. Вскоре из-за поворота показалась полевая кухня. Когда повозка проехала мимо разведчиков, они направились вслед за ней. Шли осторожно, скрываясь в кустарнике. Кухня повернула к березовой роще. На опушке Черемушкин заметил как раз то, ради чего была направлена группа во вражеский тыл. В укрытии стояли танки.

Петляя между деревьями, разведчики поравнялись с повозкой. Возница, не подозревая об опасности, продолжал играть на гармошке. Стащить его с передка было делом одной минуты. «Попался, кашевар,— весело сказал Черемушкин.— Теперь следуй с нами...»

старшим кондуктором на станции Вожега. В 1942 году призван в ряды Красной Армии. Вскоре получил боевое крещение. Был дважды ранен. Имел две награды — орден Славы III степени и медаль «За боевые заслуги». В 1944 году стал знаменосцем полка. На этом боевом посту и совершил подвиг комсомолец Анатолий Шагалов.

...После сражений под Витебском наши части продвига-

лись на запад. 14 июля 1944 года 403-й стрелковый полк, с ходу форсировав реку Свенту, выбил гитлеровцев из небольшого городка Аникшчай. Но на рассвете следующего дня враг пошел в контратаку. Случилось так, что группу бойцов со знаменосцем окружили враги.

Обстановка с каждой минутой становилась напряженнее. Знамя полка могло попасть в руки врага. Анатолий,

В полночь бойцы были в расположении своей части. Пленный дал ценные сведения. Командир бригады лично поздравил Черемушкина. «Везет же тебе, сержант,— в шутку сказал старшина роты.— Под счастливой звездой, знать, родился...»

Везет ли? Правда, и на войне бывают случайности. Но в разведке удача сопутствует тому, у кого больше настойчивости, силы воли, физической закалки. А Черемушкину этих качеств было не занимать. Родные вспоминают, что еще в детстве он пристрастился к охоте и возвращался домой всегда с добычей.

Однажды Дмитрий отправился на медведя к речке Согоже, километров за десять. Леса здесь дремучие, глухие. Встреча с косолапым произошла неожиданно один на один. Медведь вспятился на дыбы и двинулся на охотника.

Ружье дало осечку. Не растерявшись, Черемушкин сменил патрон. А расвирепевший медведь был уже почти рядом. Охотник выстрелил. Раненый зверь ринулся на своего противника. Холодом обдало затылок.

СТРОКИ

С ПЕРЕДОВОЙ

отделив от дровка красное полотнище и обернув им себя, решил стремительным броском прорваться сквозь кольцо окружения. Но вражеская пуля сразила его, когда до траншеи, где вели бой наши бойцы, оставались считанные метры. Подоспевшие на помощь товарищи доставили обгаренное

кровью бойца красное полотнище в штаб части. Случилось это 15 июля 1944 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Анатолию Валерьяновичу Шагалову за беспримерный подвиг посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Выхватив охотничий нож, Дмитрий вонзил его в медведя.

Нет, не случайно на фронте Дмитрий Черемушкин стал разведчиком. А потом пути-дороги привели его на Украину, в партизанский край. Здесь-то наиболее полно и проявилась охотничья страсть вологодского следопыта. Посылая очередную весточку за линию фронта, 7 августа 1942 года он писал родным: «Я сейчас нахожусь в тылу у немцев, в партизанском отряде, в Брянских лесах. Нас здесь очень много. Каждый день воюем... Было время, бил немцев из их танков, но танк пришлось бросить...»

Еще почти полтора года из Брянских лесов шли в родную деревню бодрые, сердечные письма. О боевых делах в них сообщалось скупо: «Напали на станцию Н. От вражеского эшелона почти ничего не осталось... Немцы — народ злой. Над местным населением издеваются... мстим фашистам за сожженные города и села... обо мне не беспокойтесь. Возможно, скоро встретимся...»

В одном из писем Черемушкин послал фотографию. Перед нами — молодой боец, присевший на пенек около изгороди. На нем ушанка со звездочкой, черный поистрепавшийся пиджак, галифе. На левом лацкане ордена Ленина и Красной Звезды. В руках автомат. Снимок сделан летом 1943 года. В тот период продолжалось наступление наших войск на всех фронтах. Партизаны, совершая рейды в тыл врага, помогали громить гитлеровцев. Об этом не раз сообщалось в сводках Совинформбюро.

Выполняя боевое задание, отряд Ковпака вышел в предгорья Карпат. Народные мстители взрывали мосты, пускали под откос поезда, подрывали силы противника. Впереди, как всегда, шли разведчики. Поддерживая связь с местным населением, они предуп-

реждали свои подразделения об опасности, о готовящихся ударах гитлеровцев.

Однажды Черемушкин получил задание уточнить обстановку в городе Коропе, где находился крупный вражеский гарнизон. Партизаны не знали, как незаметно выйти к Десне. В селе Вольном обратились к первой попавшейся женщине. Как, мол, проскользнуть под носом у немцев к мосту. Женщина объяснила: «Вот по этой тропке спуститесь в балку, а там ручеек приведет прямо к реке». Черемушкин в ответ пошутил: «Гражданочка, не знаю, как вас по имени. Большое спасибо, что выручили. Но, может быть, вы знаете дорогу и на Берлин?» Женщина не растерялась: «Как не знать. Подымитесь вверх от Десны, дойдите до шляха, возьмите влево и шагайте прямо. Через несколько суток до Одера доберетесь, а там и Берлин рядом...»

Вскоре склоны Карпатских гор озарило пламя пожаров. Горели нефтяные вышки, нефтехранилища и нефтеперегонные заводы. Подрывники из отряда Ковпака сделали свое дело.

Гитлеровцы, лишившись горючего, решили уничтожить партизан, запереть выходы из гор. В отряде Ковпака были на исходе продовольствие и боеприпасы. А враг наседал. Ковпаковцам пришлось взорвать орудия и минометы. Выход был один — вырваться из огненного кольца по ущелью реки Зеленицы.

Перед походом отряда выслали разведку во главе с Черемушкиным. Вскрабавшись по отвесной скале, разведчики оказались на краю обрыва. Перед ними открылось ущелье. Заросшая колючим кустарником тропинка вывела к дороге. Натренированный слух уловил урчание двигателей. Прошло несколько секунд, и из-за поворота вынырнула автомашина с гитлеровцами. За ней — вторая, третья...

Мгновенно все взвесив, Черемушкин приказал то-

варищам вернуться в отряд и доложить обстановку. Сам же решил задержать фашистов перед подходом к ущелью. Боец вступил в неравный бой — последний для него.

«До взвода фашистов, сраженных метким вологодским охотником наповал, и спасение всего отряда — вот цена его жизни! — пишет П. Вершигора в книге «Люди с чистой совестью!..» — Он был ранен несколько раз. Только забросав его гранатами, врагам удалось на несколько секунд взглянуть в глаза русского человека, выдержавшего бой с двумя ротами фашистов».

В день гибели партизанскому разведчику исполнилось двадцать три года. Дмитрий Черемушкин крохотной искоркой блеснул в пламени войны и погас. Погас, приблизив светлый час победы.

Боевой друг партизана-разведчика майор И. И. Бережной сообщал родным 2 января 1944 года о гибели Мити, о том, что бойцы отряда поклялись мстить врагу. Мстить беспощадно. Мстить за все — за кровь и смерть советских людей, за горе и слезы наших матерей, за сожженные города и села. Письмо заканчивалось короткими, но предельно емкими словами:

«Адрес мой такой, как и Мити:

Месть!

Месть!

Месть!»

Это письмо дорого нам как документальное свидетельство подвига воина. В партизанском отряде его по праву называли храбрейшим из храбрых.

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

В грозном 1942-м в боях под Ленинградом я не раз слышал рассказы бойцов о беззаветной храбрости военфельдшера Надежды Родновой. Но мне так и не довелось встретиться с ней на дорогах войны. Я был ранен и попал в полевой госпиталь. И здесь услышал теплые слова о незнакомой сестре милосердия.

Позднее, перелистывая подшивку областной газеты «Красный Север», в номере за 8 марта 1944 года встретил корреспонденцию «Вологодские женщины на фронтах Отечественной войны». И опять мелькнула знакомая фамилия.

«Отважная патриотка из города Сокола военфельдшер Надя Роднова, — писал автор, — под ураганным огнем противника вынесла с поля боя 157 раненых и оказала помощь 312 бойцам. Правительство наградило за это Роднову орденом Ленина. Участвуя в тяжелых боях, раненная в правую руку, Надя продолжала выносить с поля боя раненых. За проявленную отвагу и мужество правительство вторично наградило Роднову — орденом Красной Звезды. Надю любят фронтовики за отвагу и героизм, за то, что не боится смерти и спасла многим из них самое дорогое — жизнь».

Перечитывая заметку, я вновь прикоснулся памятью к минувшей войне... Изрытое воронками болото. Над головой — стаи фашистских стервятников. Сигнал к атаке. Бойцы ринулись вперед за командиром. Рвались мины, свистели пули. Упали первые раненые. Из-за бруствера мгновенно появилась медсестра. Делая короткие перебежки, она падала, ползла под ливнем пуль, бинтовала бойцов, тащила к одиноко стоявшей на пригорке березе и снова возвращалась на поле боя.

И я вспомнил, как говорил старый санитар: «Вы только представьте... Двое повисли у нее на плечах, а

она идет и идет. Такая хрупкая. Откуда только и силы брались?»

Шли годы. Следы отважной сестры милосердия потерялись. На фронте такое бывало. Но вот недавно в архивной папке отыскиались документы, которые донесла до нас полевая почта.

«Поздравляю Вас, Наталья Галактионовна, — писал комиссар батальона Захаров, — как мать Вашей дочери Родновой Надежды Карповны в связи с ее высокой правительственной наградой. Во время боевых действий она спасла жизнь многим бойцам и командирам. На поле боя без страха и мужественно оказывала медицинскую помощь раненым. Советским правительством Надя награждена высокой наградой — орденом Ленина.

Мы, бойцы, командиры и политработники, благодарим Вас, Наталья Галактионовна, за то, что Вы вырастили и воспитали свою дочь верной патриоткой нашей Родины, до конца преданной делу партии...»

В том же деле подшит и листочек с текстом песни о Надежде Родновой. Безвестный автор воспеваеет подвиг юной героини.

Не забыть мне утра раннего,
Не забыть лихого дня,
На вершок от сердца ранила
Пуля жгучая меня.

Схватят, мучить будут война
Кровожадные враги,
Но слышались спокойные
За холмом твои шаги...

Не запомнил, как в угаре я,—
Даже стыдно рассказать:
У тебя, не знаю, карие
Или серые глаза...

На груди рукою ласково
Завязала мне бинты.
Может, этой перевязкою
Нас навек связала ты.

На своих плечах, плечистого,
Унесла меня в фургон
И ушла походкой быстрою
За тридцатым под огнем.

Лишь вчера узнал по радио,
Что в бою спасен тобой,
Что зовут Родновой Надею
И про орден боевой.

Я опять в бою, любимая,
Мщу врагам за нашу кровь.
А к тебе неугасимая
В сердце выросла любовь.

В лес пойду ль тропой угрюмою,
Или в поле выйду я,—
Об одной тебе я думаю,
Золотая ты моя...

Других сведений о Надежде Родновой в том деле не оказалось. Было только известно, что ее мать, Баранова Наталья Галактионовна, проживала в городе Соколе Вологодской области.

Сделал запросы в горвоенкомат и другие организации. Из ответов установил, что Н. К. Роднова родилась в 1922 году. Перед войной работала в бухгалтерии главной конторы целлюлозно-бумажного комбината имени Свердлова. Добровольцем ушла на фронт. В 1942 году в боевой обстановке принята в ряды партии.

Вот и все, что удалось разузнать. А мысль, живали сестричка, спасая жизнь многим бойцам, не давала покоя. Я обратился по областному радио ко всем, кто, может быть, учился, работал или воевал вместе с юной героиней. Вскоре раздался звонок из Сокола. Ветераны труда сообщали, что помнят Надю. Только теперь ее фамилия не Роднова, а Черных. Проживает в Ростове-на-Дону.

Мне не пришлось долго ждать ответа. Через неделю почтальон вручил письмо и фотографию с надписью: «Фотографировалась в день 30-летия Победы»... Густые, должно быть, с проседью, вьющиеся волосы. Грудь в орденах и медалях. Видно, немало испытаний выпало на долю этой женщины на огненных дорогах войны. Поседевшие ныне ветераны до сих пор

благодарны ей за то, что под огнем вынесла с поля боя, вернула в строй, к жизни, к труду!

О своей послевоенной биографии Надежда Карповна писала сдержанно.

«Моя жизнь ничем особым не выделяется,— говорилось в письме.— Все сложилось естественно, как дыхание. Были горести, утраты. Но и счастливых дней пережила немало.

После войны с мужем поселилась в Ростове-на-Дону. Работала на административных должностях, а потом потянуло к станку. Поступила на завод. Ударник коммунистического труда. Закончила двухгодичный университет марксизма-ленинизма. Четыре года являлась секретарем партийной организации. В 26-й школе совместно с учащимися-следопытами создала клуб боевой славы «Поиск».

Дети у меня хорошие. Сын Володя окончил летное училище — вертолетчик. Служит в Сибири. Дочка живет с нами в Ростове. Вот вроде и все...»

Вчитываясь в эти строки, я подумал: хорошо сложилась судьба Надежды Карповны. Сестра милосердия на фронте. Правофланговый пятилетки в мирные дни.

В дни войны ленинградцами считали себя не только потомственные жители великого города, но и многие вологжане. Фронтовое братство объединяло их. Наш земляк И. Г. Никитинский, командовавший одним из полков на Ленинградском фронте, в своих воспоминаниях рассказал об интересном факте.

Однажды, проверяя оборону наших войск на подступах к Ленинграду, Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов наблюдал за действиями снайпера Дубовикова. Находясь в засаде, боец меткими выстрелами уложил сразу несколько вражеских автоматчиков.

После боя К. Е. Ворошилов попросил лейтенанта Егорова представить отличившегося снайпера. Когда Дубовиков явился в штабной блиндаж, Климент Ефремович спросил:

— Ты откуда родом, орел?

— Я — ленинградец, товарищ маршал, — отчеканил боец и, помолчав, добавил: — из Вологды...

Ворошилов похвалил снайпера за отличную стрельбу. На груди А. С. Дубовикова появился орден Красного Знамени. Вот что писала тогда фронтовая газета «За Родину» о славном сыне земли вологодской: «...На ближайших подступах к Ленинграду солдат Дубовиков проявил смелость и мастерство. Презируя опасность, он за короткое время истребил 47 фашистов, при этом дважды сам был ранен, но ни разу не покинул поля боя».

О ленинградце из Вологды писал также Виссарион Саянов, рассказывая о мужестве и стойкости защитников города-героя в книге «Ленинградский дневник», изданной в 1958 году Лениздатом.

Когда А. С. Дубовикова принимали в партию, он заявил: «Передайте ленинградцам, пусть они потерпят немного. Мы отстоим родной Ленинград. Клянусь, что буду биться с проклятыми фашистами до последней капли крови».

Еще не удалось узнать, где и когда закончил боевой путь отважный снайпер, но можно быть уверенным, что он сдержал свою клятву.

С ЛЕЙКОЙ И АВТОМАТОМ

В книге «Когда пушки гремели», выпущенной в 1978 году издательством «Искусство», опубликованы записки редактора армейской газеты «Боевой призыв» И. М. Пекермана «С альбомом и лейкой». В них рассказывается о художниках Федоре Глебова и Александре Баженова, которые во время войны иллюстрировали газеты. В конце автор писал: «К сожалению, я не могу более подробно рассказать о судьбе еще одного солдата нашего «изобразительного подразделения», так как давно потерял с ним связь, но знаю, что фотолетописец 61-й армии Петр Сотников прошагал со своей лейкой, а то и с автоматом весь ее боевой поход — от Куликова поля до Эльбы — и вернулся в родную Вологду с тремя боевыми орденами и после войны запечатлевал своим аппаратом бойцов трудового фронта».

Прочитав книгу, я тут же написал И. М. Пекерману, что Петр Александрович Сотников по-прежнему живет в Вологде. Почти полвека отдал он профессии фотокорреспондента. На его снимках в газете «Красный Север» запечатлены люди труда, наиболее знаменательные события из жизни области. О ратном пути свидетельствует, например, боевая характеристика. Вот что писал ответственный редактор фронтовой газеты, старший батальонный комиссар П. Потапов о технике-интенданте 2 ранга Сотникове Петре Александровиче: «В редакции армейской газеты «Защитник Отечества» работал с первых дней Великой Отечественной войны. Почти непрерывно находился в частях и подразделениях. Не раз, рискуя жизнью, пробирался на передовые позиции пехоты, на наблюдательные пункты артиллерии, чтобы оперативно сфотографировать для газеты героев боев, лучших бойцов и коман-

диров. Дважды был в окружении. Действуя с оружием в руках, как боец и командир группы показал себя умелым, бесстрашным воином, готовым, не задумываясь, отдать жизнь за Родину».

Когда закончились бои под Москвой, Сотникова перевели в редакцию фронтовой газеты «Боевой призыв». Одновременно он был внештатным корреспондентом Фотохроники ТАСС. Сотни его снимков увидели свет в центральной и иностранной печати.

...Мы встретились у Петра Александровича дома. Я принес некоторые документы, книгу «Когда пушки гремели»: «Почитайте. Тут и о вас доброе слово сказано...»

Мой собеседник разволновался. Что переживал он в те минуты? «А ведь не забыл,— наконец сказал он.— Вспомнил... Вот и Анатолий Белошеев, известный в Белоруссии писатель, прислал свою книгу «Кружат аисты над Бороныю». Там тоже сказано обо мне...»

Петр Александрович достал из шкафа несколько толстых альбомов, экземпляры фронтовых газет и пачку фотографий, видимо, очень дорогих его сердцу.

В ночь с 22 на 23 июня памятного 41-го Сотников уже ехал в вагоне поезда. А через неделю вместе с редакцией газеты «Защитник Отечества» был на дальних подступах к Москве. Погрузив редакционную технику на полупорку, двинулись к Ельне. Там шли ожесточенные бои...

Получив задание, Петр Александрович направился в дивизию, сдерживавшую натиск гитлеровцев. В пути полупорка попала в засаду. Когда стрельба приутихла, послышались крики: «Хальт, хальт!» Немцы стягивали кольцо. Вместе с бойцами Сотников бросился к опушке леса. Залегли. Куда идти, что делать? Внезапно появился начальник артиллерии армии Егоров, потребовал документы. Затем, обратившись к Сотникову, сказал: «Вы, техник-интендант, в группе стар-

ший по званию. Собирайте бойцов и занимайте оборону у речки Остер. В помощь дам два танка да еще полсотни бойцов. Позднее об исполнении доложите...»

Немцы, прорвавшись по флангам, оказались далеко впереди. Оценив обстановку, Сотников с наступлением темноты решил вывести бойцов из окружения. «У Литвиненко, строевого командира,— вспоминает Петр Александрович,— нашлись карта и компас. Сориентировавшись, углубились в лес и двинулись вдоль большака. В пути к нам присоединились еще несколько небольших групп красноармейцев. Шли без отдыха. Голодные. Подбирали раненых. Через двенадцать суток добрались до своих. Трудно передать, что пережили в те дни...»

Волевым, стойким командиром проявил себя техник-интендант Сотников. Более пятидесяти солдат вывел из окружения. На стол редактора легло несколько пленок, которые запечатлели только что виденное.

Всматриваюсь в снимки. Военные журналисты-вологжане Иван Суздалов и Василий Кузнецов перед выходом на боевое задание. Оба погибли. Два солдата с ручным пулеметом залегли на опушке лесочка... На дороге — колонна автомашин, попавших под обстрел. Все смешалось в огненном смерче... А вот немецкие орудия, раздавленные нашими танками... Сегодня это едва ли не единственные из известных фотографий, отображающих трагедию войны в июльские дни 1941 года.

Шел по фронтовым дорогам фотокорреспондент. Ельня, Сухиничи, Смоленск, Вязьма... Как просто сказано — шел. А тогда, в сорок первом? По лесам, топям и болотам, по минированным тропам и дорогам. Под огнем врага. Приходилось брать в руки и автомат... В одно из сражений под Москвой Сотников вместе с бойцами пошел в контратаку. Он сумел и несколько раз щелкнуть затвором фотоаппарата. А на другой

день снимок с передовой появился на первой странице газеты.

После разгрома немцев под Москвой 61-я армия некоторое время стояла в обороне. Участок считался тихим. Сотников прослышал, что в одной из рот появились охотники за фрицами. Вскоре бойцы увидели в газете снимок с подписью: «Снайпер Н. Неклюдов уничтожил 18 фрицев». А выше крупная шапка: «Кто больше истребит гитлеровцев?» Так в дивизии началось движение «стахановцев фронта» — истребителей.

На фотокадрах первых месяцев войны — сожженные города и села, толпы беженцев, дикие расправы над ни в чем не повинными людьми. Кажется, тысячи таких снимков прошли в печати и в документальных фильмах. Но вновь всматриваясь в них, еще глубже понимаешь, что несет народам фашизм. Об этом не расскажешь. Говорят мертвые. Кричат замученные. Вывают руины. Есть ли обвинения неопровержимее таких свидетельств?!

СТРОКИ

С ПЕРЕДОВОЙ

ПОСЛЕДНЯЯ РАДИОГРАММА

Каземира Феликсовна Ловенецкая сохранила письма и документы военных лет. В одном из них, подписанном командиром части, говорится: «За проявленную доблесть и героизм на фронте борьбы с немецкими захватчиками Вашему сыну, Ловенецкому Степану Александровичу, Указом Президиума Верховного Сове-

та СССР от 28 апреля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Вас, как мать, воспитавшую подлинного героя война, благодарим. Желаем Вам успехов в жизни и работе...»

Степан Ловенецкий шагнул в огонь войны, когда ему исполнилось только восемнадцать. Окончив краткосрочные

А вот еще серия снимков. На них пленные гитлеровцы после Сталинградской битвы. Они понуро бредут по заснеженной степи. Как и не бывало наглости и самоуверенности.

Фотокорреспондент Сотников спешил запечатлеть, как наши войска освобождают родную землю от оккупантов. Город за городом, деревню за деревней... В объективе — переправы, бои, мощная техника. Но все же главным для фоторепортера оставались люди. Вот на газетном снимке старый солдат с медалью «За отвагу» на груди. До войны он, очевидно, владел сапожным ремеслом и вот сейчас на привале чинит сапоги. В сущности, маленький эпизод из фронтовой обстановки. Надпись под клише гласит: «Дойдем до Берлина!»

Ломая сопротивление противника, части 61-й армии вышли на территорию Германии. Мы видим на фотографии регулировщицу. Много фронтовых дорог осталось за ее плечами. Повинуясь взмаху ее руки с жезлом, тяжелые танки поворачивают на широкое ас-

СТРОКИ С ПЕРЕДОВОЙ

курсы младших командиров, он стал водителем самоходного орудия. Вначале воевал на Кавказе. В первых же боях был награжден медалью «За отвагу».

Потом сержант Ловенецкий, возглавляя боевой расчет самоходки, сражался на Дону, освобождал города и села Украины, легендарную Брестскую крепость. Он заслужил еще одну награду — орден Отече-

ственной войны II степени. Получил назначение механиком-водителем танка.

В одном из боев на территории Венгрии нашим войскам предстояло овладеть сильно укрепленным пунктом обороны противника Надьбайом. Это сражение оказалось последним для Степана Ловенецкого. О неравном поединке с фашистскими «тиграми» сообщалось в том же письме

фальтированное шоссе. У всех одно направление — берлинское. Не русские, а немецкие надписи мелькали на дорожных указателях: «Аренсфельде 3, 5», «Берлин 17». Снимок на страницах газеты говорил: «Вот он, Берлин! Совсем рядом». Но нелегки были эти семнадцать километров!

Советское командование тщательно подготовило штурм Берлина. То, что началось в ночь на 16 апреля 1945 года, невозможно передать словами. Вспыхнули сотни прожекторов, ударили тысячи орудий. Небо гудело от снарядов. После артналета началось общее наступление. Вслед за танками в прорыв устремились автоматчики. Завязались ожесточенные бои.

Но вот наши войска ворвались в Берлин. Ни днем, ни ночью не смолкал грохот орудий. Над городом кружили советские самолеты. По улицам громыхали танки. Шла упорная битва за каждый квартал, за каждый дом. В эти дни Петр Александрович не расставался со своим «фэдиком». Почти на ходу снимал все, что видел. Без промедления проявлял пленку...

командира части: «В бою 24 октября 1944 года Ваш сын, Степан Александрович, смело и решительно вел свою боевую машину, проявляя высокое мастерство. В напряженный момент боя он уничтожил из орудия три вражеских танка и рассеял до батальона вражеской пехоты...»

В разгар боя танк Ловенецкого вырвался далеко вперед. Совсем близко разорвал-

ся вражеский снаряд, еще один... По броне машины поползли языки пламени. Задыхаясь в дыму, командир «тридцатьчетверки» передал на командный пункт полка последнюю радиограмму: «Весь экипаж погиб. Иду на таран «тигра»...»

В ту ночь шквал огня вновь обрушился на врага.

— За Степана, братцы! За нашего комсорга! Вперед!

Снимки срочно шли в номер. «Да вот посмотрите «Боевой призыв» за 24 апреля,— говорит корреспондент,— весь он посвящен взятию Берлина». Развертываю выцветший от времени и стершийся на сгибах газетный лист. Вверху, над заголовком, на всю страницу аншлаг: «Красная Армия ворвалась в Берлин». Ниже — приказ Верховного Главнокомандующего и сообщение «От Советского Информбюро». В оперативной сводке указывалось, что 22 апреля наши войска подбили 165 танков и самоходных орудий противника. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии было уничтожено более 60 немецких самолетов. Все это главным образом на подступах к Берлину. Только за один день.

Сотников стремился туда, где шли бои. Вот к центру города направляются гвардейские минометы. Мгновенно к ним. В объективе — залп «катюш»... Но где же рейхстаг? В густом черном дыму плохо видно. Наткнувшись на бровку водосточной канавы, Сотников совсем рядом заметил расчет ручного пулемета.

Пулеметчики вели огонь по мрачному двухэтажному дому. В кадр попал и этот эпизод. Фотокорреспондент узнал фамилии солдат и спросил: «А где же, ребята, рейхстаг?»

Те удивленно посмотрели на капитана и в один голос сказали:

— Да вот же он — перед глазами...

— Ну какой же это рейхстаг? — пытался возразить Сотников. — Рейхстаг должен быть во-о...

Как только огонь поутих, Сотников побежал занять тех, кто штурмует фашистское логово. И через несколько дней в «Боевом призыве» появились снимки с краткими подписями: «Советские артиллеристы на улице Берлина», «Бой на подступах к рейхстагу», «Пулеметчики ведут огонь на Франкфуртштрассе».

В ночь на 1 мая над фашистской цитаделью взвилось знамя Победы. Однако бой еще продолжался. Сотников вместе с бойцами проник в бомбоубежище имперской канцелярии, откуда выбивали остатки сопротивляющихся гитлеровцев, и там «разрядил» свой аппарат. Это были последние кадры в битве за Берлин.

Смолкли орудия. 2 мая на улицах поверженного города царило оживление — повсюду наши солдаты, звучала музыка, кто-то в толпе лихо отплясывал «барыню». В объектив попали и эти кадры.

Наконец наступило утро 9 мая. Победа, победа, победа! Сотников запечатлел ликование воинов-освободителей и победный салют.

Первые мирные дни... Неужели не стреляют? Сотникова осаждали солдаты и офицеры: «Сфотографируй, дружок. На память о Берлине!» Ну как откажешь в такой просьбе? Петр Александрович фотографировал у стен рейхстага и своих земляков, которые оставили на фронте здания автограф: «Мы из Вологды».

Фронтные снимки капитана П. А. Сотникова безмерно дороги не только ему, бывшему военному корреспонденту, но и всем, кто прошел и не прошел по дорогам войны. Это бесценные свидетельства беспримерного народного подвига.

Сейчас ветерану войны исполнилось восемьдесят. Петр Александрович по-прежнему не расстается со своим другом — фотоаппаратом. Его снимки нередко появляются на страницах газет области.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ИСПОВЕДЬ СОЛДАТА

...В туманной мгле раздавался крик журавлей. Они будто прощались, улетаая в теплые края. И мне вспомнились строки ныне широко известной песни:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...

Как бы далеко ни уходили грозовые годы Великой Отечественной, до нас, как эхо, доходят голоса фронтовиков. Это письма, дневники и другие боевые реликвии.

«Посылаю Вам материалы моего брата Владимира,— пишет Елена Степановна Калачева, проживающая ныне в Гомеле.— Может быть, они Вас заинтересуют...» Возможно, только память родных хранила бы образ юного солдата. Сколько их полегло под Тихвином и Мгой, на Невском «пяточке», в районе Синявино, Свири и Ладоги. О каждом не расскажешь. А в этом случае сам воин рассказал о времени и о себе.

Судьбы людей первого советского поколения расколоты Великой Отечественной как бы на два этапа — «до» и «после». У Владимира Калачева было только «до». Потому что он родился в первый год после Октябрьской революции, а погиб в сорок третьем.

Двадцать пять лет жизни Владимира внешне не богаты событиями. Босоногое детство в деревне Квасюнино у реки Шексны. Потом — Череповецкое педагогическое училище, окончить которое не удалось, пришлось помогать семье. Владимир начал учительствовать в Ульяновской сельской школе. Затем служба в рядах Красной Армии. К тому времени у него уже была «одна, но пламенная страсть» — литература. Читываясь Пушкиным, Блоком, Есениным, Маяков-

ским, он начал писать стихи. И нет-нет да и прорывался в стихах Калачева свой голос — голос лирика. Мечтая о возвращении в Череповец после действительной службы, Володя писал:

Быть может, в середине лета
Приеду в городок родной
И в час июльского рассвета
Пройду по тихой мостовой. . .

Но мечта его не сбылась. Уже в первые дни Великой Отечественной красноармеец Калачев вместе с однополчанами защищал дальние подступы к Ленинграду.

О фронтовых буднях и о себе он регулярно писал родным и близким. Его солдатские треугольники порой разбухали до 14—16 страниц. По существу это обстоятельные зарисовки о виденном и пережитом. Не всегда отточенные, подчас беглые, но искренние.

«Коротко о себе, — говорится в письме от 14 декабря 1941 года. — Защищаю Ленинград... Недавно трое суток провел на передовой, в траншеях. Пришлось подрагаться с противником (у меня прекрасный новый автомат и горячая злоба к врагу). Оказывается, смерть меня боится. Расстреливали меня немцы с самолета, был в схватке на земле и за трое суток остался невредим. Только шапку прострелили раз...»

За боевые заслуги в первый год войны Калачев был награжден медалью «За отвагу» и именными часами. Военный корреспондент Николай Кружков в газете «Красная звезда» от 2 апреля 1942 года писал: «Старший лейтенант Калачев хорошо усвоил штабную службу, великолепно знает карту местности, где действует его армия. Он часто бывает на передовых позициях, знает все, что делается в дивизиях и полках, и всегда имеет под руками необходимые сведения. Его работа скромна и с виду неприметна, но он, благодаря своей аккуратности, методичности, является ценным помощником начальника штаба».

Но, судя по письмам, работа в штабе Калачева не удовлетворяла. Ему казалось, что он мало делает для разгрома врага.

«Только что вернулся из поездки, — говорится в очередном письме. — Был на слете истребителей фашистов. Сердце рвется в бой...»

В своей совокупности письма Калачева, вынесенные из-под огня, воссоздают героику и драматизм войны.

«Недавно, — сообщал он, — попал в переделку. Один товарищ и я оказались отрезанными от своих. Когда сошлись в штыки, я так увлекся своим врагом, что не заметил, как наперерез мне бежали два других. Одного из них уложил наповал мой товарищ, а второй... бежит на меня, в руках винтовка со штыком. Выстрелом из пистолета я уложил его. А когда мы заняли местечко, я стал умываться из ручейка и заметил, что на шнели три дырки — пулями прострелили...»

«Небольшая новость, — сообщал Володя 7 ноября 1942 года родным. — Красноармейцу Калачеву присвоили звание среднего командира и назначили адъютантом бригадного комиссара. Кроме того, я вступаю в партию... Я не кончал никаких училищ, а звание среднего командира дали мне за отличную службу в действующей армии...»

Молодой командир настойчиво овладевал боевой и политической подготовкой.

«Большую часть свободного времени, — писал он, — сейчас я трачу на самоподготовку, жадно прочитываю свежие газеты (особенно «Красную звезду») и военные журналы... Свой столик в палатке уложил уставами, наставлениями и т. д. То есть занят теоретической подготовкой, а практика — на передовой...»

«Я и лейтенант попали под минометный обстрел, — говорится в одном из писем. — Заняли воронки, вырытые снарядами. А разрывы ложатся вокруг, нас засыпает землей, мелкие горячие осколки летят...» В другом письме боец сообщал, как один на один встретил-

ся с немецким офицером. В минуту смертельной опасности он не дрогнул, не растерялся. Гитлеровец был сражен.

С весны до середины 1943 года он командовал ротой. В этот период под Ленинградом, в районе Синявино, шли тяжелые бои. Старший лейтенант Калачев показывал пример личной храбрости в боевых операциях. «У меня душа не терпит, чтобы я шел где-то сзади,— признавался он в одном из писем.— Всегда быть впереди — долг командира. Может, не вернусь, но и об этом не тужу. Войны без жертв не бывает. Но знайте, что трусом не буду и дешево свою жизнь врагу не отдам...»

А когда наступало затишье, командир беседовал с солдатами, благодарил отличившихся в бою и шутил. Да, да, шутил. В самые трудные минуты его не покидало чувство юмора. А таких минут на фронте было немало. В мирное время трудно представить, как можно по нескольку часов сидеть в окопе, залитом водой, пробиваться сквозь почти непроходимые топи болот, как уцелеть, когда вокруг свистят пули и осколки мин.

«Вчера и сегодня неважно себя чувствовал, — писал он 14 июня 1942 года. — Чуть не заболел, но устоял. А получилось так. Поехал в одну из дивизий, на передний край, организовать разведку в тыл противника... Противник редким огнем бил по дороге, но проехали хорошо. Потом коней оставили и пешком шли много километров по болоту. Вдобавок — дождь холодный...

Противник обрушился на нас минометами. Я приказал рассыпаться (это, конечно, не военное слово). Сорок пять минут пролежали в холодной болотной воде. Потом снова действовали. Задание было выполнено...»

Шагая по фронтовым дорогам, Владимир возмужал, сохранил свой внутренний мир, веру в светлое будущее, мечтал.

«Ты можешь не понять меня, — писал он сестре, — но неверно было бы думать, что на войне человек примитивное существо, автомат. Нет! Кроме жгучей ненависти к врагу у каждого есть любовь к любимой девушке, к жене, к семье, к друзьям, к дому и, наконец, к родной стране! Именно на войне человек больше задумывается о жизни, о дружбе и, конечно, лично о самом себе...»

«В одном из твоих писем, — отвечал он любимой девушке, — я встретил фразу: «Я мало живу будущим и больше живу прошедшим...» Я в противоположность тебе сейчас живу будущим и уже значительно меньше живу прошедшим... Не думать о будущем, значит не любить жизнь, а здесь жизнь становится более веской и определенной, осмысленной...»

В последний раз старший лейтенант Калачев повел свою роту в атаку 25 июля 1943 года. В том бою мало кто уцелел. Только спустя почти полгода отец Володи Степан Митрофанович получил письмо от генерала армии П. И. Кокарева: «По наведенным мною справкам, известно, что сын Ваш Владимир 25 июля с. г., будучи тяжело ранен в бою, умер от ран и похоронен на поле боя. Должен Вам сообщить, что Владимир, будучи со мною вместе на службе, был образцовым, храбрым и примерным офицером...»

У родных остались стихи Владимира. И на войне он находил в себе силы и время заниматься творчеством. Как только выпадала свободная минута, уединившись у костра или в землянке, боец доверял свои мысли бумаге. А потом читал однополчанам стихи о героическом Ленинграде, о красном знамени, которое вело в атаку, о верности и о любви. Читал так искренне, что даже у бывалых солдат перехватывало дыхание:

Безголосая ночь опустилась
на изгрызенный пулями лес,
по траншеям болотная сырость
собралась с неизведанных мест.
Возле дзота, водой залитого,
вихрь огня пролетит, прометет,
но душа для сражений готова,
и готов, как душа, пулемет.

Здесь в томительных днях обороны
зреют солнцем в предутренней мгле
путь на запад, еще не пройденный,
и свобода родимой земле.

Стихотворение написано в 1942 году на переднем крае в момент ожесточенных боев, а звучит как обнадеживающая весть о победе, как предвосхищение майских салютов в сорок пятом.

Воин-поэт только начинал творческую дорогу, не все стихи удавались, но в них звучала суровая правда войны. Его стихи печатала фронтовая газета «Отважный воин», о них хорошо отзывались профессиональные поэты. В творческой судьбе Владимира принимали участие Всеволод Рождественский, Александр Прокофьев, Николай Асеев.

«У меня новость, — говорится в письме от 6 апреля 1942 года. — Позавчера познакомился с ленинградским поэтом Всеволодом Рождественским. Он здесь у нас в армии, километрах в 20-ти от меня...»

СТРОКИ С ПЕРЕДОВОЙ

ДОСТОИН ЗВАНИЯ ГЕРОЯ

Когда в штабной землянке составляли наградной лист, никто не думал, что создает документ исторический. Главное было веско обосновать боевые заслуги воина. Вот один из таких документов:

Наградной лист

1. Фамилия, имя и отчество

во — Юдин Александр Дмитриевич.

2. Звание — мл. сержант.

3. Должность, часть — ком. отделения 6 стр. роты 60-й армии.

4. Год рождения — 1925.

5. Национальность — русский.

6. Партийность — чл. ВЛКСМ с 1939 г.

Владимир сообщал, как после беседы с поэтом прочитал несколько стихотворений.

«Рождественский похвалил, сделав необходимые замечания, — писал он родным. — Говорили долго. Когда стали прощаться, лежавший рядом человек поднял голову. Рождественский представил его: «Павел Лукницкий, писатель» (написал «Земля молодости»). Лукницкий сказал: «Я лежал и слушал ваши стихи. Они хорошие...» Из соседней двери (перегородки) вышел еще один человек — писатель Дмитрий Щеглов. Прощались тепло. Рождественский просил приезжать к нему, обещал просматривать мои стихи и продолжить знакомство. На днях снова поеду к нему...»

«Во многих ваших письмах и записочках, — писал поэт молодому стихотворцу, — я живо слышу интонацию Вашего голоса и, читая их, яственно вижу Вас перед собой. Это хороший признак. Вы, несомненно, чувствуете природу не только стихотворного, но и прозаического языка. Предсказываю Вам, что со временем Вы будете пробовать себя и в художественном рассказе...»

Высокого мнения о творчестве Владимира Калачева был и Александр Прокофьев. Находясь в блокадном

СТРОКИ С ПЕРЕДОВОЙ

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР (где, когда) — в Отечественной войне, Центральный фронт с сентября 1943 г.

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — не имеет.

9. С какого времени в Красной Армии! — с 9 января 1943 г.

10. Каким райвоенкоматом

призван! — Котласским РВК Архангельской обл.

11. Чем ранее награжден (за какие отличия)! — медалью «За отвагу».

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В бою за станцию Круты Бахмачского р-на Черниговской области первым поднял свое

Ленинграде, 3 мая 1943 года он писал: «Дорогой Владимир Степанович! Спасибо за письмо и стихи. Стихи буду печатать в журнале «Ленинград», и если подберем альманах красноармейского творчества, то и там. Присылайте еще. Мне понравилось начало песни «Три снежинки, три звездочки» — поэтично. Буду рад действовать вашим литературным успехам. Приезжайте в Ленинград...»

Когда Калачев прямо с передовой отослал свои стихи Николаю Асееву, тот, растроганный, написал в ответ по сути дела краткую лекцию о назначении поэзии, о том, как писать стихи. «Нет, критиковать я Вашего стихотворения не буду,— говорится в письме. — Оно хорошо тем, что в нем есть решительность и определенность чувства...»

Человек редкого трудолюбия, внимательный и чуткий к советам старших товарищей, Калачев постоянно совершенствовал поэтическое мастерство. Об этом свидетельствует и его последняя записная книжка, в которую вошло девятнадцать стихотворений. Это поэти-

отделение в атаку, ворвался на окраину станции, гранатой уничтожил расчет станкового пулемета и из автомата убил трех солдат и одного офицера, тем самым дал возможность продвигаться всей роте.

При форсировании реки Днепр в числе первых со своим отделением высадился на правый берег и сразу повел отделение в атаку, выбил

взвод немецкой пехоты из обороны. При этом лично уничтожил гранатой расчет станкового пулемета.

Во время боев на подступах к селу Старолесье первым бросился со своим отделением в атаку на взвод немецкой пехоты. При этом уничтожил из автомата четырех немецких солдат и одного взял в плен.

За все время боев подерживает высокое моральное

ческая исповедь солдата, прошедшего по тяжелым дорогам войны. В одном из его писем есть фраза: «Я был единственным, кто видел это...» Сознание этой единственности служило достаточным основанием, чтобы взяться за перо. Потому-то несовершенство некоторых его стихотворений искупалось значительностью содержания.

Возьмем стихотворение «Пулеметчик». В предельно сжатых строках зримо встает образ рядового солдата.

Слепнет ночь. Траншея опустела.
Бой окончив, пулеметчик спит,
кажется, что каждой складкой тела
с пулеметом воедино слит.
В жаркой схватке крепко поработав,
спит, хвалы себе не говоря,
руки не снимая с пулемета,
крепким сном бойца-богатыря.

Хочется думать, что стихи Владимира Калачева станут известны читателю. Ведь это голос война — белого журавля, не долетевшего до нашей Победы в мае 1945-го.

СТРОКИ С ПЕРЕДОВОЙ

настроение отделения и сам является во всем примером. Достоин звания Героя Советского Союза.

6 октября 1943 г.

Командир 1033-го
стрелкового полка
подполковник Н. Ледков.

По данному представлению младшему сержанту Алек-

сандру Юдину, уроженцу деревни Филинской Усть-Кубинского района, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1943 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Орден Ленина и Золотую Звезду Героя отважному воину вручил в Кремле уже после войны Михаил Иванович Калинин.

Передо мной фронтовое письмо. На конверте адрес: «Вологда, ул. Менжинского, д. 49, кв. 2. Дуничевой Раисе Николаевне». Развернув треугольничек, обращаю внимание на дату: 15 мая 1945 года. Листочек из обычной ученической тетради поистерся на сгибах, потускнел. С трудом разбираю слова — выцвели чернила.

«Здравствуй, дорогая Раечка и любимые мои дети Гена и Толя! — говорится в письме. — Я шлю тебе свой горячий любовный привет из Берлина — фашистского логова, откуда Гитлер дал разбойничий приказ о нападении на нашу священную Родину. Как и все войны-победители, я прошел тяжелый боевой путь... И вот сегодня нахожусь в Берлине. Был в рейхстаге и в том доме, где германское главнокомандование подписало акт о капитуляции. Германия поставлена на колени. Всюду реют красные знамена — это наш символ великой Победы.

Горжусь тем, что я, русский, на здании рейхстага написал свою фамилию, что я был здесь как воин-освободитель.

Пиши, как живете. До скорой встречи. Горячо целую.

Твой Вася».

Это письмо капитана инженерных войск Василия Алфеевича Дуничева. Родился он в 1912 году в деревне Троицкое Петриневского района. Член партии с 1939 года. До войны работал в системе промкооперации. После окончания военно-инженерного училища был направлен на Северный фронт в саперную бригаду. Прошел боевой путь от Мурманска до Берлина. За боевые заслуги награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, а также медалями «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Кенигсберга» и другими. Как и до войны, он сейчас живет в Вологде.

Таковы анкетные данные автора письма. Захотелось услышать о событиях войны от самого ветерана.

Мы встретились. Свой рассказ Василий Алфеевич начал с того, как он, молодой командир, прибыв в район Ошты, возглавил строительство оборонительных сооружений. Было это в конце 1941 года. Стояли крепкие декабрьские морозы. Работали до изнеможения. Нередко под вражеским огнем.

Саперы не только строили, но и воевали. Однажды на деревню Челмужи, где располагалось подразделение Дуничева, белофинны совершили внезапный налет. Организовав круговую оборону, бойцы отразили несколько атак. Противнику так и не удалось занять этот населенный пункт. «Мало кому, конечно, известна деревушка Челмужи,— говорит Василий Алфеевич.— Но бой за нее запомнился на всю жизнь. И бойцы почувствовали, что они по-настоящему могут бить фашистов».

А сколько потом было схваток с врагом? На Кольском полуострове, под Мурманском, на Кестеньгском и Ухтинском направлениях, а затем на Западном фронте.

Дуничев, достав поистершуюся топографическую карту, по известным только ему отметкам стал показывать свой боевой путь. Он прослеживается по отвоеванным у врага городам и селам. Последняя точка, к которой тянется красная стрела, обозначает Берлин.

«На протяжении всей войны вот на этой карте я делал пометки,— говорит Василий Алфеевич.— Когда брали тот или иной населенный пункт, обводил его кружочком и ставил даты. В блокноте отмечал и наиболее важные события. Да вот почитайте...»

«26 ноября 1941 г. Днем и ночью по побережью Онежского озера строим оборонительные рубежи. Установили завалы и минные поля. Отражали атаки мелких групп противника...»

2 февраля 1942 г. Прибыли на станцию Пудож. Приступили к выполнению оборонных работ. Самолет-

ты противника не даё̄т покоя̄. На бреющем полете обстреливают населенные пункты и лесозавод...

14 апреля 1942 г. Погрузились в воинский эшелон и отправились в сторону Мурманска...

20 апреля 1942 г. Маршем вышли на фронт. Сегодня преодолели «долину смерти». Ведем бои за каждую сопку. Наступление противника приостановлено. Враг бежит...

20 мая 1942 г. Передислоцировались на Кестеньгское направление. На станции Лоухи приняли бой. Атаки фашистов отбиты...

20 июня 1942 г. Прибыли на Ухтинское направление. Ведем оборонные работы. В тыл противника послали группу подрывников...

9 февраля 1943 г. Перебазируемся на Западный фронт. Едем в теплушках по железной дороге. На ст. Елец массированный налет вражеской авиации. Дальше продвигаться нет возможности. Эшелон покинули. Личный состав отведен в безопасное место...

19 мая 1943 г. Под покровом ночи разгрузились западнее г. Сухиничи и с ходу, сопровождая танки, вступили в бой. У нас большие потери. Трое суток без сна и отдыха».

Дальше запись обрывается. Случилось так, что после изнурительных многодневных боев, когда в части осталась горстка бойцов, Дуничева отправили в тыл. Около года он обучал молодых командиров.

В июле 1944 года Дуничева назначили командиром понтонной роты 65-го отдельного моторизованного инженерного батальона 21-й бригады. В это время развернулись жестокие бои за Оршу. Василий Алфеевич участвовал в прорыве обороны противника на решающем участке. Саперы не только прокладывали путь другим, но и сами шли в атаку. Капитан Дуничев был на головном танке. По сигналу ракеты вел автоматчиков в бой под свинцовым ливнем пуль и снарядов.

Бои отодвигались все дальше на запад. На топографической карте Дуничев ставил, как вехи, памятные кружочки: Орша, Борисов, Минск, Молодечно, Вильнюс, Даугавпилс, Субате, Рекишкис, Нерета, Ионишкис, Елгава, Шяуляй. В походном блокноте офицера краткая запись: «С 1 июля по 7 ноября 1944 года вели ожесточенные непрерывные бои в Белоруссии, Литве и Латвии. Маневрируя по фронту, наносили по врагу сокрушительные удары...» События четырех месяцев отражены в нескольких строках. За этими строками — дни и ночи напряженных боев.

...Наши войска вступили в Восточную Пруссию. Отсюда открывался уже прямой путь на Берлин. Часть, в которой служил Дуничев, шла к нему через тяжелые бои за такие крупные опорные пункты противника, как Хайлигенбайль*, Кентин, Моруген, Мюльхаузен, Фраунберг, Кронвальд, Раутенберг, Мариенбург, Скурц, Грюнберг.

«Никогда не забуду, как мы перешли государственную границу Германии, — продолжал свой рассказ Дуничев. — Было это в середине января 1945 года. В те дни я видел слезы радости на глазах у бывалых солдат. Все понимали, что приближается конец войне. Во фронтовой газете появилось тогда стихотворение, которое было созвучно нашему настроению. Текст его запомнился:

Пишу вам это письмецо
Из глубины Германии.
Что будем здесь в конце концов,
Я ж говорил заранее!
Все вышло так. Дела идут.
На карту нынче гляньте-ка:
На нашей улице салют,
А на немецкой — паника...»

* Ныне город Мамоново Калининградской области. Назван в честь нашего земляка Героя Советского Союза Н. В. Мамонова.

Чем дальше на запад, тем ожесточеннее были бои. Фашисты держались за каждый рубеж, за каждый опорный пункт. Немало однополчан, боевых друзей Василия Алфеевича полегло на чужой земле. Тяжело вспоминать об этом...

За успешное выполнение боевых заданий в Восточной Пруссии капитан Дуничев был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Как дорогую реликвию, в семье хранят письмо командования части от 12 марта 1945 года, в котором говорится: «Ваш муж Василий Алфеевич Дуничев показал себя умелым и бесстрашным воином-героем, верным сыном великой Советской Родины...»

А потом были бои на подступах к Берлину. Ветеран войны рассказывает, что в те памятные весенние дни ни днем, ни ночью не смолкал грохот орудий, гул самолетов, вой снарядов и бомб. В войсках царил небывалый подъем.

«Выполняя боевую задачу, наша часть штурмом овладела городом Цопот,— говорит мой собеседник.— В это время бои шли уже на улицах Берлина. Утром 1 мая из сводки Совинформбюро мы узнали, что пал рейхстаг. Вот радости-то было! Вскоре вместе со своими однополчанами я уже шагал по улицам поверженного Берлина и, как многие другие советские воины, расписался на рейхстаге... Да, такое не забывается. В полдень 2 мая мы въехали в Берлин. Кое-где гремели одиночные выстрелы. Пахло гарью. По улицам брели колонны военнопленных. Еще издали мы заметили полуразрушенное обгоревшее здание рейхстага, а над ним — трепещущее на ветру полотнище Знамени Победы.

Когда приблизились к рейхстагу, на его серых продымленных стенах увидели надписи наших солдат: «Сталинград — Берлин», «Русский Иван был здесь», «Приговор подписан тебе, фашизм», «Мы пришли сю-

да, чтобы вы больше к нам не ходили». А ниже — сотни фамилий. Ну, мы тоже решили оставить автографы. Сделать это оказалось не так-то просто. Все стены были испещрены. Саперы, однако, народ смекалистый. Разыскали несколько досок и сколотили лестницу. Взобравшись повыше, я вывел белилами на одной из колонн: «Здесь был капитан Дуничев из Вологды».

Отдельные группировки гитлеровцев еще продолжали сопротивляться. Их приходилось добивать почти в течение двух недель. Даже 9 мая 1945 года, когда весь мир праздновал победу над фашизмом, капитан Дуничев и его однополчане вели бои в лесах Германии.

Только 15 мая отдельный моторизованный батальон вернулся в расположение части. В тот день Дуничев снова побывал в Берлине. Отправив письмо домой, сфотографировался.

...Смотрю на фотографию. Молодой офицер в парадной форме. При орденах и медалях. В глазах радость и гордость. Еще бы! Воин-освободитель дошел до Берлина, оставил свой автограф на каменных глыбах фашистской цитадели. Пусть помнят агрессоры уроки истории.

БАЯН-ФРОНТОВИК

Разыскивая материалы об участии вологжан в боях за Родину, я обнаружил письмо, на самодельном конверте которого значился адрес: «Гор. Вологда, обком ВЛКСМ».

Письмо в обком комсомола с фронта... Во время войны не такое уж редкое явление.

«Здравствуйте, дорогие товарищи! — писал старший политрук Н-ской части Н. В. Дрозд. — Как вологжанин, я решил обратиться к вам, руководителям вологодской молодежи, с письмом, в котором буду просить вас помочь мне в исполнении желаний моих ребят-танкистов.

На моей обязанности, кроме всех прочих дел, лежит задача организации культурного досуга наших боевых танкистов. Нужно сказать, что эти ребята, кроме того, что они хорошо бьют фашистов, любят и хорошо отдохнуть в свободную минуту. У нас есть певцы, танцоры, музыканты, акробаты, которые умеют в любых условиях — в лесу и в поле, в землянке и блиндаже хужожественным мастерством зажигать сердца бойцов горячей любовью к Родине... Но при всем этом мы чувствуем большой недостаток — в нашей части нет хорошей гармошки.

Был однажды случай, когда по моей «неосторожности» танкисты узнали, что я из Вологды... Нет мне теперь никакого отбоя от них, каждый день атакуют и говорят: «Напишите, товарищ старший политрук, вологжанам, пусть по старой памяти вышлют они вам вологодскую (кирилловскую) гармошку». Вот и пришлось мне выполнять их задушевную просьбу. Оказалось, что славу кирилловских баянов они знают лучше, чем я...»

Далее автор письма сообщал, что вообще-то инструментов у танкистов много. Качество их замечательное, потому как они наши, отечественные. Нетрудно догадаться, что тут речь шла о грозных боевых машинах Т-34.

«С этими инструментами, — говорится в письме, — мы задавали неплохие концерты фашистам, от которых им было жарко. Даже сами фрицы, попавшие к нам в плен, заявили: «Русс танк гуд!» Знают толк! Ну, а вот вологодского инструмента, кирил-

ловского баяна, моим танкистам, откровенно скажу, заметно недостает... Они мне сказали, что если только получим баян, мы тогда устроим фрицам такой «джас-бей банду», от которого они почувствуют сильное уныние. «Артисты» наши для такого концерта уже натренированы и ждут приказа. Мы думаем, что и вологодский баян будет на страх врагам...»

В верхнем углу листа бумаги, свернутого треугольничком, сделана пометка: «Баян выслан». Следовательно, письмо дошло до адресата. Продолжаю поиск... И среди архивных документов нахожу ответное письмо:

«Дорогой товарищ Дрозд и ваши друзья-танкисты! От имени комсомольцев и молодежи Вологодской области передаем вам пламенный комсомольский привет. Ваше желание нами исполнено. Посылаем вам на фронт баян. Пусть этот скромный подарок областного комитета комсомола воодушевляет вас, славных защитников любимой Родины, на новые подвиги в бою...»

Дорогие друзья! В долгу у вас мы не останемся. Стахановским трудом у станков на заводе, в колхозной бригаде, в школе — везде, где трудится молодежь, мы приближаем час победы над врагом.

Крепче удар по врагу, товарищи танкисты!

Громче, песня, раздавайся, звени, баян, дружной!»

Представляю, как обрадовались танкисты, получив подарок вологжан. Но какова судьба баяна? Автор письма Николай Васильевич Дрозд, демобилизовавшись из армии в 1945 году, работал в Вологде.

Я отыскал номер телефона. Встретились, как старые знакомые. И вот что рассказал Николай Васильевич об этом эпизоде из его боевой жизни.

Зимой сорок второго в батальоне появился невысокий хрупкий паренек. Представился командиру: «Старшина Веселов...» Танкисты, окружив новичка, стали расспрашивать, откуда родом, где воевал, как величают. Старшина отшутился:

— Можете звать Веселым. Меня сызмальства так кличут...

- Веселый, значит. А чем до войны занимался?
— В колхозе работал...
— А по вечерам что делал?
— Само собой, девчат веселил. Бывало, выйду с тальянкой, все на лужайку сбегутся...
— А нас повеселить не хочешь?
Старшина, смутившись, ответил:
— Кабы было на чем. Ведь война...

С этого и началось. Старший политрук по просьбе танкистов отправил письмо комсомольцам Вологды. Вскоре ездовой прямо на передовую доставил фанерный ящик, в котором был бережно упакован баян. Изящный, отделанный перламутром. На корпусе — металлическая пластинка: «Боевым танкистам от мастеров артели «Северный кустарь». Село Благовещенское Вологодской области».

Получив разрешение опробовать баян, старшина сел на пенек в укрытии, где стояли танки, и, надев на плечи ремни, вопросительно взглянул на политрука.

— Давай нашу любимую...

Баянист вывел знакомую мелодию:

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

В те короткие минуты отдыха одна мелодия сменялась другой: то грустная, то раздольная, как русская душа, то задиристая плясовая. Не выдержав, кто-то скинул с плеч ватник и пустился в пляс. Снег летел из-под ног. А потом в звездной ночи раздалась созвучная солдатским думам песня:

Играй, мой баян,
И скажи всем врагам,
Что жарко им будет в бою,
Что больше жизни
Мы Родину любим свою...

...Мы идем по улицам вечерней Вологды. Сворачиваем в скверик. Здесь в окружении белоствольных берез, на вечном посту застыл прославленный Т-34. Николай Васильевич прикоснулся ладонью к холодной броне. О чем думал бывалый танкист, грудь которого украшают ордена и медали? Может, вспомнился ему июнь 1941-го с затянутым дымом небом? А может, представил Красное знамя, водруженное над поверженным Берлином?

— Ну, а как с «представлением», о котором говорилось в письме? — спросил я.

Николай Васильевич оживился:

— Первый концерт наши «артисты» дали фашистам на Курской дуге. Об этом всем хорошо известно. А потом дела пошли еще веселее. В конце войны мы сожалели, что на нашу долю мало немецких «тигров» осталось. А раз «тигров» били, то можете представить, какой боевой дух был у танкистов. К одной победе шли. К «одной на всех», как в песне поется... А баян всегда приносил бойцам радость. Жаль, не дошел до Берлина с нами. Во время переправы через Днепр фашисты разбомбили понтон. Головной танк, на котором находился подарок вологжан, погрузился в водную пучину.

Такую историю о баяне, этом исконно русском музыкальном инструменте, поведали архивные документы.

ПОЧТА ПОЛЕВАЯ

Недавно я получил письмо из Кадуя от старшего лейтенанта в отставке, ныне пенсионера Дмитрия Егоровича Запрудина. Во время войны пять лет он служил в сортировочном фронтовом почтовом пункте № 2043. Вначале экспедитором, а потом — начальником. К письму были приложены схемы, по которым можно проследить путь корреспонденции от солдатского окопа до любого населенного пункта в глубоком тылу.

«Раз я являлся работником полевой почтовой станции,— пишет Запрудин,— то, естественно, через мои руки и руки моих сослуживцев прошли десятки тысяч писем с фронта и на фронт. Наша полевая почта, как, впрочем, и другие, находилась в первом эшелоне штаба дивизии. Работать приходилось нередко под артиллерийским обстрелом. Но особенно доставалось нам от бомбежек. Почту получали с обменных пунктов, которые находились не ближе 40—80 километров. Жили по закону: «Хоть умри, а письмо на передовую доставь...»

Читаю воспоминания ветерана. ...Волховский фронт. Полевая почта размещалась в трех километрах от передовой. Земля содрогалась от взрывов. Но сортировщицы Аня Тетюнова, Елена Пелевина, Нина Левшина, не обращая внимания на пикирующие бомбардировщики, вскрывали мешки с сургучными печатями, поступившие из тыла. Вываливались на столы конверты, треугольники, бандероли. Девушки ставили на них штемпели и завязывали в постпакеты. Сортировщицы знали обстановку на фронте. Поэтому на некоторых конвертах появлялся штамп: «Доставить невозможно». Такие письма возвращались обратно.

К рассвету к блиндажу стекались воинские экспе-

диторы — Ананьев, Круглов, Пятигорский, Третьяков, Артемьев. Сняв с плеч туго набитые зеленые вещмешки, почтальоны вытряхивали корреспонденцию. Опять сортировка. Но эти письма шли уже в тыл, где с нетерпением ждали весточек с фронта.

Оформив приемо-сдаточные документы, экспедиторы отправлялись туда, где шли бои. По размытым дождями или занесенным сугробами дорогам. В студеные морозы, в распутицу. Транспорта у почтальонов не было. Почту приходилось доставлять на себе или на попутной машине. Бывало, продвигались вперед перебежками под огнем.

Читаю воспоминания дальше... Знаменитая Черная речка. Чтобы отрезать фронт от тыла, гитлеровцы держали ее под особым контролем. У переправы сгрудились, ожидая своей очереди, десятки машин и повозок. В затянутом тучами небе висели бомбардировщики. Вокруг грохотало и гудело.

В СОЛДАТСКОМ ОКОПЕ ЧИТАЛИ

ЖЕЛАЕМ СКОРОЙ ПОБЕДЫ

Дорогие бойцы! Мы, сотрудники Вологодской областной станции переливания крови, шлем Вам свой сердечный, пламенный привет.

Находясь в тылу, работая непосредственно для фронта, мы отдаем все свои силы для того, чтобы помочь Вам громить подлого врага.

Среди сотрудников нашей станции много девушек, состоящих донорами и отдающих свою кровь для спасения жизни раненых бойцов. Некоторые сдали по 4—5 и 6 литров своей крови. Это Корнилова Валя, Магаюнова Зоя, Подосенова Валя и другие.

«Поторапливайтесь,— кричал у схода дежурный офицер.— Держите под уздцы коней...»

У переправы в нерешительности стояла девушка в неуклюжей шинели с вещмешком за плечами. Это экспедитор Людмила Аверкова. Пожилой солдат потянул ее за руку: «Да ты не трусь, дочка! Не успеешь моргнуть, как на том берегу будешь...»

Под бревнами хлюпала вода. Свист пуль. Людмила, таща за собой мешок, ускорила шаги. Вот и берег. У переправы увидела знакомую подводку. Оказывается, ее встречал посыльный из штаба батальона. Девушка взвалила свою поклажу на повозку. Двинулись в путь. Все отчетливее слышалась трескотня пулеметов. Вдруг впереди разорвался снаряд, выбросив комья земли. Лошадь тревожно заржала...

«От полевой почты до штаба полка,— пишет Запрудин,— почту доставляли наши экспедиторы, а по батальонам и ротам — посыльные. Бывало, от прямых попаданий бомб и снарядов гибли и люди, и письма. Однажды девушки только зашли в обменный пункт,

Наши отважные воины!
Крепче бейте проклятых фашистов. Быстрее очищайте советскую землю от этой поганой нечисти.

Анастасия Жданова,
Валентина Корнилова,
Татьяна Воробьева,
Зоя Логинова,
Александра Соловьева.

Что добавить к этому письму, опубликованному во фронтовой газете «Отважный воин»? В период войны Воло-

годская станция переливания крови обслужила более 172 тысяч доноров. Мы хорошо знаем цену каждой капли крови, а они сдали ее около сорока тысяч литров. Сколько раненых бойцов спасено! Вот что говорил на слете доноров г. Вологды в 1977 году ветеран войны П. И. Пучков: «Кровь, отданная донорами, вернула не просто здоровье, вернула жизнь. Знаю это точно. Сам трижды был ранен. Выжил благодаря дарителям крови».

как раздался взрыв. Долго пришлось потом собирать разноцветные треугольники. Некоторые письма оказались разорваны в клочья. Сердце сжималось от боли. Ведь мы хорошо понимали, что это были, может быть, последние весточки родным...»

При сильных обстрелах прятались в воронках. Как только стрельба утихала, снова в путь. Но вот и штаб. При появлении почтальона лица бойцов озарялись улыбками. Многих одаряла Аверкова весточками из дома. И снова в путь в надвигавшуюся ночь, в другие землянки.

«Не было, пожалуй, на всем Волховском фронте доставщицы почты надежнее, чем Людмила, — рассказывала впоследствии ее фронтовая подруга Анна Иосифовна Тетюнова, ныне Богатова, из города Чистополь. — Она умудрялась пробежать, проползти под прицелом врага самые опасные участки...»

Недавно отыскивались следы Людмилы Аверковой. После окончания Великой Отечественной войны она оказалась на Дальнем Востоке. Вышла замуж. Новая фамилия ее — Гордиенко. Сейчас живет во Владивостоке. Воспитывает внуков. Людмила Александровна поддерживает связь с краеведческим музеем в Лодейном Поле (Ленинградская область), куда послала материалы о мужестве военных почтальонов. «На передовой мы чувствовали сердцем, понимали умом, какой груз доверяли нам люди, — пишет она. — Простые человеческие слова, изложенные на четвертушке бумаги, преобразовали бойцов... В дождь и снег потаенными тропами в лесах проходили девушки порой по тридцать—пятьдесят километров в сутки. Сознавали, что значит почта для бойца, не щадили себя... Как и бойцы переднего края, многие работники полевых почтовых станций пали смертью храбрых. Только во время боев под Старой Руссой мы потеряли восемь почтальонов из одиннадцати...»

О мужестве и героизме работников полевой почты сообщает и Дмитрий Егорович Запрудин. Несмотря на солидный возраст, он продолжает работать. И нет-нет да вспомнятся ветерану фронтовые дороги, по которым пробивались машины с полевой почтой.

Солдатские письма, весточки родных и близких на фронт... Порой они были нужнее хлеба, желаннее глотка воды.

Я РАБОТАЮ НА ЗАВОДЕ «МЕТАЛЛИСТ»...

Так случилось, что вологжанка Екатерина Николаевна Комина, дочь рабочего Вологодского паровозовогоноремонтного завода, еще студенткой педагогического техникума вышла замуж и переехала в Ленинград. Здесь она и встретила воскресное утро 22 июня 1941 года. Муж ушел в народное ополчение. Молодая мать осталась с маленьким сыном.

Всю войну Екатерина Николаевна провела в осажденном Ленинграде. Знала цену последнему куску хлеба, потеряла родных и близких. Смерть подстерегала повсюду. Она таилась в заиндевелых углах темных комнат, в пустом водопроводном кране, в остывающей буржуйке. От дистрофии невозможно было убежать или скрыться в бомбоубежище.

Все страдания, боль и горечь утрат не могут заслонить самого главного — высокого духа ленинградцев. Поскольку в школах занятия прекратились, Екатерина Николаевна пошла на завод. Путь к месту работы длился часами — трамваи не ходили. Из-за отсутствия топлива цехи не отапливались. В зимнюю стужу ладони пристывали к рукояткам токарного станка, но рабочие выпускали снаряды и мины. Делали все, что могли. Даже больше.

О блокадном городе-герое написана обширная документальная литература. Сердца людей потряс дневник маленькой Тани Савичевой: «Савичевы умерли. Умерли все. Осталась одна Таня». Сколько трагизма в этих строках!

Мне хочется познакомить читателя с письмами Е. Н. Коминой, которые она посылала из заблокированного Ленинграда на Большую землю — в родную Вологду. Около сорока лет хранила их в семейном архиве учительница 8-й железнодорожной школы г. Вологды Лидия Петровна Трофимова.

«С этими письмами,— сказала она,— у меня связаны многие воспоминания о войне. С Екатериной Николаевной нас связывала дружба еще с детства. Мы родились в одной деревне, под Грязовцем, на Обноре, и вместе учились. А когда началась война, поддерживали письменную связь. Моя подруга писала не часто, но регулярно. В самодельных конвертах или простыми треугольниками. Сохранились далеко не все письма. В них не было никаких необыкновенных описаний. Катя рассказывала обо всем, что довелось ей пережить. А пережила она, как и все ленинградцы, немало...»

Е. Н. Коминой сейчас нет в живых. Муж ее умер еще во время блокады. А сын Вова, о котором мать часто рассказывала в письмах, ныне живет в Ленинграде. Он был слишком маленьким, чтобы сохранить в памяти события того сурового времени.

Итак, письма. Голод, холод, обстрелы, смерти, лишения. Но люди продолжали работать на производстве, помогать обессилевшим, эвакуировать детей.

16 марта 1942 года

Здравствуйте, Лида, твой супруг, твои дети Олечка и Димочка! Привет вам от твоей подруги Кати.

Мое молчание описать нет никакой возможности. Думаю, что ты меня во всем простишь во имя пережитого. Буду писать только о настоящем. Пока только что живы. О здоровье говорить страшно. Только что ноги таскаем и от прежних нас остались тени.

Теперь уезжать поздно. Не знаю, что делать. Особенно слабо себя чувствует муж. Хлеба получаем с Вовочкой по 300 граммов, муж — 500 граммов. Хлеб дорогой на рынке. Все вещи более ценные проели. Ждем лучшего в жизни. С дровами плохо. Они дорогие — по 50 рублей вязанка. Хватает потопить только раз.

Лида, как у Вас обстоит дело с продуктами? Есть ли у Вас эвакуированные из Ленинграда? Опиши, милая, обо всем...

Пока до свидания. Пиши, не сердись.

С приветом Катя Комина.

9 августа 1942 года

Дорогая Лида!

Деньги твои я получила 8-го августа, за которые тысяча тебе благодарностей. Не знаю, что еще тебе выразить, милая. Ты мне оказала такую помощь, которая останется навсегда в памяти.

Да, я была в очень тяжелом положении. Болею. Вовочка из больницы вышел. Буду стараться во что бы то ни стало выехать. С производства пока не отпускают. Идет разговор, что с 15-го будут отправлять и с одним ребенком...

Сейчас у нас в Ленинграде какое-то затишье — несколько дней ни налетов, ни обстрелов нет. Но опасность может возникнуть каждую минуту. Ждешь и остерегаешься.

Милая Лида, как я с тобой рассчитаюсь? Неужели не увижу тебя? Жуть берет, когда подумаю, что от всей нашей родни осталось трое — я, мой сын и невестка. Думаю, ты представляешь все это...

Пишу в шесть часов утра. Скоро надо идти вызывать врача на дом к Вовочке и самой надо идти к доктору. Ребенка придется оставить одного в квартире. Даже во всем шестом и пятом этажах никого нет. Сколько квартир и комнат свободных. Все выехали или умерли.

До свидания, дорогая моя, родная подруга. Остаюсь пока жива. Как только получу письмо, сразу же заказным отвечу тебе.

Целую крепко. Катя.

Большое, большое спасибо за деньги. Поцелуй твоих детей — Димочку и Лелю.

29 августа 1942 года

Здравствуй, Лида!

Сегодня получила твое письмо. Спасибо большое, что ты так скоро его послала. Я его ждала с нетерпением. Больше ни от кого писем нет.

Пока жива и здорова. Не работаю из-за Вовы. У него еще коклюш...

Да, милая, нет семьи, чтобы не имела какого-нибудь несчастья. В большинстве все пострадали и горят ненавистью к врагу. Сегодня видела тебя во сне. Очень опечалена твоим горем. Ну, что же сделаешь, раз все так свершилось. Сколько горя и несчастья.

Буду писать, пока не выеду из Ленинграда.

Пиши, Лида.

До свидания! Целую. Катя.

30 сентября 1942 года

Здравствуй, милая Лида!

Как ты живешь и как твое здоровье и здоровы ли твои ребятишки? Мы с сыном пока что живы и здоровы. Я работаю на заводе «Металлист». Работать приходится в три смены, а хожу пешком. Выехать в настоящее время не могу никуда — ни в Вологодскую область, ни в другое место. Выпускают из Ленинграда командировочных и эвакуируют детские учреждения. Народу в городе осталось очень мало.

Писать кончаю. Времени — час дня. Иду на работу. Пока зайду в столовую (я — на рации), покушаю и с двух часов тридцати минут стану работать до десяти часов вечера.

День и ночь идут бои под стенами Ленинграда. Стекла дребезжат. 28-го была воздушная тревога. Продолжалась около часу.

Пиши. Жду ответ. До свидания. Целую.

С приветом Катя и Вова Комины.

25 ноября 1943 года

Здравствуй, милая Лида!

Посылаю второе письмо, а ответа от тебя нет. Мы с Вовочкой живы и здоровы. Вовочка поправился, вырос, потолстел, ходит в очаг. Утром вожу его в 6 часов и беру вечером в 7 часов, иногда и позднее. Так день за днем. Время летит очень быстро.

Нынче у нас жизнь получше, чем в прошлом году. Но дело с деньгами неважно. Я думаю, это везде так. Нынче выдали кубометр дров, горит свет, хлеб 80 руб. кг, картошка — 55 — 60 руб. кг.

Когда настанет день счастья? Скорей бы уничтожить подлого гада, который разбил нашу счастливую жизнь.

Враг продолжает еще днем обстреливать наш город. Но недалек тот день, когда подлые фашисты получат расплату за все. На днях нашу бригаду засняли в «Ленинградскую правду». Может быть, ты увидишь эту газету...

С приветом Катя Комина.

2 января 1944 года

Дорогая Лида! Письмо твое получила 31/XII 43 г. Пришла с работы, была очень рада. Новый год встречала дома с сыном. У Вовы грипп...

Сегодня Вове получше. Враг обстреливает город. Снаряды рвутся так неожиданно. Идешь или работаешь и не знаешь, останешься ли в живых. Днем и даже среди ночи.

У сына будет елка в очаге и у нас на заводе с подарками. Как у вас? Пиши, дорогая. Жду ответ с нетерпением.

Остаемся пока живы и здоровы, того и тебе желаем. Крепко целую тебя и твоих ребятшек.

Катя Комина.

На этом переписка обрывается. Больше писем от Е. Н. Коминой не сохранилось. Но известно, что она, как и многие другие труженицы города-героя, не капитулировала. Капитулировали те, кто бомбил Ленинград, кто старался задушить его жителей в тисках блокады. Не вышло!

Что питало волю и героизм ленинградцев? Вера в правоту нашего дела и оправданность борьбы до последнего дыхания. А еще — нравственная высота людей. Как ни трудно было, они спешили друг другу на помощь. Потому-то в письмах Екатерины Николаевны так часто повторяются слова: «Спасибо, большое спасибо!»

ЗДЕСЬ БЫЛ ОСТАНОВЛЕН ВРАГ

Иной раз вокруг такая крутоверть шла, что, казалось, не выбраться нам из нее живыми. Лезли шюцкоровцы со всех сторон. Пускали в ход артиллерию, но не так-то просто было выкурить нас из дота.

*Из воспоминаний участника
обороны Ошты Н. Н. Разу-
мова*

Ошта... Единственный уголок вологодской земли, опаленный огнем войны. Здесь девятьсот девяносто дней и ночей советские бойцы стояли насмерть...

Сейчас Ошта — центр одного из крупных в Вытегорском районе колхозов — «Большевик». Дотла выжженное врагом, в послевоенный период село заново отстроено. Здесь появилось около четырехсот добротных домов, в которых живет более двух тысяч человек. В палисадниках поднялись кудрявые березы, липы и темнохвойные ели.

Зарубцевались раны войны. Но жители села никогда не забудут разыгравшегося здесь сражения. Потому-то над братской могилой павших бойцов поднялся обелиск, на нем мраморная доска с надписью: «Склоняем головы перед вашим героизмом и мужеством!» Перед обелиском — каменное надгробие. Длинные ряды мемориальных плит, где начертаны имена тех, кто пал в боях на берегах Ошты и в окрестных лесах. Их более шестисот. Политруки Кудрявцев и Столбов, лейтенанты Юрченко, Бондарчук, Дианов, Малюшицкий и Шарыгин, рядовые Плотников, Шестаков, Дворецкий, Жуков, Изотов...

Приезжающим в Ошту туристам обычно показывают дот на Карпинской высоте. Вот он, немой свидетель былых сражений. Время, конечно, наложило свой отпечаток. Деревянный сруб подгнил и обвалился.

Даже в бетонной тверди обнажилась ржавая арматура. Но когда прикоснешься к квадратному глазку, будто снова слышишь треск пулеметной очереди.

Траншей и окопов не видно. Они давно перепаханы и заросли травой. Но все же не трудно представить, как все было... Вот змейкой пробежали ходы сообщения. По ним подносили патроны, диски и гранаты. А там из окопа поднимались бойцы в атаку...

От дота, ставшего музейным экспонатом под открытым небом, можно пройти к развилке дорог, туда, где был передний край обороны. Здесь установлен монумент Славы — памятник в честь защитников Ошты. В его суровой простоте переданы стойкость и мужество. С огромной мраморной глыбы смотрит на нас воин в стальной каске. А ниже, на массивных блоках, начертаны слова: «Здесь был остановлен враг. 1941—1944».

Бои на небольшом участке фронта в сравнении, например, со сражением на Курской дуге могут показаться не столь уж значительными. Но в великой битве не было второстепенных операций. Оштинская оборона — одна из славных, но мало известных страниц истории Отечественной войны.

Один из главных ударов немецко-фашистских захватчиков был направлен на Ленинград. В сентябре 1941-го врагу удалось блокировать его с суши. Однако в город захватчики ворваться не смогли. На их пути встала непреодолимая преграда — стойкость и мужество советских людей.

Развивая наступление, немецкие войска овладели Тихвином, а белофинны вышли на берег Онежского озера и заняли Вознесенье. Создалась угроза вторжения врага на территорию Вологодской области.

Вологодская областная партийная организация развернула подготовку к обороне края. В районе Прионежья началось строительство оборонительных рубе-

жей. Работали главным образом женщины, старики и подростки по 15—16 часов в сутки, нередко под обстрелом вражеских самолетов. Там, где совсем недавно колосились хлеба и стояли стога сена, появились противотанковые рвы, траншеи, доты и дзоты. Как пригодились они нашим воинским частям!

В начале октября 1941 года финские войска, форсировав Свирь и заняв плацдарм на ее южном берегу, вступили на территорию Вологодской области. В ночь на седьмое октября волна вражеского нашествия докатилась до небольшой речки Ошты. Шюцкоровцы под покровом ночи заняли деревню Симаново.

Навстречу противнику вышли два отряда истребительного батальона, созданные из местных жителей. Других вооруженных сил здесь пока не было. Совершив многокилометровый марш, народные мстители внезапно напали на вражеский гарнизон и в течение двенадцати часов сдерживали натиск шюцкоровцев на линии Левино — Вожерокса.

В полночь 9 октября на помощь истребительному батальону подоспели регулярные части 272-й стрелковой дивизии. Они заняли оборонительные позиции и преградили врагу путь к Оште. С этого дня и начинается отсчет Оштинской обороны, длившейся более двух с половиной лет.

Белофинны не раз пытались форсировать реку Ошту, но, встречая отпор, откатывались назад. Об этом свидетельствуют документы. Вот несколько выдержек из боевых донесений: «12.10.41. Противник сосредоточил силы перед фронтом дивизии и атакует наши части с задачей форсировать реку Ошту. 12.10.41. Попытки противника просочиться в районе Поздняково и Симаново отбиты огнем наших частей».

Укрепив позиции, дивизия провела несколько наступательных операций. Но добиться решительного перелома в ходе боевых действий в тот период она не

смогла. Сказывалось преимущество противника как в живой силе, так и в технике.

К ноябрю 1941 года обстановка под Ленинградом оставалась сложной и напряженной. Немецкое командование, выполняя свои стратегические планы, стремилось замкнуть второе блокадное кольцо вокруг Ленинграда. Кроме того, оно рассчитывало стремительным броском через Вытегру, Каргополь и Няндому выйти к Северной железной дороге, чтобы прервать переброску поступающих в Архангельский порт грузов от наших союзников.

Оштинский участок фронта, протянувшийся от Онежского озера до деревни Ивки более чем на двадцать километров, оказался на направлении главного удара. Главнокомандующий финской армией барон Маннергейм поставил перед войсками задачу: прорваться на юго-восток и выйти через район Белого озера к Вологде.

Шюцкоровцы располагали достаточным количеством артиллерии и минометов. На помощь им приходила и авиация. А 272-я дивизия, находясь уже несколько месяцев в боях, сильно поредела. Техники тоже не хватало. При таких далеко не равных силах наши бойцы отстаивали каждую пядь родной земли. Обескровив вражеские части в упорных боях, они заставили их перейти к обороне.

С приходом зимы противник, подтянув свежие силы, не раз пытался прорвать в районе Ошты нашу оборону. Рубежом, дальше которого враг не смог сделать ни одного шага, стала Карпинская высота. Карпинский гарнизон прикрывал деревню Коромыслово, расположенную у развилки дорог. От нее рукой подать до Ошты — всего четыре километра.

По склонам высоты пролегли траншеи и окопы. В центре, на угоре, был сооружен дот. Внутри его выложили кирпичом, и он напоминал небольшой коло-

дец. Сверху высился куполообразный железобетонный колпак с прямоугольной амбразурой. Входом служил окоп, связанный ходами сообщения с другими ячейками и складом боеприпасов. Не знали, не думали карпинцы, что этому доту суждено стать неприступным бастионом. Противник обрушил на высоту сотни бомб и снарядов. Вот что сообщалось в оперативных сводках: «31 января 1942 года. В 10.45 противник прямой наводкой обстрелял район Карпино из 45-мм орудий... 8 февраля 1942 года. В течение дня противник вел артиллерийский огонь по району Ошта—Андреево—Карпино». Деревня выгорела дотла, а защитники высоты продолжали сражаться. Ни снаряды, ни бомбы, ни голод не могли сломить их.

В начале апреля 1942 года 272-ю дивизию на Оштинском участке фронта сменила 368-я дивизия, сформированная в основном из сибиряков. Командный состав ее состоял из закаленных в боях офицеров. Вскоре дивизия предприняла несколько наступательных операций. Вначале они не имели успеха — сказывалось недостаточное боевое обеспечение.

Укрепив позиции, наши части перешли к активной обороне. То тут, то там они наносили врагу чувствительные удары. Многих солдат отличала храбрость и отвага. По всему фронту гремела слава о разведчиках вологжанине Борисе Арсенове, москвиче Василии Жерносекове, снайпере Степане Закатове, санинструкторе Михаиле Харитонове и других.

В Вологодском партийном архиве хранится письмо командования 368-й дивизии в обком партии и обл. исполком. Оно раскрывает немеркнущие страницы Оштинской обороны. Итак, слово документу.

«Наша дивизия,— говорится в письме,— находится на территории вашей области девять месяцев. За этот сравнительно короткий, но богатый и содержательный период дивизия прошла трудный, но героический и

славный путь. Личный состав с честью выдержал все испытания и лишения. В особо трудное, тяжелое для нас время мы всегда получали от вас возможную помощь. Особенно помогали нам советские и партийные органы города Вытегры.

С момента занятия нами рубежей обороны враг не только не смог сколько-нибудь продвинуться вперед, а наоборот, на отдельных участках мы улучшили свои позиции... Планы барона Маннергейма и его сообщников прорваться на юго-восток, к Каргополю и Вологде, потерпели крах.

В грядущих боях наша дивизия будет драться так, чтобы заслужить звание гвардейской... Заверяем вас в том, что приказ Родины: «Ни шагу назад!» нами будет выполнен с честью.

Работайте спокойно, дорогие товарищи! Помните, что мы, сибиряки, не подкачаем. Мы пойдем вперед и только вперед!»

В июне 1944 года войска Карельского фронта перешли в решительное наступление от Ладожского до Онежского озера. После сокрушительной артиллерийско-авиационной подготовки линия обороны белофиннов дрогнула. Нашим частям предстояло форсировать широкую и полноводную Свирь... По реке поплыли плоты. Противник насторожился. Что это? Массовая переправа? Заговорили вражеские орудия. Но то, что шюцкоровцы приняли за людей, были чучела. Во время обстрела враг обнаружил свои огневые точки. Советские артиллеристы сразу открыли по ним огонь. Одновременно начали выползать на берег амфибии десантного корпуса. Гвардейцы, прорвав вражескую оборону, расширяли плацдарм. Десантники-саперы навели на Свири два моста и двадцать паромов. В бой вступили главные силы. Развивая наступление, наши войска за трое суток заняли Лодейное Поле, Подпорожье,

Вознесенье и свыше двухсот других населенных пунктов.

24 июня 1944 года столица нашей Родины Москва салютовала двадцатью артиллерийскими залпами из трехсот двадцати орудий бойцам Карельского фронта, нанешим врагу сокрушительный удар.

В то время, когда развернулась битва за Свирь, 368-я дивизия тоже перешла в наступление. Шюцкоровцы были отброшены на Оштинском участке фронта от рубежей, на которых они держались девятьсот девяносто дней. Весь Оштинский район был освобожден от оккупантов.

Еще слышался отдаленный гул канонады, а в Ошту, Климшино и другие соседние села потянулись люди. Шли пешком, плыли на лодках по речке Оште и Онежскому озеру, ехали на попутных машинах.

Оккупанты стерли с лица земли более двадцати населенных пунктов, сожгли около тысячи пятисот домов, школ и медицинских учреждений, вывели из строя тринадцать предприятий. Двадцать девять колхозов почти полностью лишились скота. Все это — на небольшом участке бывшего Оштинского района.

Врагу так и не удалось занять районный центр Ошту. Но шюцкоровцы систематически обстреливали его из дальнобойных орудий и бомбили с самолетов. «В Оште в то время не осталось ни одного дома, — рассказывал бывший начальник разведки 368-й дивизии В. М. Пантелеев, с которым мне довелось не раз встречаться после войны. — Только чудом уцелевшая колокольня напоминала о том, что здесь когда-то был крупный населенный пункт и жили люди...»

Умолкли пушки. Там, где находилось село, вскоре вырос земляночный поселок. Люди вернулись к мирному труду.

На этом можно бы, пожалуй, поставить точку. Но у Оштинской обороны был свой эпилог.

Освободив Петрозаводск, наши войска уходили все дальше на север. А здесь, в районе Ошты, по берегам рек и обочинам дорог, в самых неожиданных местах притаилась смерть — люди погибали от оставленных врагом мин. Ни трактор в поле вывести, ни скот выгнать на луг, ни в лес по грибы выйти.

На помощь пришли комсомольцы. Райком ВЛКСМ объявил мобилизацию на курсы минеров. Желающих оказалось более трехсот человек. А надо было только пятьдесят.

Предстояло разминировать в области площадь в 124 квадратных километра. Сформировали специальный отряд. Начальником его назначили бывшего фронтовика коммуниста Р. Е. Васькина, работавшего в районной типографии. Занятия проходили не только в тиши кабинетов, но и на минных полях. Вскоре на лугах, болотах и в лесных чащобах замелькали щупы — длинные посохи с металлическим кружком на конце. Медленно цепочкой, соблюдая интервалы, шли девушки-минеры по следам войны. Прощупывали каждый метр... Случалось и непоправимое. Как солдаты на боевом посту погибли комсомольцы Лидия Потапова, Таисия Новожилова, Мария Кипрова, Надежда Терехова, Евгения Панфилова, Роза Гребнева, Мария Тихонова, Станислав Попов, Александра Харитонова, Надежда Ерикова, Петр Печугин. Они подорвались на минах уже в мирные дни. Совсем еще юные. Даже спустя много лет нелегко вспоминать об этом.

До лета 1946 года минеры продолжали работу. В районе Ошты на 123 минных полях было обезврежено свыше 50 тысяч различных типов мин, неразорвавшихся снарядов, бомб и гранат. Разве это не подвиг?

Как облегченно вздохнули местные жители, когда узнали, что земли Прионежья очищены от смертоносного «наследия» шюцкоровцев. На поля вышли трак-

торы и пахари... Но отзвуки войны нет-нет да и давали о себе знать. В 1964 году поступил сигнал о том, что в лесу на mine подорвалась лошадь. Приехавшие на место саперы под командованием капитана Орлова обнаружили минное поле. Снова прощупывался каждый метр земли. Солдаты шестидесятых завершили то, что не успели сделать девушки-минеры.

Ошта... Оштинская оборона. Здесь бойцы стояли на смерть...

...Перед отъездом из Ошты я снова пришел в сквер, где покоится прах бойцов. Тишина. К обелиску подходят красные следопыты, приехавшие издалека. К подножию памятника ложатся живые цветы и венок. На алой ленте венка слова: «Живые вам бесконечно обязаны». Это дань памяти тем, кто не дожид до светлого дня Победы.

МЫ С ВАМИ, ДОРОГИЕ БОЙЦЫ!

1973 полевая почта, часть 399

Здравствуйте, дорогие бойцы, командиры и политработники!

Я — секретарь колхозной комсомольской организации и ежедневно вижу, как комсомольцы и несоюзная молодежь отдают все силы на то, чтобы скорее разбить злейшего врага всей молодежи мира — германский фашизм.

Перед комсомолом деревни стояла огромная задача — убрать богатый военный урожай до единого зернышка. И я должна уверить вас, что с этой задачей мы справились отлично. Богатый урожай убран без потерь.

Я работаю учительницей, занимаюсь с четырьмя классами в две смены. Учебный год начался 1 сентября. Ребята после трудового лета с молодым задором взялись за учебу...

Молодежь у нас обучается военному делу, и по первому зову партии большевиков мы встанем с оружием в руках на защиту Родины.

Прошу во время отдыха, а может быть, перед боем зачитать это письмо. Пусть бойцы знают, что они не одни. Вместе с вами, плечом к плечу — вся молодежь, все колхозники. Они горят желанием разбить врага, очистить русскую землю от немецких гадов.

Вологодская область, Верховажский район, Осташево, Анисимовская школа.

Письмо учительницы Людмилы Михайловны Лихомановой было опубликовано в конце 1942 года в газете «За Родину», выходившей на Ленинградском фронте. В настоящее время Л. М. Лихоманова проживает в деревне Шержуковской Шebenьгского сельсовета Тарногского района.

НА АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

В Вологде, в живописном сквере по улице Мира, установлен памятник Славы — на постамент воздвигнут опаленный огнем войны танк Т-34. В его броню впаяна мемориальная доска: «В честь боевого и трудового подвига вологжан в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Трудящиеся Вологодской области ковали победу не только на полях сражений, но и в тылу. В первые же дни войны на предприятиях промышленности и транспорта родилось патриотическое начинание — работать за себя и за товарища, ушедшего на фронт. Труженики завода «Северный коммунар» 1 июля 1941 года на общем собрании заявили: «Пославши на фронт наших сынов, братьев и отцов, мы, оставшиеся на трудовом посту, отдадим свои силы на дело оснащения нашей армии и страны всеми теми машинами и механизмами, какие требуются от завода. Мы готовы идти на любые жертвы, если этого требуют интересы нашей Родины...»

Главной заботой коллективов предприятий стало — в трудных условиях военного времени не снижать выпуска продукции. А как быть, если основные кадры ушли на фронт?

В газете «Красный Север» 8 июля публикуется обращение работницы Сокольского бумкомбината Б. В. Ланцевич. «Пока бьется сердце в груди, — писала она, — буду бороться за свою счастливую Родину... Призываю всех женщин — домашних хозяек пойти работать на производство и вместе с нами, работницами, крепить тыл, помогать доблестной Красной Армии в борьбе с жестоким и коварным врагом». Этот призыв нашел горячий отклик. Только в г. Соколе на смену

мужьям, отцам и братьям, ушедшим на защиту Родины, пришло более тысячи женщин.

Во имя победы в цехи шли мальчишки, порой им приходилось ставить к станкам ящики, чтобы дотянуться до резца, за руль трактора садились женщины, а машинисты бессменно день и ночь вели к фронту поезда.

Учителя вологодских школ решили посвятить свой летний отпуск общественно полезному труду. По их инициативе в пригородных совхозах была организована прополка посевов, в которой ежедневно участвовали сотни школьников.

Промышленность Вологды, перестроившись на военный лад, увеличивала производство боеприпасов, военного снаряжения, обмундирования, продовольствия. Перелистываю страницы областной газеты «Красный Север» тех лет. Дистанция времени позволяет сегодня увидеть главное, определяющее в труде целой области.

Из цехов Вологодского паровозовагоноремонтного завода (ВПВРЗ) прямо на фронт уходили бронепоезда, санитарные поезда, авторемонтные летучки. На заводе «Северный коммунар» освоили производство минометов. Швейники перешли на пошив военного обмундирования. На судоремонтном заводе, помимо основной продукции, делали походные кухни. На канифольном заводе наладили производство бутылок с горючей смесью.

Выполняя военные заказы, гвардейцы труда, а их были тысячи, трудились с особым напряжением. Так, рабочие ВПВРЗ П. Е. Папушин, В. Д. Кириллова, В. Е. Петрова, К. Е. Виноградова и многие другие ежедневно выполняли по две-три нормы. Бывало, сутками не выходили из цехов. От недоедания и усталости валялись с ног. Трудно было? Да, неимоверно трудно. Но раз фронт требовал, значит, надо! Проводились

воскресники, деньги, заработанные в эти дни, передавались в фонд обороны.

Нелегкая доля выпала железнодорожникам. Чтобы помешать продвижению поездов, немецкие бомбардировщики систематически совершали массированные налеты на станции Бабаево, Бакланка, Череповец, Харовская и другие. Только с августа по ноябрь 1941 года, когда шли ожесточенные бои за Тихвин, на железнодорожные участки области было совершено свыше двухсот налетов и сброшено 1500 бомб крупного калибра.

«Трудное это было время,— писал в бабаевской районной газете «Ленинский путь» почетный железнодорожник В. С. Рокотоз.— Немецкие самолеты, вынырнув из-за облаков, словно коршуны, бросались на воинские составы. От машинистов требовалось немало выдержки, смелости и мастерства. Однажды на мой состав налетело больше десятка бомбардировщиков. Начали бомбить. Сильной взрывной волной паровоз перевернуло. Не знаю, каким чудом мы с напарником уцелели. Вот так и работали. Не обходилось, конечно, и без жертв».

Благодаря самоотверженности машинистов Северной железной дороги В. И. Болонина, Е. Г. Павлова, В. А. Баженова, С. М. Сорокина, А. Н. Полканова, Н. Д. Рыжова, Б. Д. Валяева к линии фронта, нередко под обстрелом и бомбежкой, мчались воинские составы. Всю войну транспортный конвейер действовал четко и бесперебойно.

Вологодские лесозаготовители за четыре военных года дали стране более 20 миллионов кубометров деловой древесины и дров. Широко были известны имена лесорубов Ф. Ф. Трещутина, В. И. Ратникова, В. И. Гагарина и других, показывавших образцы трудовой доблести. В 1942 году вологжане выполняли специальное задание по заготовке дров для Москвы.

За самоотверженный труд коллективам ВПВРЗ, паровозного депо, судовой им. Желябова, Тотемского леспромхоза, Вологодского судоремонтного завода и некоторых других предприятий неоднократно вручались переходящие Красные знамена Государственного Комитета Оборона и министерств.

Более половины тружеников села ушло на фронт. Но посевные площади в колхозах не сократились, а расширились. За годы войны область дала стране сверх плана около трех миллионов пудов хлеба, свыше трехсот двадцати пяти тысяч пудов картофеля и овощей, шестнадцать тысяч тонн молока, двадцать тысяч пудов мяса. Сколько усилий потребовалось, чтобы все это вырастить в трудных условиях военного времени!

Всеобщий подвиг — вот что такое работа вологжан в грозные годы войны. Недаром прославленный полководец маршал Советского Союза И. С. Конев писал: «Героические подвиги на фронте и самоотверженный труд народа в тылу обеспечили нашу победу над гитлеровской Германией. Мои земляки-вологжане — народ боевой: воевали хорошо и трудились на славу».

В грозные годы с особой силой проявился патриотизм тружеников тыла. «Когда-нибудь мы найдем время, — писала в декабре 1942 года газета «Красный Север», — подробно вспомнить, как в течение двух-трех недель в области были собраны десятки миллионов рублей на строительство танков и самолетов, как родник народной инициативы превратился в великое половодье». Что ж, сейчас уместно рассказать и по достоинству оценить вклад вологжан в дело разгрома врага.

В самом начале войны начался сбор средств в фонд обороны. Одними из зачинателей этого патриотического движения были рабочие Вологодского вагонного депо. В воскресенье, 29 июня, они вышли работать как обычно. Заработок за этот день, составивший

5000 рублей, был передан в фонд обороны. Через неделю воскресник прошел на ВПВРЗ. В газете «Тяговик» сообщалось, что весь коллектив завода трудился самоотверженно, с большим подъемом. Многие рабочие дали за смену две-три нормы. Свыше 20 тысяч рублей, заработанных во внеурочное время, было перечислено на вооружение Красной Армии.

Примеру железнодорожников последовали коллективы других предприятий и учреждений. Рабочие и служащие хорошо понимали, что средства в фонд обороны — это новые танки и пушки, самолеты и корабли, автоматы и «катюши». Даже дети не стояли в стороне. 21 октября 1941 года газета «Красный Север» опубликовала письмо учащихся Несвойской школы Кубено-Озерского района. «Все учащиеся нашей школы нынче летом работали на полях, убирая урожай и заготавливая корм скоту, — писали ребята. — За лето мы заработали 5237 трудодней в колхозе. Чтобы оказать еще большую помощь Красной Армии в разгроме врага, мы по предложению пионерки Нины Кудрявкиной решили собрать деньги и послать их в фонд обороны. Сейчас уже собрано 400 рублей. Саня Воробьева внесла 6 руб., Лия Сорокина и Ара Мезенева — по 5 руб., Нина Струлева — 13 руб. Сбор денег продолжается. Передавая эти деньги в фонд обороны, мы просим, чтобы на наши средства построили самолет, который будет пополнением нашей авиации». За короткий срок от пионеров и школьников области поступило на самолет «Юный истребитель» 3 миллиона 325 тысяч рублей.

Вклад в фонд обороны выражался в разнообразных формах. Трудящиеся области вносили наличные деньги, облигации и материальные ценности, производили отчисления от заработной платы. Всего за годы войны они дали займы государству 788 миллионов рублей, реализовали денежно-вещевой лотереи на 145 миллио-

нов рублей, передали в фонд обороны 155 миллионов рублей.

Помощь фронту не ограничивалась материальными средствами. В период войны колхозы и совхозы ежегодно засевали «гектары обороны». В 1942 году, например, было засеяно 3900 гектаров, в 1943 году — 4207 гектаров. Собранный урожай безвозмездно сдавался для пополнения продовольственного баланса страны. В фонд обороны поступили также тысячи тонн мяса, овощей, шерсть, овчина и другие продукты сельского хозяйства.

В октябре 1941 года прозвучал призыв тружеников сельхозартели «Правда Севера» Вологодского района о сборе теплой одежды для фронтовиков. На сборные пункты со всех концов области стали поступать валенки, шапки-ушанки, шерстяные носки, рукавицы, полушубки, фуфайки, свитера, брюки. Всего было отправлено на фронт 540 тысяч теплых вещей.

По примеру комсомольцев начался сбор подарков для фронтовиков. Девушки вышивали кисеты и носовые платки. Теплые слова писем, вложенных в посылки, согревали солдатские сердца. За годы войны из нашей области на фронт ушло 95 вагонов с подарками.

Большим вниманием окружали вологжане раненых бойцов. Тысячи женщин помогали госпиталям. Их заботливые руки поддерживали в палатах чистоту и уют, стирали и чинили белье. Добровольные сиделки дежурили по ночам у тяжелораненых. Все они помогали безвозмездно. Не оставались без помощи и семьи фронтовиков, инвалиды войны, детские дома, эвакуированные ленинградцы.

В августе 1942 года члены сельхозартели «Строитель» Велико-Устюгского района проявили инициативу в сборе средств на строительство танков. Сохранились документы, свидетельствующие о массовом патриотизме тружеников тыла. Приведем некоторые из них.

Москва, Кремль, товарищу Сталину.

Колхозники сельхозартели «Строитель» Велико-Устюгского района первыми в области начали сбор средств на строительство танковой колонны «Вологодский колхозник» и внесли 120 тысяч рублей.

Наш колхоз в текущем году собрал стопудовый урожай, досрочно рассчитался с государством по всем поставкам, сдал сверх плана 8400 литров молока, 120 пудов мяса, 180 пудов льна.

Заверяем Вас, товарищ Сталин, что мы и впредь будем отдавать все силы и средства на дело быстреего разгрома гитлеровских разбойников.

Председатель колхоза «Строитель»
Велико-Устюгского района Смирнова Е. В.

Москва, ЦК ВКП(б), товарищу Сталину.

Я, мать троих детей, жена фронтовика, люблю свою Родину, свою партию, которая вырастила и воспитала меня. Я вношу на строительство танковой колонны 10 тысяч рублей.

Зав. молочнотоварной фермой колхоза «Достижение» Пришекснинского района Смекалова П. С.

Москва, Кремль, товарищу Сталину.

Три моих сына и дочь защищают Родину. Мне 65 лет. Работаю рядовым колхозником. Внес на строительство танков 4550 рублей. Пусть наши танки давят фашистских гадов.

Вологодская область, Кирилловский район, колхоз «Красный Кириллов»
Абрамов А. Н.

Сбор средств превратился в яркую демонстрацию безграничной преданности советских людей своей Родине. Он проходил с большим подъемом. В том же Велико-Устюгском районе от колхозника К. В. Машихина поступило 35 000 руб., Е. В. Ворониной — 25 000 руб., Н. П. Юрецкого, В. А. Владимирова, П. И. Иванцова — по 20 000 руб., Я. К. Селякова — 15 000 руб., П. А. Шешукова — 12 000 руб., Н. Н. Воронина и О. А. Баулина — по 10 000 руб. и т. д. Председатель колхоза «Но-

вый путь» Кубено-Озерского района А. Ф. Перяева внесла на строительство танков 25 000 руб., колхозница сельхозартели «Веретье» Череповецкого района И. Д. Голованова — 10 000 руб., председатель колхоза «Новая жизнь» Белозерского района Н. А. Корешкова — 5000 руб.

Не все, конечно, располагали крупными суммами трудовых сбережений. Но каждый стремился внести свой вклад на алтарь Отечества. На собрании в колхозе «Красная Мегра» Белозерского района, где обсуждался вопрос об инициативе устюжан, первым взял слово семидесятилетний колхозник Е. Г. Буров. «Красная Армия, — сказал он, — наносит мощные удары по фашистской своре. Это нас радует. Но чтобы еще сильнее громить врага, нужно больше помогать фронту. Лично я вношу на строительство танков тысячу рублей. Пусть и мои сбережения обрушатся металлом на врага».

Горожане тоже стремились оказать всемерную помощь фронту. Вот письмо врача-хирурга А. Н. Никитина, которое невозможно читать без волнения. «Будучи уже пожилым, — писал он, — я не могу непосредственно на фронте принять участие в боях с фашистскими варварами, как это делает мой сын, сражающийся на Сталинградском фронте. Я же честной работой в тылу, на станции переливания крови, стараюсь всемерно помочь Красной Армии сохранить как можно больше жизней нашим раненым бойцам и командирам. Желая еще больше усилить свою помощь родной Красной Армии и любимой Родине, я внес свои трудовые сбережения в сумме 12 тысяч рублей на строительство танковой колонны».

К концу декабря 1942 года на текущий счет в отделения Госбанка от трудящихся области поступило 50 миллионов рублей. Об этом было сообщено в Государственный Комитет Обороны. Верховный Главно-

командующий И. В. Сталин в ответ прислал на имя первого секретаря обкома партии Б. Ф. Николаева телеграмму следующего содержания: «Передайте колхозникам и колхозницам Вологодской области, собравшим 50 миллионов рублей на строительство танковой колонны «Вологодский колхозник» и более 30 тысяч пудов зерна в фонд Красной Армии, мой братский привет и благодарность Красной Армии».

В феврале 1943 года обком КПСС докладывал в Государственный Комитет Оборона о том, что трудящиеся области собрали дополнительно еще 17 миллионов рублей на строительство танковой колонны «Вологодский колхозник» и 25 миллионов рублей на строительство авиасоединения «Героическому Ленинграду». В той же докладной сообщалось, что труженики села области, помимо ранее сданного хлеба, передали в фонд Красной Армии 150 тысяч пудов зерна, 12 500 пудов картофеля, 2000 пудов мяса, 1000 пудов овощей. Вклад довольно весомый. Ведь в то время каждый грамм хлеба ценился на вес золота.

Всего на строительство танков и самолетов от трудящихся области поступило 109 839 тысяч рублей, а общий сбор средств в фонд обороны составил свыше миллиарда рублей. Очень красноречивые цифры.

В середине марта 1943 года танковая колонна боевых машин Т-34, на башнях которых стояла надпись «Вологодский колхозник», была передана в танковое соединение генерал-лейтенанта М. Е. Катукова. В то время наши войска готовились к решительному наступлению на Курской дуге. Принимая танковую колонну, командование части горячо благодарило трудящихся Вологодской области. «Будьте уверены, — говорилось в приветствии вологжанам, — танки ваши в надежных руках. Совершенствуя боевую выучку, укрепляя дисциплину, мы будем беспощадно громить

врага до полного изгнания его из нашей священной Родины. Наш девиз: «Вперед! Только вперед!»

Сохранились документальные свидетельства о том, как танковая колонна «Вологодский колхозник» громила гитлеровцев. Вот одно из них — письмо майора П. Л. Павловцева от 19 июля 1943 года в обком КПСС: «Прежде всего должен доложить, что танки, построенные на средства моих земляков и управляемые нашими прекрасными советскими патриотами, вот уже четырнадцать дней как творят героические дела. Появились тысячи (без какого-либо преувеличения) новых орденосцев, десятки новых героев. Наше, известное вам соединение в этих жестоких битвах уже уничтожило более тысячи танков противника. На днях, полагаю, из сообщения Совинформбюро вы узнаете о еще более отрадном явлении. Гитлеру и его банде скоро капут. Вы сами можете сделать вывод о том, как помогли фронту танки, построенные на трудовые средства вологодских колхозников».

Вологжан радовали сводки Совинформбюро о наступлении наших войск на Орловско-Курской дуге. Они знали, что в этой великой битве участвуют и танки колонны «Вологодский колхозник». Обком ВЛКСМ послал на имя генерал-лейтенанта М. Е. Катукова письмо:

«Дорогие друзья-танкисты! Мы от всего сердца гордимся вами, гордимся тем, что вы на своих танках, в числе которых есть и танки «Вологодский колхозник», наносите сокрушительные удары по фашистской своре.

Вологодский обком ВЛКСМ уверен в том, что вы, боевые товарищи, еще ожесточеннее, еще беспощаднее будете громить немецко-фашистских захватчиков. Мы же удесятерим свою трудовую деятельность, чтобы самоотверженной работой в тылу еще быстрее приблизить час победы над врагом».

В один из весенних дней памятного сорок пятого в Вологду пришла телеграмма от генерал-полковника М. Е. Катукова. Ее читали и перечитывали: «Ваши танки с боями прошли 1200 километров и вторглись в Бранденбургскую провинцию под самый Берлин. Мы продолжаем доколачивать врага...» А еще через несколько дней из сообщения Совинформбюро стало известно, что войска танковой армии Катукова 23 апреля ворвались в Берлин. Со дня на день труженики тыла ждали известия о разгроме фашистской Германии.

Нет, не случайно в Вологде воздвигнут на постамент прошедший огненные дороги войны танк Т-34! Это символ боевого и трудового подвига вологжан. Грозная для врага машина напоминает жителям древнего города о тех, кому она обязана своим рождением, и о тех, кто сражался на ней до Победы.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Пошлите меня на фронт!	7
Слово защитнику Бреста	14
Смело идите в бой...	20
Они приняли первый удар	23
В поединке выше облаков	26
Не только память...	31
Под куполом парашюта	43
У гвардейского знамени	45
Комендор Николай Абакумов	46
Закрывший грудью амбразуру	48
Жди меня	51
Бойцы любят Вашего сына...	56
Воин и сеятель	57
Мы не сдадимся никогда!	65
Трасса мужества	67
Один из шестнадцати...	70
С мечтой о грядущем	73
Мы победим!	79
Березы на холме	81
Гвардейцы дерутся отлично	82
Снайпер Владимир Краснов	86
В подарок — самолет	90
Сильнее смерти	91
На Мамаевом кургане	97
Крылатый богатырь	102

История двух писем 109
Отлетался, коршун... 112
Победившему фашистский «тигр» 113
Подвиг на Днепре 114
Храбрейший из храбрых 119
Знаменосец Анатолий Шагалов 120
Сестра милосердия 126
Я — ленинградец... из Вологды 130
С лейкой и автоматом 132
Последняя радиограмма 135
Поэтическая исповедь солдата 140
Достоин звания Героя 145
Автограф на рейхстаге 149
Баян-фронтовик 155
Почта полевая 159
Желаем скорой победы 161
Я работаю на заводе «Металлист»... 164
Здесь был остановлен враг 169
Мы с вами, дорогие бойцы! 178
На алтарь Отечества 179